Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Тезисы докладов и сообщений
Пятой всероссийской научно-практической конференции
(20–21 октября 2016 г.)

Омск
ОмА МВД России
2016

УДК 2-1(082)
ББК 86
Р 36

Р 36 **Религиозная ситуация в российских регионах** : тезисы докладов и сообщений Пятой всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 20–21 октября 2016 г.) / отв. за вып. д-р филос. наук, проф. Л. В. Денисова, канд. ист. наук А. А. Морозов. — Омск : Омская академия МВД России, 2016. — 128 с.

ISBN 978-5-88651-634-0

В материалах предлагаемого сборника дается характеристика религиозной ситуации на общероссийском и региональном уровнях. Анализируются проблемы существования религии в современном обществе, рассматривается религия в мире культуры, методологические аспекты изучения религиозной ситуации.

Адресовано профессорско-преподавательскому составу, научным сотрудникам образовательных организаций, а также религиоведам, философам, социологам, культурологам и всем интересующимся проблемами развития религии.

УДК 2-1(082)
ББК 86

ISBN 978-5-88651-634-0 © Омская академия МВД России, 2016

РАЗДЕЛ I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И РЕЛИГИЯ

М. А. Бучакова
(г. Омск)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются конституционно-правовые основы религиозных отношений, тенденции в совершенствовании правового регулирования в данной сфере, анализируются организационно-правовые формы религиозных объединений.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религия, религиозные объединения, религиозная группа, свобода вероисповедания.

M. A. Buchakova
(Omsk)

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF RELIGIOUS RELATIONS IN RUSSIAN FEDERATION

The article considers the constitutional and legal bases of religious attitudes, trends in the improvement of legal regulation in this area and analyzes the organizational and legal forms of religious associations.

Key words: state-confessional relations, religion, religious associations, religious group, religious freedom.

Конституция РФ 1993 г. заложила современные принципы построения государственно-конфессиональных отношений, которые основаны на цивилизованных началах и подтверждают приверженность России к соблюдению общепризнанных международно-правовых норм в области религиозной свободы. В соответствии со ст. 28 Основного Закона каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Согласно конституционным положениям была сформирована модель государственно-церковных отношений, предоставившая широкие права

верующим гражданам и являющаяся основой российского законодательства о свободе совести. Произошедшие изменения в сфере вероисповедных отношений объективно требовали адекватного отражения и правового закрепления в законодательстве. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее — Закон № 125) [*Собрание* законодательства Российской Федерации. 1997. № 39, ст. 4465], определил дальнейшие пути развития религиозных отношений в России, взаимодействие религиозных объединений и государства.

Реализация гражданами конституционных предписаний, гарантирующих свободу совести и свободу вероисповедания, предполагает существование и деятельность в нашей стране различных религиозных объединений, которые представляют собой устойчивые коллективные образования со своими целями, задачами и функциями, а также практическими средствами их реализации. Построение религиозных объединений, взаимоотношения их высших и низших органов, система внутреннего управления, порядок отправления религиозного культа и другие элементы, определяющие характер их деятельности, зависят преимущественно от вероучения. В то же время законодательство, исходя из необходимости охраны интересов личности, общества и государства, регламентирует порядок образования и деятельности религиозных объединений, устанавливает их права и обязанности.

Эффективность контроля за соблюдением законодательства о религиозных объединениях, совершенствование форм и методов научной работы в немалой степени зависят от правильного понимания социального и правового характера религиозных объединений. Выявление характерных черт данного субъекта отношений затруднено тем, что содержание, которое вкладывается в понятие религиозного объединения, в юридической науке понималось и понимается неоднозначно. Как справедливо отметил С. С. Алексеев, «нельзя забывать важнейших требований, предъявляемых к научной терминологии, ее однозначности, строгой определенности, ясности, устойчивости, совместимости со всем комплексом употребляемых в науке терминов. Обогащение понятийного аппарата науки должно происходить не за счет утраты точности терминов, так как утрачивается скоординированность научных понятий» [*Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 35–36].

Д. Н. Бахрах писал, что «религиозные объединения действуют на основе добровольности и самоуправления, но их цели — исповедование той или иной религии и отправление религиозных культов, в связи с этим такие объединения следует выделить в особый вид коллективных субъектов права. Та-

ковым группа граждан становится с момента регистрации религиозной организации в установленном порядке» [*Бахрах Д. Н.* Система субъектов советского административного права // Сов. гос-во и право. 1986. № 2. С. 44]. Употребляя понятие «религиозное объединение», нужно иметь в виду, что оно может быть использовано в двух аспектах. Во-первых, как религиоведческое понятие, отражающее сущность и закономерности складывающихся отношений в процессе организации религии. Во-вторых, как правовая дефиниция, определяющая правовой статус объединений из совокупности внешних факторов и формальных признаков. Говоря о признаках религиозного объединения, необходимо отметить, что совместное исповедание и распространение веры — главная и единственная цель деятельности религиозного объединения. Этой цели подчинены все его признаки и правоспособность. Применительно к религиозным объединениям в юридическом смысле этот признак позволяет идентифицировать данный социальный институт и одновременно юридический субъект как религиозное объединение.

Согласно Закону № 125 религиозные объединения подразделяются на две организационно-правовые формы: религиозная группа и религиозная организация. Между тем Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О свободе совести и о религиозных объединениях”», устранил из Закона № 125 требование о необходимости подтверждения пятнадцатилетнего срока существования религиозной группы на конкретной территории для ее последующей государственной регистрации. На законодательном уровне подробно закрепляются права, обязанности, условия деятельности религиозных организаций. В соответствии с Гражданским кодексом РФ они наделяются статусом юридического лица и действуют в качестве некоммерческой организации. Что касается правового регулирования религиозных групп, то в ст. 7 Закона № 125 закреплено, что «они имеют право совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, а также осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей». Требований к порядку их образования не предусмотрено, они не наделяются правами юридического лица. По сути, правовой статус религиозной группы размыт. В правовом отношении эта организационно-правовая форма несовершенна и в плане обращения в суд. В данном Законе говорится лишь о необходимости уведомления, представляемого в публичные органы в случае начала совершения богослужения и других религиозных обрядов и церемоний.

Таким образом, целесообразно уточнение правового положения религиозной группы с закреплением отдельных элементов ее статуса.

П. В. Векленко
(г. Омск)

СЕРВИЛЬНОЕ ПРАВО VS СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Рассматривается противоречие между современным российским сервильным правом и принципами светского государства, равенства религиозных организаций перед законом. Сервильное право подрывает механизм обеспечения безопасности и социального компромисса в условиях многоконфессиональной и многонациональной страны.

Ключевые слова: сервильное право, светское государство, свобода совести, клерикализация, равенство.

P. V. Veklenko
(Omsk)

SERVILE LAW VS SECULAR STATE

The article discusses the contradiction between the modern Russian servile law and the principles of the secular state, equality of religious organizations before the law. Servile law undermines the security mechanism and social compromise in the conditions of multiconfessional and multinational country.

Key words: servile law, secular state, freedom of conscience, clericalization, equality.

Сервильность современного российского права есть тревожный симптом: право, превратившееся в инструмент защиты узкогрупповых эгоистических интересов, право, безразличное к общественному благу, идеалам равенства, свободы и справедливости, — признак тяжелой социальной патологии. Преференция, оформленная законодателем в пользу «избранных» социальных структур, есть в то же время дискриминация остальных. Сервильное законодательство нарушает социальный баланс: вместо обеспечения компромисса оно лишь обостряет противоречия.

Изменения в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», внесенные Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации», являются примером сервильности российского права, регулирующего государственно-конфессиональные отношения [*Рос*. газета. 1997. 1 окт. ; 2013. 10 июля]. В частности, п. 3 ст. 16 гласит: «Религиозные обряды могут проводиться также в зданиях, строениях религиозного назначения, расположенных на территориях образовательных организаций, а также в помещениях образовательных организаций, исторически используемых для проведения религиозных обрядов». Очевидно, что данная норма противоречит конституционному принципу светского государства, отде-

лению церкви от государства и школы от церкви. Законодатель применяет сомнительный с точки зрения юридической техники прием — вводит понятие с весьма неопределенным содержанием «исторически используемое помещение образовательной организации для проведения религиозных обрядов». Неопределенность этой формулировки не только снимает проблему культовых сооружений, расположенных на территориях государственных образовательных учреждений, строительство которых в постсоветской России, несмотря на Конституцию РФ, носило массовый характер, но и устраняет препятствия для такого строительства в будущем. Де-факто чиновники, ответственные за появление на территории государственного образовательного учреждения культового сооружения, могут отвергнуть какие бы то ни было обвинения, сославшись на «исторические обстоятельства», поскольку закон не устанавливает никаких критериев «историчности». В итоге попрание Конституции РФ и принципа светского государства, который предполагает, в том числе и буквально, пространственное отделение церкви от образовательных учреждений, длившееся на протяжении десятилетий после распада СССР, оправдывается неубедительными ссылками на «историчность». Фактически безнаказанным становится строительство культовых сооружений на территории образовательных учреждений, ибо то, что произошло вчера, — уже история. Учитывая, что православие было государственной религией Российской империи, несложно догадаться, что скрывается за неуклюжей формулировкой «исторически используемое помещение образовательной организации для проведения религиозных обрядов» — очередная мера государственного протекционизма в пользу РПЦ. Наряду с установлением уголовной ответственности за «оскорбление религиозных чувств верующих», введением элементов воспитания в духе православной традиции в школьное обучение, финансовой, информационной и административной поддержкой РПЦ со стороны органов государственной власти, внесение изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» есть очередной шаг на пути клерикализации российского общества, сращивания церкви и государства. При этом нарушаются права представителей других конфессий — с трудом можно представить себе, например, языческое капище или синагогу на территории государственного образовательного учреждения. Также не учитываются интересы атеистически, агностически убежденных граждан или граждан религиозно индифферентных. В целом, если рассматривать атеизм как веру в то, что бога нет, то религиозно-культовая деятельность может также интерпретироваться как «оскорбление чувств верующих» (сравните с понятием «оскорбление религиозных чувств верующих» из ч. 1 ст. 148 УК РФ). Несовершенство юридической техники, безответственность законодателя, проявляющиеся в юридических конструкциях неопределенного содержания, открывают возможности для произвола со стороны правоприменителя, ис-

пользования права для политического преследования. В то же время противоречия между Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» и Конституцией РФ, асимметрия в законодательном регулировании, при которой игнорируются интересы широкого круга лиц — представителей конфессий, оказавшихся не столь «равными» как православие (по версии РПЦ), атеистов, агностиков, людей, безразличных к религиозной жизни общества, есть очередная дискредитация права как социального регулятора, воплощения справедливости и средства гармонизации общественных отношений.

Таким образом, безответственность власти и сервильность права не только приводят к нарушению принципов равенства религиозных объединений перед законом и отделения религиозных объединений от государства, но и подрывают светское государство как механизм обеспечения безопасности многоконфессиональной и многонациональной страны. Государство в лице должностных лиц вместо того чтобы соблюдать нейтралитет и выполнять функции беспристрастного судьи и честного посредника в межконфессиональных отношениях, осуществляет политику протекционизма, допускает сращивание государственных и церковных структур.

Т. Е. Грязнова
(г. Омск)

УЧЕНИЕ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ Б. Н. ЧИЧЕРИНА

В тезисах раскрывается понятие «свобода совести» в интерпретации Б. Н. Чичерина, определяются основные вехи возникновения и развития свободы совести в мировой истории.

Ключевые слова: Б. Н. Чичерин, свобода совести, либерализм, права человека.

T. E. Gryaznova
(Omsk)

THE DOCTRINE OF THE FREEDOM OF CONSCIENCE BY B. N. CHICHERIN

The thesis explores the concept of “freedom of conscience” in the interpretation of the B. N. Chicherin, identifies the major milestones of the emergence and development of freedom of conscience in the world history.

Key words: B. N. Chicherin, freedom of conscience, liberalism, human rights.

Проблема прав и свобод человека имеет многовековую историю, однако подлинным открытием в данной области стал разработанный в период буржуазных революций XVII–XVIII вв. в рамках теории естественного права либеральный подход. Принципы свободы и формального равенства, верховенства правового закона и неотъемлемых прав личности, провозглашен-

ные классиками европейского либерализма (Г. Гроций, Б. Спиноза, Д. Локк, Ш. Л. Монтескье и др.) и воплощенные в американских и европейских декларациях, подверглись пристальному вниманию со стороны представителей российской юридической науки, в частности Б. Н. Чичерина, послужив отправной точкой создаваемых ими концепций.

Одной из центральных категорий теории Б. Н. Чичерина является свобода, трактуемая как «основное определение человека как разумного существа», «корень и источник всех прав» [*Чичерин Б. Н.* Философия права. М., 1900. С. 53, 105], в связи с чем она не может быть дарована, а может быть лишь признана законом того или иного государства. «Человек не потому свободен, что закон делает его свободным, а закон ограждает его свободу, потому что свобода свойственна ему как человеку» [*Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки : в 3 ч. М., 1894. Ч. I. С. 34], — поясняет свою мысль автор.

В свободе Б. Н. Чичерин различает «собственно гражданскую в тесном смысле», принадлежащую лицу в его частной сфере свободу, и политическую, принадлежащую индивиду как гражданину государства. Первая является источником частных (гражданских) прав, вторая — прав политических. Тесная взаимосвязь гражданской и политической свободы неизбежно порождает «третий разряд прав» — права личные, «определяющие отношение личной свободы к государству» [*Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки : в 3 ч. Ч. I. С. 36], к числу которых автор в первую очередь относит свободу совести как основу человеческого достоинства.

Истоки идеи свободы совести российский либеральный мыслитель связывает с появлением христианского вероучения, в рамках которого, в отличие от всех иных существовавших в Древнем мире религий, она впервые стала трактоваться в качестве неотъемлемого права каждого человека. Однако данный подход был присущ отцам церкви лишь до тех пор, пока христианство не обрело статус мировой религии и функционально не заменило собой институт государства в период Средних веков. Осуществляя высшую общественную связь во времена политической раздробленности, церковь подменила нравственное воздействие государственным принуждением, возвела свободу совести в ранг государственного преступления и стала использовать механизм государства в качестве орудия для борьбы с еретиками. Такое вторжение в область внутренней свободы человека свидетельствует, по мнению Б. Н. Чичерина, об извращении природы и церкви, и государства. Вновь к началу веротерпимости и свободы совести человечество возвращается в период Нового времени, что связано с формированием либеральной идеологии, светского образования и отделением церкви от государства. На взгляд Б. Н. Чичерина, свобода совести на конституционном уровне закреплена в США, Англии, Франции, Германии, Австрии, Италии и других прогрессивных государствах.

Применительно к России впервые говорить о свободе совести Б. Н. Чичерин считает возможным начиная с эпохи Петра Великого: указом 1714 г. раскольникам был дарован ряд гражданских прав. Политика Петра I была продолжена Петром III, Екатериной II, Александром I, Николаем II. Однако, несмотря на закрепление свободы вероисповедания в основных законах Российской империи, «полное… осуществление религиозной свободы... составляющей высшее требование истинно христианской нравственности, справедливости, человеколюбия, наконец, здравой политики, предстоит еще впереди» [*Чичерин Б. Н.* Общее государственное право / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2006. С. 294].

Размышляя о сущности свободы совести, Б. Н. Чичерин считает необходимым различать «свободу внутреннего исповедания веры, или собственно свободу совести, и свободу внешнего исповедания, которая… называется свободой вероисповедания» [Там же. С. 280]. Свобода совести заключается в праве человека: исповедовать ту веру, которая соответствует его внутренним убеждениям, чувствам и нравственности, или быть атеистом; в отсутствии угроз наказаниями за сделанный выбор; в праве свободного перехода из одной веры в другую и в праве не быть принуждаемым к исполнению обрядов своей церкви [Там же. С. 281, 282]. Что касается свободы вероисповедания, то она, по мнению российского либерального мыслителя, состоит в праве осуществлять богослужение и церковные обряды, а также в праве проповедовать свою веру. Верховное право государства в данном случае выражается в признании или не признании церкви в качестве корпорации (обладающей правами и обязанностями юридического лица), надзоре за ее действиями, защите и покровительстве.

Важной проблемой современных государств, по убеждению Б. Н. Чичерина, является реализация свободы совести в областях гражданской и политической. Очевидно, что в конституционном правовом государстве гражданские и политические права должны быть предоставляемы, независимо от вероисповедания, всем гражданам. Однако поскольку существуют религии и секты, идеология которых направлена на дестабилизацию существующего правопорядка, государство обязано наказывать за обусловленные подобного рода вероисповеданием преступления и осуществлять их превенцию, в том числе посредством ограничения или лишения гражданских и политических прав. Во всех иных случаях государство должно проводить политику веротерпимости и уважения свободы совести своих граждан.Как видим, свобода совести является для Б. Н. Чичерина фундаментальным и неотъемлемым правом человека, проистекающим из его внутренней природы, как нравственного существа. Развиваемые автором идеи автономности внутреннего мира и убеждений личности, веротерпимости и толерантности были положены в основу его политического идеала — конституционного правового государства — и не потеряли, как и сам идеал, актуальности по сей день.

С. В. Денисенко
(г. Омск)

РЕЛИГИОЗНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Рассматриваются вопросы формирования толерантного отношения полицейских к религиозному поведению граждан. Предлагаются методы формирования толерантности в вузах МВД и практических подразделениях полиции.

Ключевые слова: религия, толерантность, полицейский, воспитание, деятельность.

S. V. Denisenko
(Omsk)

RELIGIOUS TOLERANCE AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Discusses the formation of tolerant attitude of the police towards the religious behavior of citizens. Suggests methods of tolerance education in the universities of the Ministry of internal Affairs and practical police departments.

Key words: religion, tolerance, policeman, education, activities.

Противодействие разжиганию розни на религиозной почве признается лидерами традиционных конфессий одной из важнейших задач современного гражданского общества. Толерантность, в том числе межконфессиональная, является непременным условием взаимопонимания в мире, разделенном многочисленными барьерами [*Гуревич А.* Толерантность надо воспитывать повседневно // Полиция России. 2014. № 9. С. 19–21]. Это должны учитывать в своей работе правоохранительные органы. Диалог религиозных объединений с государственной властью задается воспитанием религиозной толерантности государственных служащих и полицейских [*Таджуддин Т. С.* Нас объединяют моральные ценности // Там же. С. 16–18]. От современных полицейских общество требует толерантного взаимодействия и умения переводить конфликтные ситуации (или ситуации, потенциально чреватые конфликтом) в правовое поле. Полицейский должен действовать, не допуская дискриминации, унижения граждан, и одновременно понимать, что от его грамотных действий и поведения зависят не только нейтрализация или обострение потенциального конфликта, но и общая гармонизация жизненной среды. Особенно важно толерантное поведение в сфере межконфессионального согласия для тех подразделений, которые напрямую работают с населением, таких как участковые уполномоченные и патрульно-постовые службы.

Постмодернистская эпоха естественным образом создает необходимые условия для формирования толерантных норм во всех сферах жизни, включая и религиозную. Религиозная нетерпимость (и крайняя ее форма — религиозный экстремизм) существует вечно, но ей следует поставить надежный заслон, и важная роль в этом отводится правоохранительным органам.

Активное противопоставление экстремизму гуманистических идей религиозной толерантности положено в основу государственно-конфессиональной политики, проводимой с начала двухтысячных годов. Отсутствие на данный момент многомерной государственной программы не позволяет в полной мере использовать потенциал правоохранительных органов и других государственных институтов, общественных организаций по выявлению и пресечению экстремистской деятельности на религиозной почве [Там же].

В части 1 ст. 7 Федерального закона «О полиции» закреплено: «Полиция защищает права, свободы и законные интересы человека и гражданина независимо от отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [*О полиции* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ : в ред. Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 248-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900 ; 2015. № 29, ч. 1, ст. 4374]. Данная формулировка близка той, что присутствует в расширенном карманном пособии по правам человека для работников полиции, подготовленном Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека: «При защите и служении сообществу полиция не проводит незаконного различия на основе расы, пола, религии, языка, цвета кожи, политических убеждений, национального происхождения, имущественного, сословного или иного положения». Сотрудники полиции обязаны учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, религиозных организаций, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию. Сотрудник полиции не должен проявлять разное отношение к гражданам в этническом и конфессиональном плане, должен признавать их равенство перед законом. При этом речь идет о реальной практической деятельности, о поступках с далекой правовой перспективой. Реализация провозглашенного Конституцией РФ принципа свободы совести осуществляется с помощью учебной дисциплины «Религиоведение», изучение которой должно способствовать воспитанию у полицейских толерантного отношения к различным религиям.

Одним из главных принципов религиоведческого образования для современных полицейских является изложение предмета на языке толерантности. Осмысливается диалог религиозных и нерелигиозных воззрений о человеке, обществе, мире, в ходе которого внимание обучаемых будет ориентироваться на совпадение взглядов. Квалифицированное преподавание религиоведения в вузах МВД позволяет успешно бороться с предрассудками и элементарной неграмотностью относительно любых религий.

Усвоение данных положений в следующей за профессиональным образованием службой заложено в работу с личным составом органов внутренних дел, которая должна вестись с учетом этнокультурных и религиозных особенностей региона и состава сотрудников. Формирование толерантных устано-

вок активно ведется и во всех направлениях учебной и воспитательной работы образовательных организаций МВД России.

Некоторые учебные заведения МВД наряду со светским воспитанием личного состава включают в систему государственно-конфессионального сотрудничества и участие религиозных деятелей в воспитательном процессе, несении службы постоянным и переменным личным составом. Особенно восприимчивы к вопросам религиозной толерантности молодые полицейские. Так, в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя ежегодно проводятся рождественские образовательные чтения, научно-практические конференции, встречи с представителями разных конфессий, богослужения по наиболее значимым православным праздникам.

В Омской академии МВД России по инициативе научного общества студентов в ноябре 2015 г. проведен научный межвузовский форум «Религия в современном мире: фактор стабильности или источник угрозы?» Вопросы религиозной толерантности обсуждали с курсантами, преподавателями, практическими работниками компетентные специалисты из религиозной среды г. Омска: настоятель храма Иоанна Крестителя г. Омска протоиерей Дмитрий Владимирович Олихов, имам Сибирской соборной мечети Даулет Берекболович Балтабаев, заместитель верховного Муфтия Духовного управления г. Омска и Омской области Жаслык Балташевич Оспанов. В мае 2016 г. в Омске прошла Международная научная конференция «Ислам в Сибири: вызовы времени», организованная Правительством Омской области, Администрацией г. Омска, омскими высшими учебными заведениями и Духовным управлением мусульман Сибири. В работе конференции приняли участие действующие сотрудники полиции, преподаватели Омской академии МВД России.

Результат подобных усилий — интеграция общества с учетом его многоконфессиональности, решение проблемы общественного согласия и толерантности, компетентности общества и государства в оценке религиозного фактора, что благоприятно сказывается на деятельности правоохранительных органов.

А. А. Исаев
(г. Уфа)

РЕАЛИЗАЦИЯ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматривается специфика реализации гарантированного Конституцией РФ права на свободу совести в сфере деятельности органов внутренних дел. Эта специфика связывается с характером выполнения правоохранительных задач. Сформулирован вывод, что каждый сотрудник органов внутренних дел, являясь гражданином Российской Федерации, имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

Ключевые слова: реализация гарантии, свобода совести, сотрудник органов внутренних дел, Русская Православная Церковь.

A. A. Isaev
(Ufa)

THE IMPLEMENTATION OF THE GUARANTEE OF FREEDOM OF CONSCIENCE IN THE SPHERE OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

We consider the specifics of the implementation of the guaranteed by the Constitution of our country the right to freedom of conscience in the sphere of internal affairs bodies. This specificity is linked to the nature of the implementation of law enforcement tasks. The conclusion is that every employee of the Interior, being a citizen of the Russian Federation has the right to profess any religion or no religion.

Key words: implementation of guarantee, freedom of conscience, employee of law-enforcement bodies, Russian Orthodox Church.

Реализация права на свободу совести у сотрудников органов внутренних дел приобретает специфический характер, связанный с их профессиональной деятельностью. По мнению Г. Г. Небратенко, «Культивация этнических и религиозных традиций сегодня специфическим образом сказывается на российском обществе и государственности. Несомненным является тот факт, что сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации задействованы во всех процессах, происходящих в стране. В сложившихся условиях представляется важным определение граней оптимального сочетания профессионального правосознания с этническим и религиозным мировоззрением, чтобы они не входили в конфликт друг с другом» [*Небратенко Г. Г.* Духовно-нравственные основы полицейской службы. История и современность // Вестник кадровой политики МВД России. 2012. № 2(18). С. 17].

Несмотря на то что Российская Федерация является светским государством, влияние религиозных конфессий на ее государственную политику несомненно. И пусть это влияние не прямое, а косвенное, опосредованное, его значение невозможно переоценить. В качестве примера приведем деятельность Русской Православной Церкви (далее — РПЦ, Церковь). В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» написано: «Нельзя понимать принцип светскости государства как означающий радикальное вытеснение религии из всех сфер жизни народа, отстранение религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач, лишение их права давать оценку действиям властей. Этот принцип предполагает лишь известное разделение сфер компетенции Церкви и власти, невмешательство их во внутренние дела друг друга. Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству: противостояние греху путем насилия, использование мирских властных полномочий, принятие на себя функций го-

сударственной власти, предполагающих принуждение или ограничение. В то же время Церковь может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, однако право решения этого вопроса остается за государством» [*Основы* социальной концепции Русской Православной Церкви, принятые Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви (Москва, 13–16 августа 2000 г.) // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/print/419128.html (дата обращения: 19.03.2015)]. В этом документе выделяется объемный по содержанию раздел «Церковь и государство», в котором ясно и последовательно раскрывается история взаимоотношений Церкви и государства, обосновывается невозможность утраты этой связи и необходимость ее укрепления на современном этапе развития общества: «Государство, в том числе светское, как правило, осознает свое призвание устроять жизнь народа на началах добра и правды, заботясь о материальном и духовном благосостоянии общества. Поэтому Церковь может взаимодействовать с государством в делах, служащих благу самой Церкви, личности и общества. Для Церкви такое взаимодействие должно быть частью ее спасительной миссии, объемлющей всестороннее попечение о человеке. Церковь призвана принимать участие в устроении человеческой жизни во всех областях, где это возможно, и объединять соответствующие усилия с представителями светской власти» [Там же].

Важность взаимодействия органов внутренних дел именно с Русской Православной Церковью объясняет В. Н. Вдович: «Религиозная ситуация, сложившаяся в современной России, требует от руководителей органов внутренних дел знания особенностей основных конфессий и умения использовать их в оперативно-служебной деятельности и работе с личным составом. Как свидетельствуют социологические исследования и статистические данные, в нашей стране наиболее широко представлены последователи христианства православного вероисповедания. Православие, и прежде всего Русская православная церковь, остается самой массовой религиозной конфессией в России. По количеству религиозных обществ она превосходит все другие религиозные организации, вместе взятые» [*Вдович В. Н.* Взаимодействие органов внутренних дел с Русской Православной Церковью в сфере противодействия религиозному экстремизму // Труды Академии управления МВД России. 2009. № 2. URL: http://jurnal.amvd.ru/indviewst.php?stt=257&SID= (дата обращения: 30.03.2015)].

Отец Сергий в интервью газете «Щит и меч» приводит данные о том, что практически во всех учебных организациях и во многих территориальных управлениях и подразделениях органов внутренних дел оборудованы или построены храмы, часовни, молельные комнаты. На вопрос журналиста: «Не возникает ли противоречий с Конституцией Российской Федерации?» протоиерей Сергий Привалов отвечает: «В действующей Конституции отделены

лишь религиозные объединения. А это означает, что храмы и часовни на территории государственных учреждений возводить можно, а формировать приход и юридически его оформлять — нельзя. Таким образом, есть храм, к нему прикреплен священник, который совершает богослужения, а юридически оформленного прихода нет. Курсанты, слушатели и другие сотрудники органов внутренних дел приходят в храм помолиться, реализуя свои конституционные права, чтобы затем духовно подкрепленными профессионально и качественно выполнять свои служебные обязанности… Поэтому мы действуем в рамках законов: не вмешиваясь в служебную деятельность ведомства или частную жизнь его сотрудников, помогаем всем желающим реализовать свое право на получение информации и помощи в религиозных и духовных вопросах» [*Вместе* бороться с грехом и беззаконием // Щит и меч. 2014. № 35. С. 14].

Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [*Рос*. газета. 2011. 7 дек.] устанавливает принципы службы в органах внутренних дел, которые реализуются при соблюдении ряда положений (п. 3 ст. 4). Среди них есть пункт, определяющий границы свободы вероисповедания сотрудников органов внутренних дел: «При осуществлении служебной деятельности сотрудник не должен быть связан решениями политических партий, иных общественных объединений и религиозных организаций» (подп. 6). Таким образом, каноны и заповеди исповедуемой религии не должны оказывать влияние на профессиональную деятельность сотрудника. Статья 13 указанного Федерального закона формулирует требования к служебному поведению сотрудника органов внутренних дел. Пункт 1 данной статьи более детально толкует допустимую религиозность сотрудника российской полиции: «При осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник органов внутренних дел должен… соблюдать нейтральность, не оказывать предпочтение каким-либо политическим партиям, другим общественным объединениям, религиозным и иным организациям, профессиональным или социальным группам, гражданам». Более того, данная статья конкретизирует требование по отношению к руководителям: «Сотрудник органов внутренних дел, замещающий должность руководителя (начальника), обязан не допускать случаи принуждения сотрудников к участию в деятельности политических партий, других общественных объединений и религиозных организаций». Означает ли это, что сотрудники органов внутренних дел должны быть атеистами? Конечно, нет. Сотрудник органов внутренних дел является гражданином Российской Федерации. Статья 28 Конституция РФ каждому гражданину гарантирует свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой.

М. А. Куцая
(г. Уссурийск)

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И СОДЕРЖАНИЯ

В статье рассматриваются проблемные вопросы понятийного аппарата в сфере государственно-конфессиональных отношений, аспекты правового регулирования взаимоотношений между государством и религиозными объединениями в современной России.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, свобода совести.

M. A. Kutsaya
(Ussuriysk)

THE STATE-CONFESSIONAL RELATIONS: PROBLEMS OF DEFINITION AND THE CONTENT

The article deals with the problematic issues of the conceptual apparatus in the state-confessional relations, aspects of legal regulation of relations between the state and religious associations in modern Russia.

Key words: state-confessional relations, freedom of conscience.

Российская Федерация в соответствии с нормами, содержащимися в Конституции РФ, Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [*Рос*. газета. 1997. 1 окт.], иных нормативных правовых актах Российской Федерации, а также актах субъектов Российской Федерации в части, касающейся деятельности религиозных объединений, является светским государством. Указанные нормативные акты служат правовой основой для формирования модели взаимоотношений между властными структурами и религиозными организациями, которых в России, как в поликонфессиональном и полиэтническом государстве, большое количество.

Однако при ближайшем анализе отношений между церковью и государством мы сталкиваемся с рядом проблем.

Во-первых, необходимо признать тот факт, что, выстраивая, развивая, изменяя, оптимизируя государственно-конфессиональные отношения (т. е., по сути, оперируя данным понятием), законодатель до сих не дал ему определения, в том числе и в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях». Также не определено понятие «конфессия», под которым можно подразумевать и систему вероучения, и вероисповедание, и совокупность религиозных объединений одного вероучения.

В 2001 г. Институтом государственно-конфессиональных отношений и права и Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве был

разработан проект Концепции государственной политики в целях обеспечения согласованности усилий органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по совершенствованию и развитию их отношений с религиозными объединениями (государственно-конфессиональных отношений) для реализации гражданами Российской Федерации свободы вероисповедания, а также создания условий для сохранения и развития духовно-нравственного потенциала многонационального народа Российской Федерации [*Концепция* государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации: проект от 27 июля 2001 г. URL: http://www.ateism.ru/articles/concept (дата обращения: 20.04.2016)].

Понятие «государственно-конфессиональные отношения» также упоминается в постановлении Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)"», где, в частности, указывается, что «реализация государственной национальной политики и формирование государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации столкнулись в 90-е годы со значительными трудностями, обусловленными внешними и внутренними вызовами и угрозами. В этот период имели место тенденции этнотерриториального обособления, что привело как к росту несбалансированного регионального развития, межрегиональной дифференциации, влияющей на состояние межнациональных отношений в субъектах Российской Федерации, так и к росту ксенофобии, этнической и религиозной нетерпимости, ограничению в некоторых субъектах Российской Федерации прав нетитульного, в том числе русского, населения» [*О федеральной* целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» : постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 : в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2016 г. № 129 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 35, ст. 4509 ; 2016. № 9, ст. 1267].

Для организации взаимодействия с религиозными объединениями распоряжением Президента от 7 февраля 2004 г. № 47-р утверждается состав Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации [*Состав* Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации : распоряжение Президента Российской Федерации от 7 февраля 2004 г. № 47-рп : в ред. распоряжения Президента Российской Федерации от 15 января 2016 г. № 6-рп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»].

Вторая проблема заключается в том, что в юридической литературе отсутствует устоявшаяся точка зрения относительно понятия и содер-

жания государственно-конфессиональных отношений: ученые, исследующие государственно-конфессиональные отношения, по-разному их трактуют: это и собственно государственно-конфессиональные отношения, и отношения в сфере свободы совести, и государственно-церковные (либо церковно-государственные) отношения, отношения государства и религиозных организаций и т. п.

По мнению А. А. Дорской, государственно-конфессиональные отношения в современных условиях — это «процесс взаимодействия государственных органов, конфессиональных организаций и верующей или неверующей личности, осуществляемый на основе международно-правовых стандартов, внутригосударственного законодательства и канонических норм» [*Дорская А. А.* Эволюция понятия «государственно-конфессиональные отношения» в контексте правового развития России // История государства и права. 2012. № 3. С. 37].

М. О. Шахов определяет отношения государства и религиозных объединений как совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений институтов государства, включая органы власти и управления, государственные учреждения и организации, с одной стороны, и религиозных объединений (религиозных организаций, религиозных групп, руководящих или координирующих органов, духовных образовательных учреждений), а также учреждений и предприятий религиозных организаций — с другой стороны [*Вероисповедная* политика Российского государства / отв. ред. М. О Шахов. М., 2005. С. 9].

О. Н. Петюкова рассматривает государственно-конфессиональные отношения как совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм правовых взаимоотношений между государственными и муниципальными органами, организациями, учреждениями, предприятиями, с одной стороны, и религиозными объединениями, отдельными верующими — с другой [*Петюкова О. Н.* Понятие и содержание государственно-конфессиональных правоотношений // История государства и права. 2011. № 7. С. 32].

Таким образом, в науке отсутствует единый устоявшийся понятийный аппарат в сфере государственно-конфессиональных отношений, что порождает «проблемы в их дефинитивном определении и понимании» [Там же. С. 33]. Это подчеркивает несовершенство российского законодательства о свободе совести и его правоприменения. При решении данных проблем станет возможным реальное обеспечение права на свободу совести и свободу вероисповедания.

Ю. А. Лапунова
(г. Ставрополь),
А. С. Малахов
(г. Омск)

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕЛИГИИ

Тезисы посвящены изучению необходимости совершенствования законодательства в сфере религии. Авторы рассматривают некоторые противоречия в регламентации деятельности религиозных объединений.

Ключевые слова: законодательство, религиозная организация, религиозная группа.

J. A. Lapunova
(Stavropol),
A. S. Malakhov
(Omsk)

ABOUT IMPROVEMENT OF LEGISLATION IN THE RELIGIOUS SPHERE

The paper studies the necessity of improving the legislation in the religious sphere. The authors examine some of the contradictions in the regulation of religious associations.

Key words: law, religious organization, religious group.

Актуальность темы вызвана некоторыми противоречиями, обусловливающими деятельность религиозных и иных объединений, которые отрицательно влияют на противодействие преступлениям, замышляемым, подготавливаемым или совершенным руководителями и адептами указанных объединений.

В последние годы значительные усилия прилагаются для борьбы с данными преступлениями. Однако упор делается лишь на противодействие преступлениям экстремистской направленности, и практически никакого внимания не уделяется совершению религиозными объединениями иных преступных деликтов. Этому обстоятельству способствуют также отдельные противоречия в законодательстве.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [*Рос*. газета. 1996. 24 янв.] (далее — Закон о некоммерческих организациях) религиозной организацией (объединением) признаются добровольные объединения граждан, в установленном законом порядке объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей. В статье 123^{26} ГК РФ под религиозной организацией понимается добровольное объединение постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации граждан России или иных лиц, образованное ими в целях совместного исповедания и распространения веры и зарегистрированное в установленном законом порядке в качестве юридического лица. В Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиоз-

ных объединениях» [Там же. 1997. 1 окт.] (далее — Закон о свободе совести и религиозных объединениях), религиозное объединение и религиозная организация не рассматриваются как идентичные понятия. Согласно ст. 6 данного Закона религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных организаций и религиозных групп. При этом дается трактовка понятия религиозной группы, но не уточняется понятие религиозной организации. Религиозная организация представляет форму некоммерческой организации, а значит, является юридическим лицом (что влечет соответствующие последствия), а религиозная группа юридическим лицом не является.

Таким образом, при совершении религиозной группой преступных посягательств для самой группы никаких последствий не наступает (ст. 239 УК РФ), и члены данной группы могут безнаказанно продолжать собираться и осуществлять совместную деятельность. В связи с этим полагаем необходимым исключить из Закона о свободе совести и религиозных объединениях понятие религиозной группы либо деятельность данной группы на протяжении какого-либо времени должна стать основанием для регистрации религиозной организации.

Проведя анализ Закона о некоммерческих организациях и Закона о свободе совести и религиозных объединениях, мы выявили противоречия, которые необходимо устранить путем изменения самого подхода к осуществлению этой деятельности. Так, в соответствии со ст. 24 Закона о некоммерческих организациях, некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность при условии, что это служит достижению целей, ради которых она создана, и соответствует указанным целям (если такая деятельность указана в ее учредительных документах). В статье 23 Закона о свободе совести и религиозных объединениях закреплено, что религиозные организации не только вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, но и создавать собственные предприятия в порядке, устанавливаемом законодательством РФ. Таким образом, данный закон в этой части расширяет права религиозной организации.

Весьма спорным вопросом является ликвидация некоммерческих организаций. Согласно ст. 14 Закона о свободе совести и религиозных объединениях основаниями для ликвидации религиозной организации в судебном порядке является совершение преступных действий, предусмотренных УК РФ. Однако субъект преступления не указан. В статье 44 Закона об общественных объединениях предусмотрено всего три основания ликвидации общественного объединения: 1) нарушение прав и свобод человека и гражданина; 2) неоднократные нарушения Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов и др.; 3) систематическое осуществление деятельности, противоречащей уставным целям, и неустранение в срок нарушений. Исходя из этого совершение преступлений общественным объединени-

ем не является основанием для ликвидации этого объединения. В соответствии со ст. 61 ГК РФ и ст. 18 Закона о некоммерческих организациях юридическое лицо может быть ликвидировано в судебном порядке только при неоднократных либо систематических нарушениях закона.

Анализ указанных нормативных правовых актов показывает, что диспозиции статей о ликвидации организаций не охватывает пласт, касающийся организаций, использующих в своей деятельности экстрасенсорику, астрологию, духовные практики и т. п. Поэтому предлагаем внести следующие изменения в Закон о некоммерческих организациях по основаниям ликвидации некоммерческих организаций:

1) привлекать руководителя или учредителя к уголовной ответственности;

2) учитывать у организации следующие признаки: «закрытость» религиозного объединения; двойственность учения; ложная цель вербовки; программирование сознания своих последователей; совершение преступления исключительно в группе; а также признаки, предусмотренные Законом о свободе совести и о религиозных объединениях и признаки уголовно-правового характера.

Следующим важным противоречием между нормативными правовыми актами является отсутствие конкретного субъекта подачи заявления о ликвидации некоммерческой организации в суд. В частности, в ст. 18 Закона о некоммерческих организациях закреплено, что данное заявление подает прокурор в соответствии с Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-I «О Прокуратуре Российской Федерации» [*Ведомости* Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8, ст. 366]. Однако самим этим Законом подобных полномочий не предусмотрено. Таким образом, вопрос о компетенциях остается открытым, и никто не уделяет должного внимания некоммерческим организациям, совершающим преступления и не несущим за это юридических последствий.

М. А. Шарапова
(г. Омск)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ: ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

В настоящее время тема религии весьма актуальна из-за деструктивных проявлений, прикрываемых религиозной идеологией. Для продуктивного противодействия и недопущения подобных проявлений необходима четко сформулированная и структурированная правовая система взаимодействия государства с религиозными объединениями. Современная законодательная база Российской Федерации имеет много «белых пятен» в данной сфере. Их выявление и есть наша задача, так как это — первый шаг на пути их устранения и совершенствования жизни всего общества.

Ключевые слова: закон, религия, религиозная организация, власть, свобода вероисповедания.

M. A. Sharapova
(Omsk)

LEGAL REGULATION OF ACTIVITY OF THE RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN RUSSIA: QUESTIONS WITHOUT ANSWERS

Unfortunately, now the subject of religion is extremely actual because of the destructive manifestations covered by religious ideology. Accurately formulated and structured legal system of interaction of the state with religious associations, first of all, is necessary for productive counteraction and prevention of similar manifestations. At the moment the legislative base of the Russian Federation has many gaps in laws. Their identification is also our task as it is the first step on the way of their elimination and improvement of life of all our society in general.

Key words: law; religion; religious organization; power; freedom of worship.

В России существует понимание того, что вопросы религии следует рассматривать обособленно. Это проявляется и в отделении религии от государства, что свидетельствует о понимании различий в природе этих двух явлений, и в создании разнообразных, разноплановых и разноуровневых совещательных органов, состоящих из представителей религиозных организаций, и в создании специализированных отделов в органах власти, занимающихся в рамках своей компетенции религией, и в формировании особой нормативной правовой базы, регулирующей деятельность религиозных организаций. Так или иначе, правовая база нашей страны регулирует все остальные формы и виды взаимодействия государства и общества со сферой религии. Следовательно, работа с данным материалом не просто актуальна, а необходима.

Остановимся на моментах, которые важны при рассмотрении вопросов противодействия и недопущения экстремистских проявлений. В Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [*Рос*. газета. 1997. 1 окт.] закреплено, какая организация является религиозной. На практике же возникают затруднения. Например, Л. Рон Хаббард пишет: «Саентология — это наука, предметом которой является знание о том, как знать» [*Хаббард Л. Рон.* Саентология 8-8008. Копенгаген, 2007. С. 11]. В то же время на официальном сайте саентологии написано: «...религия, разработанная Л. Роном Хаббардом, предоставляющая четко размеченный маршрут, приводящий человека к ясному и полному пониманию своей духовной природы…» [*Что* такое Саентология? // Сайт «Саентология». URL: http://www.scientology.ru/what-is-scientology.html#slide1 (дата обращения: 15.02.2016)]. Встает вопрос, что же такое саентология — религия или наука?

Кроме того, некоторые новые религиозные организации используют в наименовании термины, относящиеся к традиционным религиям. Показателен пример тех же саентологов. В 2013 г. в Московском городском суде рассматривалось дело о правомерности использования наименования религиозной организации «Саентологическая церковь Москвы». Было установлено, что слово «Саентология» зарегистрировано в качестве товарного знака в США. Именно слово «саентологическая» привлекло внимание правоохранителей, а не «церковь».

Понятие «церковь» имеет исключительно христианские корни, впервые встречается в Библии и определяется как «поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1, 22–23). Например, в учении Церкви Иисуса Христа и Святых последних дней переосмысливается значение Библии: если в христианстве это текст боговдохновенный, для мормонов — текст личностного, человеческого авторства, в то время как «Книга Мормона» являет миру слова Бога. Это противоречит самому каноническому тексту Библии, где говорится: «Все Писание богодухновенно» (2 Тим. 3:16). Соответственно, противоречия присутствуют и в понимании иных положений.

Для решения вопросов необходимо мнение экспертного сообщества. В соответствии с приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» [*Рос.* газета. 2009. 13 марта] создан Совет, который осуществляет проверку и оценку достоверности сведений, предоставляемой религиозной организацией. Религиозная организация, в отношении которой ведется деятельность Совета, предоставляет ряд документов, в том числе и основы вероучения. Здесь возникает сразу несколько вопросов. Во-первых, что из себя представляют «основы вероучения» — это символ веры, основополагающая книга (учение) или что-то еще? Во-вторых, как можно определить достоверность основ религиозного вероучения?

Согласно закону «Совет формируется из должностных лиц, государственных служащих органов государственной власти, ученых-религиоведов, специалистов в области отношений государства и религиозных объединений, включение которых в его состав осуществляется по согласованию. В качестве консультантов к работе Совета могут привлекаться специалисты, не являющиеся его членами, а также представители религиозных организаций» [приложение № 2 к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе»]. В круг специалистов, наравне с религиоведами, должны входить теологи, лингвисты, психологи и историки. Но этот закон настолько обтекаем, что, используя его формулировки, профильным специалистам могут легко отказать во вхождении в состав Совета.

Есть вопрос и к реализации положений этого закона. Так, согласно п. 2 ст. 4 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» государство «не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит настоящему Федеральному закону» [*Рос*. газета. 1997. 1 окт.]. Тогда как работать и получать сведения о религиозной практике организации? Таким образом, современная законодательная база, при всех ее стремлениях к корректному отношению с религией и противодействию экстремизму, имеет много недоработок.

РАЗДЕЛ II. РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

Е. С. Бубнов
(г. Омск)

ИНКВИЗИЦИЯ В XXI ВЕКЕ

Поднимается вопрос о роли католической теологии в генезисе украинского национализма. В свете этого рассматривается теория секуляризации.

Ключевые слова: католицизм, секуляризация, инквизиция, «Правый сектор».

E. S. Bubnov
(Omsk)

INQUISITION INTO THE 21ST CENTURY

In this article the question about a role of the Catholic Teology into the genesis of Ukrainian nationalism is risen. The theory of secularization is considered from the standpoint of the matter.

Key words: Catholicism, secularization, the Inquisition, the right sector.

Какова роль религии в современном мире? По мнению В. И. Гараджи, секуляризация затрагивает политику и повседневную жизнь настолько, что присутствие религии — лишь дань традиционной символике, за ней не стоит никакой социальной реальности. В. И. Гараджа признает, что в США упадок веры не фиксируется внешними показателями, он скорее внутренний, незаметный. При этом уважаемый религиовед не допускает мысли о том, что в Старом Свете, напротив, религиозность может не фиксироваться внешними показателями. Он называет попытки придать социальным явлениям религиозный смысл ложью или заблуждением [*Гараджа В. И.* Социология религии : учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 283, 286–287]. Анализ только внешних, лежащих на поверхности показателей может привести к неглубоким, субъективным выводам. Между тем сущность некоторых из наблюдаемых нами явлений своими корнями уходит в эпоху господства религиозного мировоззрения.

Основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола в своих трудах предлагал представлять страдания грешников и еретиков в аду более чем буквально:

огромные языки пламени, запах дыма и серы, души, заключенные в раскаленные тела, вопли и проклятия [*Лойола И.* Духовные упражнения // Орден иезуитов: правда и вымысел : сб. ст. / сост. А. Лактионов. М., 2004. С. 439–440]. Такие представления не есть какой-то абстрактный, оторванный от действительности догмат, они влияют на мораль. Мария I Тюдор, известная как Мария Кровавая, демонстрируя органичное сочетание жестокости и безупречной логики, однажды заявила: «Поскольку души еретиков в потусторонней жизни будут вечно гореть в аду, не может быть ничего более уместного для меня, чем подражать божественному возмездию и сжигать их на земле» [*Ламонт К.* Иллюзия бессмертия / пер. с англ. 2-е изд. М., 1984. С. 212]. Столь безжалостное отношение к инакомыслящим католическая церковь не только попускала, но и предписывала. «Ангелический доктор» Фома Аквинский утверждал, что еретики заслуживают смерти, впрочем, уточняя: для лишения жизни церковь передает еретика в руки светского трибунала [*Аквинский Ф.* Сумма теологии. Часть II–II. Вопросы 1–46. Киев, 2011. С. 149]. Однако данное уточнение никоим образом не оправдывает церковь, поскольку светский трибунал фактически подчинялся папе. Римский первосвященник открыто заявлял о своей власти не только над духовными, но и над светскими лицами, о чем мы можем узнать, например, из буллы Unam Sanctum [*Kirsch J. P.* Unam Sanctum // The Catholic Encyclopedia. N.-Y., 1912. Vol. 15. URL: http://www.newadvent.org/cathen/15126a.htm (дата обращения 15.11.2014)]. Поэтому если бы папа захотел прекратить казни еретиков, то легко смог бы это сделать. Но даже когда католицизм утратил свое влияние, отношение к инакомыслию по сути не изменилось. Это может показаться невероятным, но, несмотря на то что Фома Аквинский считал физическое уничтожение справедливым наказанием за ересь, Ж. Маритен, тем не менее, назвал его величайшим гуманистом [*Маритен Ж.* От Бергсона к Фоме Аквинскому : очерки метафизики и этики / пер. с фр. М., 2006. С. 189]. И это Ж. Маритен — человек, которого отлученный за неприятие решений II Ватиканского собора архиепископ М. Лефевр именовал отцом либеральной реформы и мыслителем, разлагавшим церковь *[Архиепископ Марсель Лефевр.* Они предали Его. От либерализма к отступничеству / пер с фр. М. Заслонова. СПб., 2007. С. 191, 194]. Тем более мы не увидим принципиальных изменений со стороны не склонных к толерантности и экуменизму традиционалистов. И особенно в тех географических точках, где католицизм исторически находится в противостоянии с другими деноминациями.

2 мая 2014 г. в Одессе в Доме профсоюзов были сожжены несколько десятков человек, выступавших против государственного переворота, осуществленного в Киеве месяцем ранее. Националистическая организация «Правый сектор» на своем официальном сайте взяла ответственность за события в Одессе и назвала их светлой страницей украинской истории [*Трофимен-*

ко Є. Ато по-народному, або Чому не Владімір Путін не ввів війська. URL: http://pravyysektor.info/articles/ato-po-narodnomu-abo-chomu-ne-vladimir-putin-ne-vviv-vijska/ (дата обращения: 07.05.2014)]. Следует напомнить, что «Правый сектор» был сформирован на базе УНА-УНСО, организованной Ю. Шухевичем, сыном Р. Шухевича, который был соратником и единомышленником С. Бандеры. Бандера родился в семье греко-католического священника и разделял его религиозно-политические взгляды.

А. Камю писал, что политика — отнюдь не религия, но, став религией, превращается в инквизицию [*Камю А.* Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М., 1990. С. 353]. Однако такая метаморфоза возможна, если политика *стала* религией, а не была ею изначально. Хотя непосредственная власть святого престола сейчас ограничена рамками Ватикана, она не перестает быть теократической, т. е. католицизм всегда был и политикой, и религией. И если развитие протестантизма религиозного через несколько стадий смогло привести к появлению, скажем, «Ветви Давидовой», то протестантизма политического — к появлению «Правого сектора». У «Ветви Давидовой» от католицизма осталась лишь Библия, а у «Правого сектора» — методы инквизиции. Но если причины радикальности «Ветви Давидовой» следует искать в личности Д. Кореша (адвентисты являются пацифистами), то радикальность «Правого сектора» вполне объясняется своеобразной преемственностью от католицизма. Это логически возможно, значит, безапелляционный тон утверждений Гараджи выглядит, по меньшей мере, странно. Ссылка на национализм per se ничего не объясняет, он, скорее, сам нуждается в объяснении. Спустя лишь год после одесских событий украинские СМИ сообщили, что националисты намереваются сжечь человека, который активно способствовал героизации Бандеры [«*Правий* сектор» хоче спалити АП разом з Порошенко. URL: http://kyiv.comments.ua/news/2015/04/29/140416.html (дата обращения 05.05.2015)]. В многочисленных модификациях теории секуляризации *внутренняя*, *нерефлексируемая религиозность* вообще не учитывается [*Опалев С. А.* Критика теории секуляризации в теории рационального выбора // Религиоведческие исследования. 2010. № 3–4. С. 170–189]. Между тем она делает понятной и мысль о том, что неправославный не может быть русским, и то, почему эта мысль транслируется не самым привлекательным персонажем [*Достоевский Ф. М.* Бесы // Полное собр. соч. : в 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 197]. Тогда становится понятно, что попытка создания унитарного государства Изабеллой Католичкой в средневековой Испании и аналогичная попытка в современной Украине имеют общую природу, а избиение человека, отказавшегося прославлять Бандеру на марше памяти Немцова, есть событие, обусловленное католической эсхатологией [*На «Марше* памяти Немцова» участники митинга избили пенсионера. URL: http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201602291218-u02y.htm (дата обращения: 05.04. 2016)].

Р. А. Быков, К. Н. Филькин
(г. Томск)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ

Рассматривается экономический подход в социологии религии, а также классические и современные теории мотивации и управления применительно к религиозной сфере. Делается предположение, что данные теории формировались и соответствовали развитию и трансформациям религии как в XX в., так и в настоящее время.

Ключевые слова: современная религиозность, теории управления и мотивации, религиозные фирмы.

R. A. Bykov, K. N. Filkin
(Tomsk)

THE ECONOMIC APPROACH AND THE MANAGEMENT THEORIES IN RELIGIOUS RESEARCH

The article discusses the economic approach in the sociology of religion, and the classical and modern theories of motivation and management as applied to the religious sphere. The authors suggest that these theories were formed and corresponded to the development and transformations of religion in the XX century and at the present time.

Key words: modern religiosity, the theory of management and motivation, religious company.

Религия и религиозность как характеристика человека, взаимодействующего со сферой сакрального или религиозного, в социальном смысле за последние два столетия серьезно трансформировалась. Индустриализация вместе с веберовским «расколдовыванием мира», глобализация и прочие известные процессы изменили ее облик, как и изменились запросы потребителей религиозных услуг. Не утверждая приоритетности экономического подхода в современной социологии религии, тем не менее, рассмотрим в качестве базиса идеи религиозного рынка, когда в современном обществе, по-прежнему потребительском, индивиды воспринимают религию прагматично, для удовлетворения собственных потребностей разных уровней: от психологической поддержки в кругу единомышленников до постижения и установления связи с трансцендентным. В работах Л. Яннакконе, Р. С. Уорнера, Ч. Глока, Р. Старк, Р. Финке, У. Байнбриджа, М. Гест и других исследователей описываются модели «религиозной экономики», «религиозных рынков» и «религиозных фирм» [*Iannaccone L., Finke R., Stark R.* Deregulating religion: the economics of church and state // Economic Inquiry. 1997. Vol. XXXV. P. 350–364]. В некоторых работах подчеркивается, что религиозная жизнь в современную эпоху религиозного плюрализма требует и новой актуальной методологии, способной объяснять специфику современных религиозных процессов (Р. Белла,

У. Ламберт, А. Баркер, Д. Ричардсон, М. Штерин и др.) [*Lambert Y.* Religion in Modernity as a New Axial Age: Secularization or New Religious Forms? // Sociology of religion. Quarterly journal. 1999. Vol. 60, No 3. P. 303–333].

В соответствии с данным подходом религиозный мир современной России — это сложившийся и активнодействующий рынок религий, где религиозные объединения можно рассматривать как фирмы, открыто конкурирующие между собой, мотивирующие потребителей, создающие условия для качественного потребления религиозных услуг. Таким образом, формируются две ключевые роли и две группы: «производители религии», эту роль реализуют священнослужители (духовные лидеры, учителя, священники и др.) и «потребители религии» — индивиды, которые интересуются какой-либо религиозной традицией, а также члены религиозных объединений с разным уровнем воцерковленности.

Важно отметить, что такой подход не означает уменьшения значимости сакрализующей или духовной функции религии и не рассматривает ее в духе материалистических теорий — от вульгарного материализма до элиминативизма. Иначе говоря, вопрос о духовном содержании сейчас лишь вынесен за скобки. Этот подход не сводит религию к обычному социальному институту, а учитывает ее специфику и своего рода уникальность, привносит экономический и управленческий дискурс, оптимизируя анализ выбранных, наиболее значимых аспектов изучения.

Обозначив некоторые методологические основания, обратимся к общеизвестным теориям управления и мотивации, которые позволяют увидеть, как трансформировалось понимание и развитие менеджмента, применимое в том числе и к религиозной сфере. В каком-то смысле религия и религиозные объединения изменялись параллельно с трансформациями экономических организаций и структур, а в научном пространстве это осмыслялось и, возможно, даже играло свою конструирующую роль.

С развитием социологии управления и социологии организаций был выработан спектр подходов для исследования управленческих практик и механизмов мотивации. Несколько таких подходов способствовало формированию основных положений науки управления. Рассмотрим ряд теорий таким образом, чтобы была заметна польза описанного выше подхода и видны максимально четко трансформации в сфере религии. Разработки основоположников менеджмента Ф. Тейлора и А. Файоля могут быть интересны в рамках рассматриваемой темы только концепцией «достигающего рабочего» и принципом единства командования и руководства. Современные религиозные движения предлагают «клиентам» своего рода задания, которые требовали бы от них личной вовлеченности и усилий, но при этом не вредили другим сферам жизни. Это проявляется в различных курсах, семинарах, тренингах, которые проводят современные религиозные движения, и похоже на совре-

менное вузовское образование с факультативами и свободой выбора предметов. Человек выбирает на рынке товары и образовательные услуги, которых немало и в религиозной сфере. Задача руководителей или религиозных советов — создать программу для быстрого продвижения и развития новых членов и большую вовлеченность в жизнь общины или движения. Религиозные советы часто действуют по одним из главных принципов А. Файоля: единство командования и единство руководства. Указанные положения означают наличие одного руководителя и одной программы для совокупности операций, направленных на достижение одной и той же цели. Эти принципы выступают в качестве необходимого условия единства действия и общей координации сил. При рассмотрении способов организации управления религиозных сообществ очевиден факт проектной деятельности, где у каждого направления есть свой ответственный человек. Наряду с принципом коллегиальности существует система лидеров проектов у многих протестантских течений и разных восточных движений. Стремление к прагматичности (в хорошем рациональном смысле) и эффективности толкает современных религиозных лидеров создавать успешные фирмы, и это также касается традиционных религиозных организаций.

Гуманистический вызов и «стремление к человечности» Э. Мэйо, Д. Макгрегора и других ученых были актуальны для управленцев XX в. Сейчас сложно представить организацию, в том числе и религиозную, которая не оставляла бы в своей бюрократизированности место неформальной культуре. Их идеи, возможно, могут быть полезны управленцам традиционных течений, которые имеют серьезную организационную структуру. Разговоры в политическом и публичном дискурсе о «формализованности, вредности и асоциальности сектантов» не заслуживают упоминаний в тексте в силу ангажированности и серьезной осмысленности в научном пространстве, когда представителями науки решены эти вопросы и существует разграничение реалистичных процессов и искусственно созданных заинтересованными субъектами политизированных идей.

Идеи А. Маслоу и Ф. Херцберга (двухфакторная теория мотивации) важны тем, что когда мы анализируем мотивы вступления индивида в религиозную группу, особенно в контексте социологических исследований, становятся очевидными многофункциональность религии в современном мире и значимость реализации разного рода потребностей [*Романов П. В.* Социологические интерпретации менеджмента: исследования управления, контроля и организаций в современном обществе. Саратов, 2000. 216 с.]. Гигиенические факторы могут способствовать закреплению тех или иных религиозных идентичностей в сознании новичков или задействовать лидеров максимально активно в служении, при наличии дополнительных выгодных условий, в которых протекает основная деятельность. Теории У. Д. Макгрегора и Р. Лайкерта актуальны и показывают, каким образом позиция руководства

влияет на многие организационные процессы, хотя в современных религиозных организациях и движениях встречается весь спектр отношений между руководством и подчиненными, что определяется скорее индивидуальными психическими особенностями лидера [*Бабосов Е. М.* Социология управления : учеб. пособие для вузов. 5-е изд. Минск, 2006. 287 с.].

Таким образом, анализ экономического подхода к религии и рассмотрение теорий управления позволяет сделать вывод о том, что подобный междисциплинарный синтез расширяет представление о многих аспектах религиозного пространства, в чем-то упрощает восприятие сложных вопросов или усиливает понимание тенденций, которое так часто необходимо в прикладной, управленческой и исследовательской деятельности.

А. В. Грачёв
(г. Омск)

ЭТНИЧЕСКИЕ АВТОСТЕРЕОТИПЫ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ОМСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

В тезисах предпринята попытка определить особенности этнических автостереотипов в молодежной среде. На основании эмпирических данных выявлена и проанализирована степень выраженности групповых ценностных качеств в исследуемых этнических группах: русских, украинцев и казахов.

Ключевые слова: этнос, этническое самосознание, этнический стереотип, автостереотип, гетеростереотип.

A. V. Grachyov
(Omsk)

ETHNIC AUTOSTEREOTYPES AND VALUABLE ORIENTATIONS OF THE YOUNG PEOPLE OF OMSK

The article attempts to define characteristics of the ethnic autostereotypes among young people. Based on the empirical data, degree of intensity of the value group qualities in the analysed ethnic groups: Russian, Ukrainians and Kazakhs, is discovered and analysed.

Key words: ethnos, ethnic identity, ethnic stereotype, autostereotype, heterostereotype.

В современных условиях развития российского общества актуальность приобретает проблема адекватного восприятия и понимания представителями одной этнической группы культуры других этнических групп. Несмотря на то что сибирские регионы в научной литературе традиционно относятся к низкому уровню конфликтности межнациональных отношений, тем не менее, эти отношения требуют всесторонней и междисциплинарной оценки.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-13-55003.

Важную роль в межнациональных отношениях играют этнические стереотипы. Этностереотип является ключевым элементом системы психологических знаний о себе и о мире, который отражает различия между народами. В структуре этностереотипа выделяются два основных компонента: автостереотип — совокупность атрибутивных признаков о действительных или воображаемых специфических чертах собственной этнической группы и гетеростереотип — совокупность атрибутивных признаков о других этнических группах [*Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 27].

Предметом нашего исследования стали автостереотипы, именно они являются лакмусовым индикатором этнического самосознания и социального благополучия этнической общности или нации в целом. Для этого в марте и апреле 2016 г. в г. Омске было проведено прикладное исследование, одной из задач которого стало изучение этнических автостереотипов омской молодежи. Было опрошено 320 человек, учащихся 9–11-х классов общеобразовательных школ и студентов колледжей г. Омска. Из 320 человек: русские — 249 (78%), казахи — 30 (9%), украинцы — 11 (3%), татары — 7 (2%), немцы — 6 (2%). К национальностям, количество которых было менее 1%, относятся армяне, азербайджанцы, грузины, киргизы, узбеки и др. Некоторая часть респондентов свою этническую принадлежность определили как «славянин», «метис», «украинка-русская», значительное количество опрашиваемых вовсе не указали свою национальность. Это указывает на незнание или этническую индифферентность, высокий уровень которой может свидетельствовать «о формировании у современных молодых людей отношения к этническим проблемам как не заслуживающим внимания, что в конечном итоге может привести к ухудшению межэтнического самочувствия в молодежной среде» [*Овчинникова Т. М.* Проблемы этнической идентичности современной молодежи // Реальность. Человек. Культура: философия и философствование в современной культуре. VII Ореховские чтения : мат-лы всерос. науч. конф. Омск, 2015. С. 256].

При эмпирическом изучении составляющих этнических стереотипов была использована методика «Культурно-ценностный дифференциал» Г. У. Солдатовой, направленная на измерение групповых ценностных ориентаций в трех сферах жизненной активности [*Солдатова Г. У.* Указ. соч. С. 75]. Для определения степени выраженности отдельных ценностных ориентаций вычислялся коэффициент выраженности по следующей формуле: $X = 1/6 * (300 – 3 * x1 – x2 + x3 + 3 * x4)$, где x1 — частота ответов «качество не выражено», x2 — «качество выражено слабо», x3 — «качество выражено средне», x4 — «качество выражено в полной мере». В связи с типом используемых данных коэффициент выраженности может принимать значение в диапазоне от 0 до 100. Полученные результаты, отражающие этнические автостереотипы трех крупных этнических групп среди исследуемых, приведены в таблице.

Таблица. **Этнические автостереотипы трех крупных этнических групп**

Качество	Коэффициент выраженности, %		
	Русские о себе	Казахи о себе	Украинцы о себе
Ориентация на группу — на себя			
Взаимовыручка	68,3	90,0	60,6
Разобщенность	46,6	48,9	45,5
Подчинение	38,6	41,1	33,3
Самостоятельность	73,2	80,0	57,6
Верность традициям	61,9	80,0	51,5
Разрушение традиций	24,0	13,3	33,3
Ориентация на изменения			
Открытость	70,4	83,3	48,5
Замкнутость	27,9	18,9	18,2
Устремленность в будущее	71,0	85,6	63,6
Устремленность в прошлое	47,2	44,4	42,4
Склонность к риску	59,4	45,6	78,8
Осторожность	51,7	53,3	48,5
Ориентация друг на друга			
Миролюбие	68,9	81,1	69,7
Агрессивность	47,7	32,2	57,6
Сердечность	68,2	80,0	69,7
Холодность	35,2	18,9	48,5
Уступчивость	47,5	61,1	51,5
Соперничество	62,8	51,1	63,6

Анализ шкалы «ориентация на группу» у русских и у казахов высокостереотипным качеством показал самостоятельность, значительно выражено качество взаимовыручки и верности традициям, особенно у казахов (коэффициент — 90%). Наряду с высокой ориентацией на группу и русские, и казахи не являются зависимыми от группы: сами принимают решения, склонны к автономности и индивидуально несут ответственность. Украинцы также ориентированы на группу, но коэффициенты взаимовыручки, верности традициям и самостоятельности выражены в меньшей степени по сравнению с русскими и казахами. Значения коэффициентов по шкале «ориентация на изменения» показывают, что у русских и казахов актуальными оказались «открытость» и устремление в будущее, украинцы же более склонны к

риску, что, скорее всего, объясняется характерными возрастными особенностями для данной группы респондентов. В шкале ценностных качеств «ориентация друг на друга» — самый высокий коэффициент миролюбия и сердечности у всех трех этносов, что явно способствует лучшему пониманию друг друга и подтверждается коэффициентом качества «холодность», которое выражено менее всего.

Таким образом, выявленные различия в системах культурно-ценностных ориентаций, закономерно проявляющиеся в этнических стереотипах, являются важным фактором, определяющим особенности представлений современной молодежи о своем этносе. Дальнейшее проведение исследования по изучению гетеростереотипов даст развернутую картину социально-психологической характеристики взаимоотношений между народами.

И. А. Грошева, И. Л. Грошев
(г. Тюмень)

ЭКСТРЕМИЗМ В РОССИИ: ЗАЩИТА ВЕРЫ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Рассматривается проблема радикализации действий последователей православной конфессии. Особую тревогу вызывает понятие «правильная вера», которое активно формируется и отражает взгляды определенной части общества, что ведет не только к конфессиональной интолерантности, но и способствует снижению социального согласия.

Ключевые слова: толерантность, экстремизм, религия, общество, конфессия.

I. A. Grosheva, I. L. Groshev
(Tyumen)

EXTREMISM IN RUSSIA: THE DEFENSE OF THE FAITH AT ANY COST

In the article the authors considers the problem of radicalization of action of followers of the Orthodox faith. The most dangerous is the concept of “right belief”, which is actively forming and reflecting the views of a certain part of society, which leads not only to religious intolerance, but also helps to reduce social cohesion.

Key words: tolerance, extremism, religion, society, denomination.

В России активно формируется религиозное мировоззрение. Однако представители культа нередко пренебрегают принципами нестяжательства и терпимости, подрывая тем самым имидж церкви, более того, происходит радикализация пропаганды некой «абсолютной истины» и активное внедрение «правильной веры» в общественное сознание. При этом постулат «правильной веры» следует понимать как «правильная» по сравнению с другими конфессиями («более правильная») или «правильная» как оценочная категория внутри одной конфессии в плане толкования догматов. Первое понимание ве-

дет к межконфессиональной интолерантности, второе — к интолерантности на грани экстремизма.

В отчетах Информационно-аналитического центра «Сова» можно найти скупые сведения о деятельности тех или иных религиозных группировок, которые претендуют на установление некой «правильной веры». Так, в 2013 г. «православные активисты», представители молодежного движения «Божья воля» во главе с «миссионером» Дмитрием (Энтео) Цорионовым, совершили несколько нападений на учреждения культуры и участников уличных акций в Москве. В Дарвиновском музее они разбросали листовки с текстом: «Защитим наших детей от лжи! Вселенная создана Богом 7522 года назад. “Теория эволюции” — это псевдонаучный миф, несостоятельная, никем и никогда не доказанная гипотеза» [*Ксенофобия*, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2013 году : сб. ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «СОВА» / В. Альперович ; под ред. А. М. Верховского. М., 2014. С. 78]. В июле 2013 г. «Православный корпус веры» движения «Наши» организовал на Триумфальной площади фестиваль «Православный F. A. Q.», в рамках которого был вывешен баннер «Враги православия» со списком из 12 «врагов» (этой «чести», в том числе, удостоились Свидетели Иеговы и Сахаровский центр), сожжены книги [Там же. С. 79]. Следует напомнить, что активисты гитлерюгенда начинали свою деятельность в Германии аналогичным образом, а закончили убийствами.

В 2014 г. борьба за чистоту нравственности и «правильность» была связана с гастролями нескольких зарубежных рок-групп (в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске и др.), чье творчество поборниками защиты чувств верующих было объявлено «сатанистским», аморальным, призывающим к насилию или суициду. Речь, безусловно, идет об акциях, хорошо спланированных группами «православных активистов», участниками которых иногда становились пожилые прихожанки, явно неспособные самостоятельно оценить тексты англоязычных коллективов [*Ксенофобия*, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2014 году : сб. ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «СОВА» / В. Альперович ; под ред. А. М. Верховского. М., 2015. С. 85].

Методы работы неофитов в 2015 г. не изменились: срыв концертов, погромы на выставках и др. [*Проблемы* реализации свободы совести в России в июле–сентябре 2015 года // Сайт Информационно-аналитического центра «Сова». URL: http://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/10/d33058/ (дата обращения: 04.04.2016)]. Некоторые акции были проведены с одобрения священнослужителей (например, в Москве). Всплывает проблема «советского» прошлого: запретить, потому что это — иное. «Правильная вера» заключается в том, что обывателя нужно воспитать «здесь и сейчас». Воспитание — процесс долгий, незаметный и не вызывает общественного резонанса.

Происходит причудливое сочетание традиционализма с современными пиар-акциями, фактически порождающее экстремизм, причем, в большинстве своем, с молчаливого согласия Русской православной церкви.

В 2013 г. как ответ на панк-молебен рок-группы “Pussy Riot” возникло движение «Сорок сороков». Несмотря на то что его участники предпочитают сокращенное название — ДСС, в сети «ВКонтакте» фигурирует аббревиатура «СС». Возглавляет его предприниматель А. Кормухин и направлено оно на охрану мероприятий с участием патриарха и борьбой с противниками строительства храмов. У патриархии также имеется богатый опыт сотрудничества с организацией «Народный собор», которое возглавляет один из бывших руководителей Русского национального единства О. Кассин [*Н. Митрохин* — о «программе-200» и движении «Сорок сороков» // Там же. URL: http://www.sova-center.ru/religion/discussions/society/2015/10/d33021/ (дата обращения: 04.04.2016)].

Ответная реакция реализуется в виде всевозможных акций. В Новосибирске прошли пока немногочисленные акции со стороны поклонников рок-музыки («Рокеры Новосибирска не возражают против божественных литургий»). Фиксируется снижение интереса к школьному курсу «Основы православной культуры» (далее — ОПК). Все меньше родителей делают выбор в пользу этого модуля в рамках курса «Основы религиозных культур и светской этики». Например, в Коми более 70% родителей школьников в 2015 г. предпочли светскую этику и лишь 10% — ОПК [*О причинах* отказа родителей школьников от ОПК // Там же. URL: http://www.sova-center.ru/religion/discussions/society/2015/12/d33349/ (дата обращения: 04.04.2016)]. Согласно данным ВЦИОМ, с 2007 г. по 2015 г. доля россиян, выступающих за сохранение конституционной нормы о светском государстве, заметно выросла (с 54 до 64%). Каждый десятый (10%) полагает, что стране нужна определенная религиозная составляющая (в 2007 г. таковых было 17%). Восстановление государственной религии на законодательном уровне поддерживают около 10% опрошенных (13% в 2007 г. и 12% в 2015 г.). Более половины россиян (57%) хотят жить в стране, где религия не оказывает значимого влияния на жизнь большинства людей, а вера или неверие является частным делом каждого [Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 16–17 мая 2015 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5% (*Церковь* и общество: вместе или порознь? // ВЦИОМ : пресс-выпуск. 2015. 23 июня. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295 (дата обращения: 04.04.2016))]. И самое главное: исчезло понятие «миссия» как духовная форма воспитания духовности и толерантности. Осталось только действие, где так называемые последователи веры стремятся «отмиссионерить» непокорных и «отпиарить» учение для непосвященных, доказывая тем самым свое бессилие, проигрывая борьбу за души людей в постмодернистском обществе.

А. В. Добросоцкая, Е. Ю. Садовская
(г. Воронеж)

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ДУХОВНОМ СТАНОВЛЕНИИ РУССКОГО ВОИНА

Авторами анализируется содержание категории духовности, рассматривается роль религии в формировании духовно-нравственных качеств у военнослужащих.

Ключевые слова: духовность, нравственность, мотивация.

A. V. Dobrosockaja, E. Y. Sadovskaja
(Voronezh)

THE ROLE OF RELIGION IN SPIRITUAL FORMATION OF RUSSIAN SOLDIER

Authors analyze a purport of the spiritual category and consider a role of religion in the formation of spiritual and moral qualities of the Russian soldiers.

Key words: spirituality, morality, motivation.

Важнейшая проблема современности — духовное становление и развитие человека. Духовно-нравственные ценности являются ведущими в структуре личности [*Каган М. С.* Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 117]. Именно они выступают в качестве основного мотивирующего деятельность фактора и определяют содержание создаваемых человеком культурных ценностей.

В. И. Даль дает следующее определение духовности: «Духовность — состояние духовного. Духовный, бесплотный, не телесный, из одного духа и души состоящий... все, относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля» [*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1998. Т. 1. С. 1128]. Психологический словарь понятие «духовность» трактует как «индивидуальную выраженность в структуре личности двух фундаментальных потребностей: индивидуальной потребности познания и социальной потребности жить и действовать для других» [*Мещеряков Б., Зинченко В.* Большой психологический словарь. М., 2002. С. 196]. Словарь по этике характеризует духовность как «…специфически человеческое качество... характеризующее мотивацию и смысл поведения личности... Духовность — позиция ценностного сознания, свойственная всем его формам — нравственной, политической, религиозной, эстетической, художественной, но особенно существенная в сфере моральных отношений. Духовность характеризуется... бескорыстностью, свободой, эмоциональностью, оторвавшейся от физиологически детерминированных переживаний...» [*Этика* : энциклопедический словарь / ред. Р. Г. Апресян, А. А. Гусейнов. М., 2001. С. 319].

Русская Православная Церковь под духовностью понимает духовную целостность, следование идеалам добра и справедливости, приоритет общече-

ловеческого. Духовность личности воспитывается православной верой и церковностью в процессе становления у человека таких ценностных ориентиров и качеств, как любовь к Родине, миролюбие, самоотверженность, ответственность, терпение.

В работах выдающегося отечественного философа В. С. Соловьева понятия «духовность» и «нравственность» синонимичны. Предметом духовной философии, по его мнению, является понятие добра. Философ подчеркивает, что человек существует достойно только тогда, когда подчиняет свою жизнь и свои дела нравственному закону и направлен на нравственные дела.

Анализ энциклопедических, толковых, философских, психологических и религиозных источников показал, что термин «духовность» рассматривается, прежде всего, как ориентированность личности на действия во благо окружающих, поиск нравственных абсолютов. Духовность — общечеловеческая ценность, она представляет собой интегральное качество, обусловливающее целостность личности, высокий уровень ее нравственного развития. При этом светский и христианский подходы к пониманию смысла категории «духовные ценности» в основных своих составляющих совпадают.

С древнейших времен воспитательный процесс в России был ориентирован на развитие духовных качеств и строился на основе традиций, формирующих такие нравственные составляющие, как патриотизм, самоотверженность, взаимоподдержка и взаимовыручка.

Категория духовности лежит в основе русской православной культуры, которая на протяжении столетий оказывала основополагающее влияние на процесс духовного становления человека. Русская Православная Церковь всегда стояла и стоит на патриотических позициях, беспокоясь о процветании Русской земли, наполняя повседневную жизнь народа духовным смыслом. Православные ценности выражают присутствие в человеке начала высшей гармонии и потребности в ней.

Из глубины веков прослеживается история взаимодействия Русской Православной Церкви и Вооруженных Сил РФ именно в плане духовного становления и поддержки воина. Русская Православная Церковь помогает осуществлять воспитательную работу, основываясь на вечных духовных ценностях, патриотизме, любви к Родине, верности воинской присяге.

Священным Синодом Русской Православной Церкви в 1994 г. было принято решение об организации взаимодействия с Вооруженными Силами РФ. В апреле 1997 г. было подписано соглашение между Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием Вторым и министром обороны Российской Федерации, в соответствии с которым, а также на основе Федерального закона от 19 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о рели-

гиозных объединениях» [*Собрание* законодательства Российской Федерации. 1997. № 39, ст. 4465], в частях и соединениях Российской армии было организовано взаимодействие с представителями Русской Православной Церкви по таким важным направлениям, как патриотическое воспитание военнослужащих, нравственное и духовное просвещение, реализация религиозных потребностей военнослужащих и восстановление культовых сооружений. Возродилось православное попечение армии. Функционируют церкви на территории военных гарнизонов и городков. Действуют мобильные военно-полевые церкви [*Бондарев С. С.* Церковь и армия: пути сотрудничества // Информационно-аналитический портал «Наследие». URL: http://old.nasledie.ru (дата обращения: 10.04.2016)].

Не только проповедным словом, но и личным примером способствовали священнослужители укоренению духовных ценностей в сознании русских людей. Представители духовенства вписали немало славных страниц в летопись Российской армии. Во всех войнах и вооруженных конфликтах, в которых участвовали Вооруженные Силы России, Русская Православная Церковь принимала активное участие и оказывала воинам всяческое содействие и духовную помощь. Священники делили с воинами тяжести войны, поднимали их дух, стремились уберечь от ожесточения.

В настоящее время тенденция взаимодействия армии и церкви в области духовного становления и развития личности набирает все большую силу. Сегодня, как и на всех этапах развития российской государственности, церковь является одной из хранительниц традиционных духовных ценностей и оказывает значительное влияние на формирование и развитие русской культуры [*Осокина И.* Взаимоотношения церкви и государства на современном этапе российской истории // Историк : общественно-политический журнал. 2015. URL: http://www.historicus.ru/463 (дата обращения: 10.04.2016)].

М. А. Жигунова
(г. Омск)

СОВРЕМЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

В работе, основанной на многолетних историко-этнографических и этносоциологических исследованиях автора и материалах, собранных в результате преподавательской деятельности, анализируются вопросы религиозной идентичности современного населения Западной Сибири и взаимодействия микроуровня.

Ключевые слова: Западная Сибирь, современность, религиозная идентичность, взаимовлияние религий и культур.

M. A. Zhigunova
(Omsk)

MODERN POPULATION OF WESTERN SIBERIA: INTERRELIGIOUS ASPECT

In the work based on long-term historical and ethnographic, ethnosociological researches of the author and also - the materials received as a result of teaching activity of the author religious identity of the modern population of Western Siberia and interaction of microlevel is analyzed.

Key words: Western Siberia, modern time, religious identity, interaction of religions and cultures.

Территория Западной Сибири представляет особый интерес, поскольку здесь издавна накоплен позитивный опыт совместного сосуществования различных народов, религий, культур. Изначально ее население отличалось заметной гетерогенностью, все более увеличивающейся за счет прибывающих переселенцев. Переселенческий поток отличался не только существенным многообразием географических мест выхода, но и социальными, конфессиональными, этническими характеристиками. Нередко объединяющим началом для жителей населенных пунктов, собранных из разных мест и чуждых друг другу, являлась общая вера. Межрелигиозные контакты и взаимовлияния в Западной Сибири отличаются не только существенной длительностью, но значительной активностью и заметным многообразием. Это обусловлено не только совместным проживанием на евразийской территории, но и тесными хозяйственными, экономическими, торговыми и культурными связями, межнациональными браками.

Понятие «идентичность» означает осознание индивидом своей принадлежности какой-либо группе, а также существующие представления о типичных чертах ее характера и культуры. Вопрос о количестве верующих в современной России является дискуссионным, поскольку не существует единого и основного критерия религиозной идентичности. В качестве такового обычно выступают: этническая (национальная) принадлежность, язык и культура, территория проживания, участие в религиозных обрядах, социальное окружение и т. д. Часто не совпадают самоидентификация и реальная ситуация. Так, около 80% опрошенных в 2000-е гг. русских назвали себя православными. При этом треть из них не принимала обряд крещения, более половины не носит нательный крест, не знает молитв, нерегулярно ходит в церковь, не знает и не отмечает религиозные праздники (за исключением Рождества и Пасхи), не соблюдает религиозные посты, не знает церковного этикета и т. д. Количество воцерковленных не превышает 10%. Интересно, что принадлежность к православию многими людьми воспринимается как некая данность: «Я — русская, родилась и живу в России, значит, православная».

То же касается представителей других религий. Конфессиональное самоопределение большинства респондентов свидетельствует не столько о приверженности их к определенной конфессии и образу жизни, сколько к исторически сложившейся народной традиции, принятию чисто внешних элементов религиозной культуры. Сегодня стало модным быть верующим. Атеистами назвали себя только 5% опрошенных в 2000–2015 гг. (преимущественно это мужчины среднего и старшего возраста). Среди жителей сибирского региона встречаются также мусульмане, католики, лютеране, язычники и неоязычники, баптисты, буддисты, кришнаиты, молокане, мормоны, сатанисты и др.

Поскольку сибирский регион относится к зонам активных межэтнических брачных контактов, то у многих респондентов возникают определенные трудности при своем самоопределении: «не знаю, кто я, родители разной веры», «трудно сказать, много в нас разной крови намешано» и др. Ежегодно растет количество лиц со смешанной и множественной идентичностью: «русский татарин», «русский мусульманин», «православная казашка», «крещеный атеист», «метис», «полурусок», «полукровка», «гибрид», «микс», «евразиец» и др. [*Ерохина Е. А., Анжиганова Л. В., Жигунова М. А.* Славяне и тюрки в динамике цивилизационных взаимодействий (на примере постсоветского конструирования этнической, региональной и гражданской идентичности народов Евразии) // Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы. Кызыл–Красноярск, 2010. С. 102–107]. Часто встречались люди, считающие себя «частично верующими» или «по-своему верующими в Бога».

Примерно 40% респондентов считают, что для удачного семейного союза важным является принадлежность супругов к одной религии: «Одна религия, одна культура, одни традиции и обряды». В настоящее время чаще русские женщины (а не мужчины, как на ранних этапах истории) вступают в брак с партнером другой национальности. В таком браке либо русская женщина перестраивается под традиции иной культуры (учится готовить блюда национальной кухни, осваивает обычаи и обряды, принимает религиозную веру мужа), либо разные культуры мирно сосуществуют, причудливо переплетаясь. Характерный пример, записанный автором от русской женщины-информатора в 2012 г.: «Я в 1964 г. вышла замуж за казаха. Жили мы в то время в Казахской ССР. После свадьбы я хотела сварить суп из свинины, но муж сказал, что ему свинину есть нельзя, нужно варить суп из баранины. А я баранину не люблю. Что делать? Кастрюля всего одна тогда была, я в нее все кусочки мяса вместе положила. А когда сварилось, то ели отдельно: муж — баранину, а я — свинину». Нередки случаи проведения параллельных обрядов жизненного цикла среди родственников жениха и невесты в соответствии с канонами их различной религиозной веры.

Несмотря на то что в начале XXI в. религиозный фактор многими воспринимается как этнодифференцирующий, все более характерным явлением становится суждение о том, что «Бог един, ни Иисус (Христос), ни Аллах». В настоящее время люди разного вероисповедания совместно отмечают не только общегосударственные календарные, но и традиционные религиозные праздники, рождение детей, свадьбы, ходят на похороны друг к другу и совместно поминают умерших. И это является одним из существенных факторов, влияющих на формирование толерантности и способствующих этнокультурной компетенции, взаимопроникновению и взаимовлиянию различных этнических культур и религий. По мнению опрошенных, людей разных национальностей больше всего сближают общий язык, религия, совместное проживание и работа, общие трудности, любовь.

Анализируя блок вопросов, посвященных установкам на межнациональное и межрелигиозное общение, можно отметить, что старшее и среднее поколение более лояльно. Молодежь отличается меньшей терпимостью и миролюбием, большей предвзятостью по отношению к отдельным национальностям и религиям. Например, среди ассоциаций, возникающих со словом «мусульманин», часто встречались такие, как «террорист» и «враг». Это свидетельствует о необходимости активизации просветительской и научно-образовательной деятельности в сфере межрелигиозных и межнациональных отношений, укрепления общегражданской российской идентичности. Общность культурных и морально-нравственных ценностей, которая присуща традиционным религиям, — тот необходимый единый стержень, который может сплотить всех россиян.

О. И. Колотова, Т. М. Овчинникова
(г. Омск)

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Рассматриваются особенности этнического самосознания современной молодежи. Представлены результаты диагностического исследования типов этнической идентичности старшеклассников и студентов омских колледжей. Проанализированы тенденции трансформации этнической идентичности и факторы роста межэтнической напряженности в образовательной среде.

Ключевые слова: этническая идентичность, типы этнической идентичности, межэтническая напряженность, межэтнические конфликты, полиэтничное образовательное пространство.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №16-13-55003 «Межэтническая конфликтность в образовательных организациях Омской области: прогнозирование и предупреждение».

O. I. Kolotova, T. M. Ovchinnikova
(Omsk)

ETHNIC IDENTITY OF YOUTH IN POLYETHNIC EDUCATIONAL SPACE

The article discusses the features of ethnic identity of modern youth. Presents the results of the diagnostic study of the types of ethnic identity of pupils and students of Omsk College. Analyzed tendencies in transformation of ethnic identity and factors of growth of interethnic tension in the educational environment.

Key words: ethnic identity, the types of ethnic identity, ethnic tensions, ethnic conflicts, polyethnic educational space.

Процессы глобализации, свойственные современному миру, закономерно сопровождаются ростом межэтнической напряженности, поскольку чем выше его информационная открытость и больше коммуникационное сближение этнических общностей, тем сильнее современная цивилизация стремится к сохранению своего культурно-исторического своеобразия. Одним из индикаторов роста межэтнической напряженности является трансформация этнической идентичности как отдельных индивидов, так и этнических групп.

Этническая идентичность в своем становлении проходит ряд этапов: от диффузной идентификации с этнической группой (в возрасте 3–4 года) до реализованной идентичности в подростковом возрасте [*Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М., 2009. С. 134]. В период взросления, когда актуализируются потребности в социальных связях, у молодых людей могут возникать проблемы, связанные с групповым членством, — проблемы солидарности, идентичности, принадлежности к группе, в том числе этнической, как самой устойчивой из всех социальных групп. Депривация реализации притязаний на признание со стороны сверстников, в том числе на внутриэтническом и межэтническом уровнях, может привести к развитию у молодого человека пассивности, неуверенности в себе, конформности, агрессивности, конфликтности.

Для изучения отношения молодых людей к собственной и другим этническим группам в различных ситуациях межэтнического взаимодействия нами было проведено анонимное анкетирование учащихся 10–11 классов и студентов колледжей, в котором приняли участие 436 человек из тринадцати образовательных организаций г. Омска. Выявление типов этнической идентичности респондентов [*Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 189–193] показало, что преобладающим типом выступает позитивная этническая идентичность (средний балл 15,3 из 20 возможных). Средний балл по каждому типу этнической идентичности приведен на рисунке.

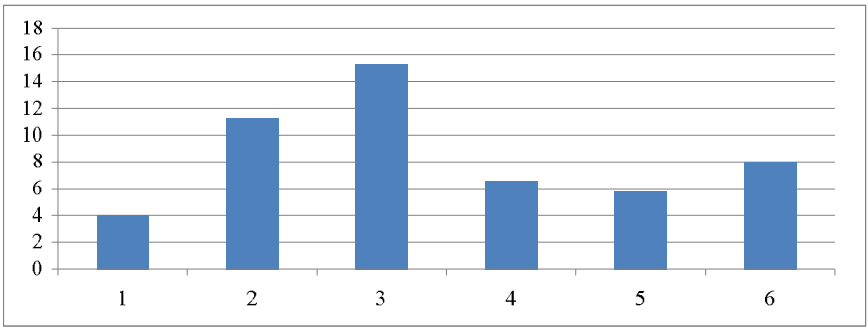

Рис. Типы этнической идентичности (средний балл):
1 — этнонигилизм; *2* — этническая индифферентность; *3* — позитивная этническая идентичность (норма); *4* — этноэгоизм; *5* — этноизоляционизм; *6* — национальный фанатизм

Наряду с преобладанием позитивной идентичности наблюдается и высокий уровень этнической индифферентности респондентов (средний балл 11,3), причем, по сравнению с опросом, проведенным среди старшеклассников и студентов колледжей в 2015 г. [*Овчинникова Т. М.* Проблемы этнической идентичности современной молодежи // Реальность. Человек. Культура: философия и философствование в современной культуре. VII Ореховские чтения : мат-лы всерос. науч. конф., посвященной 50-летию кафедры философии Омского государственного педагогического университета (Омск, 12–13 ноября 2015 г.). Омск, 2015. С. 256], средний балл по данному типу претерпел самые значительные изменения:

Средний балл	Тип этнической идентичности					
	нигилизм	индифферентность	позитивная	эгоизм	изоляционизм	фанатизм
2015 г.	3,6	9,4	15,1	7,0	5,6	7,6
2016 г.	4,0	11,3	15,3	6,6	5,8	8,0
Динамика	+0,4	**+1,9**	+0,2	–0,4	+0,2	+0,4

Традиционно этническую индифферентность относят к «безопасному» типу этнической идентичности. Но так ли это на самом деле? Из 206 респондентов, показатель этнической индифферентности которых *выше среднего*:

— 61 согласны, скорее согласны или в чем-то согласны с тем, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на их национальной территории (фактически это каждый третий респондент из тех, кто демонстрирует высокий уровень этнической индифферентности);

— 98 человек (47,5% из 206) аналогичным образом реагируют на утверждение о «необходимости “очищения” культуры своего народа от влияния других культур».

Более того, из 230 респондентов, у которых показатель позитивной этнической идентичности *выше среднего*, 58 человек согласны (скорее или в чем-то согласны) с необходимостью ограничения в правах лиц других национальностей и 100 человек говорят об «очищении» национальной культуры. Первое из этих двух утверждений мы считаем одним из маркеров национального фанатизма. О наличии таких маркеров в рассматриваемой выборке свидетельствуют следующие показатели:

— «люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на их национальной территории» считает 18% опрошенных (80 респондентов);

— «любые средства хороши для защиты интересов своего народа» — 36% опрошенных (158 респондентов);

— «строго необходимо сохранять чистоту нации» — 41% опрошенных (178 респондентов).

Причем если И. С. Маловичко предлагает судить о наличии маркера в том случае, когда суждение оценено баллами 4, 3, 2 («согласен», «скорее согласен», «в чем-то согласен, в чем-то не») [*Маловичко И. С.* Методика проведения исследования межэтнической напряженности в подростковых сообществах // Школьные службы примирения в регионах России. Профилактика межэтнических конфликтов / под общ. ред. Н. Л. Хананашвили. М., 2014. С. 53], то мы учитывали только первые две оценки («согласен» и «скорее согласен»), т. е. показатель присутствия маркеров национального фанатизма по И. С. Маловичко был бы еще выше. Обеспокоенность вызывает и полученный интегративный показатель уровня межэтнической напряженности. В нашем случае он оказался равным 0,7; т. е. *тревожным* [Там же. С. 53–54].

Таким образом, исследование типов этнической идентичности не может быть сведено только к определению соответствующих им средних баллов. Мы определили для каждого респондента относительную выраженность того или иного типа в процентном отношении. Оказалось, что явное преобладание позитивной этнической идентичности наблюдается у 23 человек, а это всего лишь 5% опрошенных. У остальных респондентов, демонстрирующих преобладание «нормы», она размыта, так как ее доля немногим отличается от соответствующих показателей других типов идентичности (а в некоторых случаях и равна какому-либо из них).

Итак, для оптимизации межличностного взаимодействия, снижения межэтнической напряженности и предотвращения этнических конфликтов в образовательной среде, которая в нашем регионе является полиэтничной, требуется более тщательное изучение различных компонентов этнической идентичности. Необходимо как качественное изменение описанной методики, используемой уже более 15 лет, так и применение других методов исследования, — интервьюирования, дискуссий в фокус-группах. В противном случае

существует опасность за кажущимся «благополучным» преобладанием «нормы» пропустить трансформацию этнической индифферентности в национальный фанатизм.

Е. Н. Котова
(г. Воронеж)

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В тезисах рассматривается проблема кризиса гражданской идентичности в России как результат усиления этноконфессиональных различий ее населения.

Ключевые слова: этнос, религия, конфессия, идентификация, государство.

E. N. Kotova
(Voronezh)

ETHNIC AND RELIGIOUS PROBLEMS IN MODERN RUSSIA

The thesis deals with the problem of the crisis of civic identity in Russia as a result of increased ethnic and religious differences of its population.

Key words: ethnos, religion, confession, identification, state.

Россия — многоэтническое и многоконфессиональное государство с большим культурным наследием. Развитие этого государственного организма не всегда шло бесконфликтно, но все же опыт его построения не был столь жесток и кровав, как у других империй. В ходе государственного строительства русские учились взаимодействовать с различными этноконфессиональными сообществами, учитывать их культурное и религиозное своеобразие и, как правило, не прибегать к их целенаправленной ассимиляции.

Советский опыт национальной политики продемонстрировал радикальную переориентацию не на сохранение этноконфессиональной специфики, а на формирование культурно-национального сознания, прежде всего у народов национальных окраин России. Там проживало много бесписьменных народностей, представляющих собой племена, которым еще только предстояло превратиться в нации. СССР сконструировал культурный ландшафт и историческую память народов, которые имели только мифологические представления о своем прошлом. Данная политика и соответствующая ей практика получили название «коренизация» тех или иных народов. Этот модернизационный проект, в основе гуманистический и просветительский, требовал для своей реализации создания институтов, характерных для эпохи модерна. Формируется сеть научных и научно-просветительских учреждений, которые занимались выработкой образов культурной самобытности тех или иных народов, представлений об их историческом прошлом,

созданием их письменного языка и системы образования [*Шнирельман В.* В поисках самобытности: у истоков советского мультикультурализма // Неприкосновенный запас. 2011. № 4. С. 149–153]. По идеологическим причинам религиозные основания существования этносов подвергались атеистической критике и выводились за рамки культурного строительства как негативные «пережитки прошлого».

Советская государственная система стремилась к тому, чтобы люди различной этнической и конфессиональной принадлежности, не отказываясь от своей идентичности, тем не менее чувствовали свою принадлежность к единой стране и единой надэтнической культуре и традиции. Принципы гражданской идентичности отразил появившийся в позднем СССР термин «новая историческая общность — советский народ». Но в реальной практике советской империи всегда сохранялось фундаментальное противоречие. С одной стороны, советская власть поднимала цивилизационный уровень малых народов, развивала национальное самосознание, с другой — всегда осуществляла принцип жесткой централизации и контроля, особенно в конфессиональной среде. Конфликт между политикой централизации и ростом национального самосознания в республиках подготовил почву для распада СССР.

В настоящее время наблюдается кризис ценностей гуманизма и универсализма Нового времени, что стало результатом двух мировых войн, окончания «холодной войны», распада СССР и кризиса марксистских и социалистических идеологий. Эти потрясения разрушили основание модерного мира и создали опасную пустоту, которую ныне пытается заполнить неоконсерватизм. В ситуации понижения роли нации — государства как источника идентификации — осуществляется глобальный переход к более архаическим и фундаментальным различиям между людьми по их этнической и религиозной принадлежности [*Корм Ж.* Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. М., 2012. С. 179–202]. Итогом десекуляризации общества становится, по определению С. Ф. Хантингтона, цивилизационная идентичность. Она задается такими объективными критериями, как язык, история, образ жизни народов, но самое главное — религия. Ее субъективный фактор — самоидентификация человека относительно названных критериев. Дискредитация светской гражданственности и поиск исходной, традиционной, чаще всего религиозной, идентичности свидетельствуют о росте неоконсервативных и ретроспективных тенденций в жизни общества, в том числе и российского.

В итоге при утрате былых идеологий современные государства и политики, в том числе и в России, мобилизуют население на достижение определенных целей, обращаясь за поддержкой к традиционной общности рели-

гии и цивилизации. Опасность подобной ситуации состоит в том, что Россия — изначально многоконфессиональная страна, но государство традиционно отдает преференции Русской Православной Церкви Московского Патриархата, ибо последняя всегда поддерживала либо, в худшем случае, мирилась с существующей государственной властью, т. е. оставалась по отношению к ней лояльной. Это, в свою очередь, неизбежно рождает чувства обиды и скрытого соперничества у представителей иных религий и прежде всего у наиболее консолидированной из них — ислама. Последний всегда внутренне был ориентирован на идеал панисламского государства, основанного на законах корана и шариата, где бы светская государственность просто ликвидировалась. Более того, в данном контексте звучат призывы отказа от современных цивилизационных и научно-технических достижений, откат в прошлое, вплоть до вторичной варваризации. Политические иллюзии мусульманской уммы, ее изначальное стремление к самоуправлению на основе коранических традиций не могли быть реализованы в границах светского государства. Таким образом, сама политика Российского государства, уйдя от идеи равноудаленности церквей, но не отказавшись от неизменного предпочтения РПЦ, потенциально порождает основания для религиозно-цивилизационных противоречий и взаимных обид. Об этом говорит еще одна тревожная тенденция, связанная с кризисом общероссийской идентичности, — стремление некоторых религиозных лидеров к созданию этнорелигиозных анклавов, живущих по своим законам, с собственными школами, детскими садами, сферой досугово-бытовых услуг и т. д. Очевидно, что «анклавизация» не просто поставит вопрос о соотношении исламских правовых норм с нормами общероссийскими, но и даст толчок к распаду единого правового и политического пространства России.

Судьба России во многом зависит от того, сумеем ли мы найти работающие концепции устойчивой неконфликтной интеграции этноконфессиональных сообществ в едином правовом поле и в едином государственном организме, сможем ли мы конструктивно использовать свой собственный исторический опыт. Главным недостатком современного Российского государства является то, что у него нет мобилизирующей идеологии дальнейшего движения, нет модели, ориентированной на будущее и перспективное развитие общества, которая оказалась бы привлекательной для всех граждан страны, вне этнических и конфессиональных различий. Сегодня программа социально ориентированного государства, закрепленная Конституцией РФ, фактически сворачивается, а политическая элита потеряла потенциал и формулирует для «массового потребления» ретроспективную и традиционалистскую идеологию, обращенную к прошлому и лишенную гуманистических социальных новаций.

Ю. А. Лапунова
(Ставрополь),
Л. С. Баширова, А. П. Подшивалов
(г. Омск)

ПРОФИЛАКТИКА СОВЕРШЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ МОЛОДЕЖИ РЕЛИГИОЗНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ КРИМИНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Объектом исследования является профилактика правонарушений в отношении молодежи религиозными сообществами криминальной направленности. Авторы рассматривают возможные формы взаимодействия ОВД с общественными (традиционными религиозными) объединениями.

Ключевые слова: профилактика, молодежь, религиозный экстремизм.

J. A. Lapunova
(Stavropol),
L. S. Bashirova, A. P. Podshivalov
(Omsk)

PREVENTION OF OFFENSES AGAINST YOUTH OF CRIMINAL RELIGIOUS COMMUNITIES

The object of research is the prevention of offenses against youth, religious communities, criminal orientation. The authors consider the possible forms of interaction ATS with the public (traditional religious) associations.

Key words: prevention, youth, religious extremism.

Перед органами внутренних дел стоят задачи по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений против личности, собственности, здоровья населения и общественной нравственности и др. Важнейшей задачей является пресечение создания религиозных сообществ (организаций) криминальной направленности (под религиозным сообществом криминальной направленности авторами понимается религиозная организация, созданная для совершения преступлений) и предотвращение вовлечения несовершеннолетних в данные сообщества. Главная цель правоохранительных органов при этом — привлечение к административной и уголовной ответственности тех лиц, которые с помощью религии хотят удовлетворить личные, как правило, корыстные потребности.

Для решения данной проблемы сотрудники органов внутренних дел проводят значительную работу, но, к сожалению, часто акценты в подобной деятельности расставлены неравнозначно. Так, сотрудники подразделений по противодействию экстремизму проводят различные оперативно-розыскные мероприятия, направленные на документирование деятельности мусульман-

ских организаций и их лидеров, и не уделяют должного внимания созданию иных религиозных сообществ криминального характера.

Этому факту можно дать объяснение. Адепты религиозных организаций, исповедующих радикальный ислам, совершают множество преступлений против личности, общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства. Что же касается остальных религиозных организаций, то они несут в основном скрытую угрозу, и преступления, совершаемые их адептами, имеют латентный характер.

Существует еще одна проблема по противодействию деятельности религиозных сообществ криминального характера — это низкий уровень подготовленности сотрудников полиции в вопросах религиозных отношений. Для решения этих проблем необходим широкий диапазон научных знаний, что объясняется сложностью самого понятия «экстремизм». Часто сложно отличить традиционную религиозную организацию от псевдорелигиозной, и поэтому в отношении таких организаций не осуществляется полных и всесторонних проверок. При этом законные формы религиозных организаций могут использоваться как прикрытие для реализации преступных целей религиозными сообществами. Подобные факты при указанном недостатке установить весьма трудно.

Тем не менее ОВД проводится значимая профилактическая работа в данном направлении. Так, в Омской области и Ставропольском крае сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних совместно с сотрудниками Управления уголовного розыска, Центра по противодействию экстремизму систематически проводят работу по профилактике религиозных экстремистских проявлений в школах и в высших учебных заведениях. Например, в Омской академии МВД России встречи курсантов с сотрудниками отдела по противодействию религиозному и национальному экстремизму УМВД России по Омской области являются традиционными. В силу объективных причин сотрудники ОВД не уделяют должного внимания выявлению лиц, которые могут стать потенциальными адептами религиозных сообществ криминального характера, поэтому работу в данном направлении необходимо активизировать. Также следует осуществлять четкое взаимодействие правоохранительных структур с общественностью.

В целях совершенствования взаимодействия подразделений системы МВД России со СМИ и общественными объединениями считаем необходимым предложить такую форму взаимодействия, как проведение семинаров с сотрудниками ОВД, ответственных за данную работу, и представителями традиционных религиозных организаций.

Другой проблемой низкого уровня предупреждения вовлечения молодежи в религиозные сообщества криминального характера является отсутствие должного обмена информацией между органами внутренних дел и религиоз-

ными организациями (традиционными и нетрадиционными). Наличие обмена информацией будет способствовать эффективной и своевременной профилактической работе, а также недопущению создания религиозных сообществ криминального характера и вступлению молодежи в эти организации. В настоящее время подобное взаимодействие осуществляется с представителями традиционных мусульманских организаций только по вопросам противодействия преступной деятельности радикально-экстремистских исламистских религиозных групп.

Следующая проблема состоит в отсутствии совместных действий органов внутренних дел и общественных объединений (традиционных религиозных организаций) по своевременному недопущению совершения противоправных деяний религиозными сообществами криминального характера в отношении несовершеннолетних. Решение данного вопроса видится в привлечении сотрудниками ОВД представителей традиционных религиозных организаций, в частности Русской Православной Церкви, в качестве специалистов.

На основании изложенного предлагаем следующие формы взаимодействия органов внутренних дел с общественными (традиционными религиозными) объединениями:

— проведение совместных семинаров, конференций с участием сотрудников ОВД, закрепленных за линией противодействия экстремизму, и представителями общественных объединений, занимающихся вопросами сектантства и традиционных религиозных организаций, в целях обмена необходимой информацией и знаниями в части деятельности религиозных сообществ криминального характера;

— создание Координационного центра (совета) по противодействию деятельности религиозных сообществ криминального характера, в которые должны входить представители ОВД, общественных (традиционных религиозных) организаций и администрации области, края, республики по вопросам наций и религии;

— привлечение представителей традиционных религиозных организаций в качестве специалистов по вопросам, связанным с деятельностью отдельных религиозных объединений, для проведения отдельных оперативно-розыскных и иных действий (в частности, осмотра места происшествия).

Организация и четкое определение задач такого взаимодействия позволит органам внутренних дел пресекать деятельность религиозных сообществ криминального характера, направленную на вовлечение молодежи, в том числе и несовершеннолетних, в свои ряды. Только при эффективном взаимодействии можно достичь положительных результатов в решении рассматриваемых задач.

В. М. Мельцов
(Нижний Новгород)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

(НА МАТЕРИАЛАХ ГУ МВД РОССИИ ПО НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматривается деятельность органов внутренних дел Нижегородской области по пресечению деятельности религиозных экстремистских объединений на территории региона.

Ключевые слова: экстремизм, религия, терроризм, религиозное объединение.

V. M. Meltsov
(Nizhny Novgorod)

THE OPPOSITION OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES ACTIVITIES OF RELIGIOUS EXTREMIST ASSOCIATIONS (ON THE MATERIAL OF GU MVD OF RUSSIA NIZHHY NOVGOROD REGION)

The article is devoted to the activities of the bodies of internal Affairs of Nizhny Novgorod region to curb the activities of extremist religious associations on the territory of the region.

Key words: extremism, religion, terrorism, religious association.

Совокупность социально-экономических, идеологических, политических перемен создала в 90-х гг. XX в. благоприятную почву для распространения на территории России экстремистских настроений, особенно в молодежной среде. Проблемы, связанные с проявлениями молодежного экстремизма, актуальны для всех субъектов РФ. Количество совершенных преступлений экстремистской направленности год от года увеличивается.

Правоохранительные органы уделяют большое внимание профилактике и противодействию деятельности экстремистских религиозных групп и организаций, так как они представляют большую угрозу национальной безопасности. Нередко деятельность данных организаций спонсируется зарубежными государствами, пытающимися таким образом подорвать устои российской государственности, способствовать возникновению и эскалации межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Значительный интерес представляет работа подразделений по борьбе с экстремизмом ГУ МВД России по Приволжскому федеральному округу и ГУ МВД России по Нижегородской области, благодаря которой нейтрализована деятельность ряда экстремистских групп.

Так, в 2006 г. была пресечена деятельность террористической группы, совершившей в 2004–2005 гг. серию подрывов и закладок самодельных

взрывных устройств на объектах топливно-энергетического комплекса ряда субъектов Приволжского федерального округа. В результате совместной работы МВД и УФСБ по Республике Татарстан установлена причастность к совершению этих терактов членов группы «Галиева-Хайруллина», состоявшей из жителей Татарстана и Чеченской Республики. В ходе расследования было доказано, что данная группировка являлась ячейкой «Высшего военного Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа».

В 2011 г. ГУ МВД России по Нижегородской области установлен лидер Нижегородской ячейки запрещенного международного религиозного объединения «Нурджулар» (гр-н Азербайджана), который организовал в Нижнем Новгороде «дарсхану», осуществлял руководство деятельностью ячейки и вовлек в данную организацию 9 человек. Другие наиболее активные участники ячейки занимались объединением и вовлечением в деятельность новых членов, периодически проводили религиозные обряды, сопровождаемые обязательным чтением литературы Саида Нурси, через Интернет общались с активными участниками «Нурджулар», проживающими в США.

Ярким примером успешного противодействия органов внутренних дел экстремистским религиозным организациям на территории Среднего Поволжья является нейтрализация деятельности участников международной террористической организации «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»), проживающих на территории Ульяновской области. В конце 2009 г. они организовали на территории ФКУ ИК-2 УФСИН России по Ульяновской области работу по вовлечению в экстремистскую организацию новых участников из числа осужденных лиц, осуществляли религиозные обряды, занятия по изучению исламской радикальной литературы, аудио-, видеоматериалов идеологов ЗМТО «Имарат Кавказ» Д. Х. Умарова, А. А. Тихомирова (известен как «Саид Бурятский»), А. Э. Астемирова и др. Эти лица пропагандировали идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и призывали к изменению в России существующего государственного строя с построением теократического исламского государства путем тотальной исламизации населения. Ранее руководитель данной группы В. Г. Ильмендеев с 2003 г. по 2006 г. являлся участником джамаата международной террористической организации «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират») в г. Ульяновске. Деятельность была направлена на возбуждение ненависти и вражды, унижение достоинства человека, группы лиц по признаку отношения к религии, а также ведения борьбы против российской государственности, органов власти и российских силовых структур на Северном Кавказе. В 2006 г. В. Г. Ильмендеев был осужден за совершение ряда преступлений в составе преступной группы «Ульяновский джамаат».

В. Г. Ильмендеев в целях создания и развития религиозной группы («джамаат») международной террористической организации «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират») организовал проведение религиозных занятий и собраний в молельной комнате, расположенной на территории ФКУ ИК-2 УФСИН России по Ульяновской области, куда приглашал всех желающих из числа лиц, отбывающих наказание.

Для пропаганды радикальных религиозных взглядов среди осужденных и формирования идеологии борьбы против российской государственности, органов власти и российских силовых структур на Северном Кавказе В. Г. Ильмендеев предоставлял осужденным аудио-, видеоматериалы, полученные с интернет-сайтов «Имарат Кавказ», «Кавказ–Центр», с обращениями и проповедями Д. Х. Умарова, А. А. Тихомирова, а также книги «Единобожие», «Таухид», «Джихад на Северном Кавказе» и иные материалы, включенные в федеральный реестр экстремистской литературы.

Руководители экстремистской группы, преследуя цель поэтапной трансформации личности, подменяют традиционное толкование ислама в целях изменения мировоззрения, формирования иных жизненных ценностей, убеждений и стереотипов поведения. Не реже двух раз в неделю проводились собрания с вовлеченными участниками из числа осужденных, содержащихся в колонии. При этом обсуждали деятельность руководителей террористической организации, изучали книги, прослушивали и просматривали аудио-, видеоматериалы, соответствующие взглядам данной международной террористической организации. Они обсуждали вопросы изменения политической системы и территориального устройства Российской Федерации в целях присоединения части территорий к самопровозглашенному государству «Кавказский Эмират», призывали к разрушению установившихся государственных границ национальных государств как при помощи пропаганды, так и насильственными методами. Действующая на территории исправительного учреждения экстремистская организация имела высокую степень организованности, с установленными прочными связями между ее участниками, наличием внутренней дисциплины, управления и подчиненности, распределением ролей и задач для каждого ее участника.

Таким образом, выявление и расследование преступлений экстремистской направленности становится все более актуальной проблемой, так как в современных условиях реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации представляет усиление экстремизма в различных формах его проявления. В настоящее время отчетливо просматривается тенденция к расширению масштабов акций, митингов экстремистского характера: борьба с экстремизмом становится глобальной международной проблемой, представляющей серьезную угрозу для безопасности общества.

С. В. Назарова, Л. Я. Шевченко
(Костанай, Казахстан)

ТЕРРОРИЗМ КАК РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Социальную почву терроризма укрепляют нищета, безработица, необразованность населения, отсутствие у молодежи социальных перспектив и ее неподготовленность к современным видам трудовой деятельности, с одной стороны, и формирование целых поколений в атмосфере непрекращающихся вооруженных столкновений, болезненная обостренность религиозных и национальных чувств, накал отчаяния и ненависти — с другой.

Ключевые слова: терроризм, Исламское государство, мировое сообщество, глобальные проблемы, экстремизм.

S. V. Nazarova, L. YA. Shevchenko
(Kostanay, Kazakhstan)

TERRORISM AS REAL THREAT TO THE SECURITY OF THE STATE

The authors emphasize that the social soil of terrorism is reinforced by poverty, unemployment, lack of education of the population, the lack of social prospects among young people and its unpreparedness to modern forms of work activity — on the one hand there is the formation of entire generations in the atmosphere of continuing armed clashes, painful acuteness of religious and national feelings, on the other there is the intensity of despair and hate.

Key words: terrorism, Islamic state, the world community, global problems, extremism.

Глобализация и широкая интернационализация терроризма — неоспоримый факт, перед которым сегодня оказалось человечество. Современный терроризм — это мощные структуры с соответствующим их масштабам оснащением. Международные террористические группировки активно используют в своих интересах достижения научно-технического прогресса, имеют широкий доступ к информации и современным военным технологиям. Они не прекращают попыток получить ядерное, биологическое и химическое оружие массового уничтожения или его компоненты, не скрывая при этом намерений применить его для достижения поставленных целей. Терроризм приобретает новые формы и возможности в связи с усиливающейся интеграцией международного сообщества, развитием информационных, экономических и финансовых связей, расширением миграционных потоков и ослаблением контроля за пересечением границ.

По данным Института экономики и мира, согласно глобальному индексу терроризма за 2015 г., Республика Казахстан занимает 83-е место среди стран мира по уровню террористической активности.

Волна терактов, прокатившаяся по Казахстану в предыдущие два года, сменилась относительным затишьем, которое больше настораживает, чем успокаивает: внутренние и внешние причины экстремистской деятельности в стране продолжа-

ют существовать. Идеологическое влияние носителей религиозно-экстремистских идей становится причиной радикализации взглядов у отдельных граждан. Для Казахстана, с его многоэтничным и поликонфессиональным составом населения это явление представляет особую опасность и требует от государства создания адекватных механизмов обеспечения национальной безопасности.

Хронологически можно выделить три этапа в деятельности экстремистских и террористических организаций на территории Казахстана.

Первый этап — 1991–2000 гг., когда наблюдался импорт радикальных идей. В этот период шло активное проникновение на территорию Республики Казахстан представителей иностранных экстремистских организаций из соседних стран с повышенными террористическими рисками (Россия, Китай, Узбекистан, Киргизия).

Второй этап — 2000–2011 гг., когда в деятельности радикальных структур появилось «казахстанское содержание». В определенной степени это было связано с возвращением на родину людей, которые еще в 90-е уезжали из страны для получения религиозного образования в Турцию, Пакистан, Саудовскую Аравию, Египет и т. д. В эти же годы власти признали участие наших граждан в деятельности иностранных террористических структур.

Третий этап — с 2011 г. по сей день. Его характерная черта — активизация местных радикальных групп. Теракты 2011–2012 гг., в которых принимали участие только граждане Казахстана, говорят о том, что в стране завершилась трансформация отдельных протестных групп, связанная с их большей радикализацией.

Действующие в Казахстане экстремистские организации можно классифицировать на три группы.

1. *Варяги* — иностранные структуры, имеющие внешние и внутренние источники финансирования. Основной акцент делают на религиозную мобилизацию («Хизбут-Тахрир аль-Ислами», «Таблиги Джамаат», салафиты и др.). Основную ставку такфиризм делает на социальную и идейную фрагментацию казахстанского общества, а также на низкий уровень религиозного образования не только среди рядовых граждан, но и среди некоторых представителей официального духовенства.

Автохтоны — как правило, это местные экстремистские организации, которые либо используют «франшизу» (создание всемирного или регионального халифата, главенство законов шариата и т. д.), либо вооружены идейной эклектикой (социальный и религиозный экстремизм), которую внедряют псевдорелигиозные интерпретаторы.

Сетевые радикальные группы — их мобилизация может происходить на основе экстремистских сайтов.

Отмечается географическое расширение деятельности радикальных групп. С начала 90-х гг. прошлого столетия в основном это был юг Казахстана. В тот пе-

риод существовало как минимум четыре экстремистских канала: пакистанский, афганский, узбекский и киргизский. С середины 90-х гг. добавился запад страны. Здесь доминировал салафизм, который «импортировался» с Кавказа и из Саудовской Аравии. Сегодня экстремистов задерживают практически по всей территории республики. Казахстан оказался в тисках внутренних и внешних факторов, которые будут повышать уровень террористических рисков.

Таким образом, угроза терроризма продолжает нарастать, становится многовекторной. Международный терроризм стремительно перестраивается, подтверждая готовность наносить удар за ударом в каждом регионе земного шара. Следует отметить, что проблема терроризма всегда присутствовала как в рамках отдельных государств, так и на международной арене. Однако она стала актуальной после завершения глобального конфликта по вектору «Восток-Запад». Современный терроризм характеризуется резко возросшей технической оснащенностью, высоким уровнем организации, наличием значительных финансовых средств. Его главная отличительная черта — размывание границ между международным и внутренним терроризмом. Расширяются связи террористических организаций с наркобизнесом и незаконной торговлей оружием. Заметна динамика роста террористических групп в современном мире.

Терроризм в любых формах проявления превратился в одну из наиболее опасных по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям общественно-политических и моральных проблем, с которыми человечество вошло в XXI столетие.

А. В. Петров
(г. Омск)

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОМСКЕ: ОТ УЧИЛИЩА — К СЕМИНАРИИ

Рассматривается процесс преобразования Омского епархиального училища в семинарию. Описано его состояние на момент решения Священного Синода о преобразовании и в предшествующее время. Приведены наблюдения над выпускным курсом, вместе с училищем переживавшим его трансформацию.

Ключевые слова: Омск, духовное училище, семинария.

A. V. Petrov
(Omsk)

ORTHODOX EDUCATION IN OMSK: PATH OF DEVELOPMENT OF THE DIOCESAN SCHOOL TO THE SEMINARY

This article describes the process of transforming the Omsk diocesan school in Omsk seminary. The article shows the status of the school before and at the time of the decision of

the Holy Synod of the transformation in the seminary. Inaddition, the text contains observations on senior students, alongwith a school of going throughitstransformation.
Key words: Omsk, diocesan school, seminary.

16 апреля 2016 г. Священный Синод постановил преобразовать Омское епархиальное духовное училище в семинарию [*Омская* духовная семинария. URL: http://www.ompds.ru/ (дата обращения: 30.04.2016)].

Традиция омского православного духовного образования имеет давнюю историю. Она началась в 1838 г. с учреждения духовного училища. В 1871–1872 гг. училище было переведено в г. Ишим, где существовало вплоть до 1916 г., когда в Омск были возвращены начальные классы училища, на базе которых планировалось образовать семинарию. Этим планам помешала Революция, после победы которой омское духовное образование было упразднено. Оно было восстановлено в 1991 г., когда в здании по ул. Третьяковской, 48 начало работать Омское епархиальное духовное училище, осуществлявшее подготовку слушателей на пастырском и катехизаторском отделениях. В 2011 г., после занятия омской кафедры митрополитом Владимиром (Икимом), в училище началась работа над приобретением статуса семинарии. В 2013 г. Учебный комитет РПЦ удовлетворил прошение правящего архиерея Омской и Таврической епархии митрополита Владимира о переводе училища на программу подготовки бакалавров. В 2012 г. училище посетила с проверкой инспекционная комиссия Учебного комитета, оставившая ряд предписаний. Их исполнение, а также открытие в 2014/15 учебном году регентского отделения, а в 2015/16 учебном году — иконописного позволило комиссии Учебного комитета, вновь посетившей училище в марте 2016 г., отметить очевидную положительную динамику его развития.

Данная комиссия провела проверку в связи с запросом митрополита Владимира о преобразовании Омского духовного училища в семинарию. Комиссия осмотрела материальную базу училища, ознакомилась с состоянием делопроизводства, библиотечного фонда, посетила учебные занятия, встретилась с администрацией, сотрудниками и учащимися.

Значительным событием в жизни училища стал переезд в новое здание (ул. Лермонтова, 56), в котором имеется достаточное количество учебных аудиторий, есть компьютерный класс и кабинет дистанционного обучения с соответствующим оборудованием, позволяющим участвовать в общецерковных мероприятиях. Помимо этого, в здании расположены домовый храм, где проходят практические занятия по литургике, и актовый зал. В новых материальных условиях училище реализует основную образовательную программу по направлению подготовки 033400.62 Теология и подготовительные курсы к основной образовательной программе по направлению подготовки 48.03.01 Теология. Общее количество студентов очного отделения (включая подготовительный курс) на момент проверки составляло 47 человек, на заочном от-

делении обучалось 62 студента. Также комиссией было отмечено надлежащее состояние документации, регламентирующей учебный процесс, — от наличия рабочих учебных программ до ведения журналов посещаемости и дневников практик.

Работу училища, а ныне семинарии, обеспечивает профессорско-преподавательская корпорация из 26 человек, среди которых ученую степень кандидата наук имеют 10 преподавателей, степень доктора — 4 преподавателя. На текущий момент сформированы две кафедры: кафедра библейско-богословских и кафедра гуманитарных дисциплин. Широкие возможности для самостоятельной работы дает библиотека, имеющая фонд в 30,5 тыс. экземпляров (6 тыс. наименований). Комиссия положительно отметила материальную часть, учебно-методическое обеспечение образовательного процесса, профессорско-преподавательский состав, и грамотные ответы учащихся выпускного курса на вопросы письменного тестирования, «заметно превосходящие уровень ответов большинства выпускников уже существующих семинарий». Все это и дало комиссии основание вынести рекомендацию о преобразовании с 2016/17 учебного года Омского духовного училища в Омскую духовную семинарию.

Путь к статусу семинарии не был легким для училища, которому для этого пришлось пройти через реорганизацию — структурную, кадровую и материально-техническую. Эти процессы затронули и сегодняшний выпускной курс пасторского отделения, которое также пережило реорганизационные процессы. Неясное будущее училища, перевод на образовательный стандарт бакалавриата, переезд в новое здание вполне могли бы негативно повлиять на самоощущение студентов и их мотивы продолжать обучение или вовсе избрать другой жизненный путь, однако этого не произошло: каждый из 8 студентов-выпускников так или иначе связан с миссионерской работой, два имеют сан священника, а два рукоположены в диаконы.

Твердость намерений следует связать с тем, что эти студенты избрали духовный путь по различным причинам. Среди них есть и воцерковленные с детства, и получившие усмотрение после поисков смысла существования в христианстве, ощущение промысла Божия в своей жизни. Названные мотивы предопределили избрание места обучения: у большинства они были связаны с намерением принять сан, у меньшинства — с утолением духовного голода и удовлетворением религиозного любопытства. Ожидания от учебы можно считать оправдавшимися, поскольку полученные знания способствовали формированию более взвешенного отношения к будущему служению и помогли подготовиться к нему как теоретически, так и практически. Конечно, здесь есть известная доля обобщения, потому что у кого-то ожидания от обучения вполне оправдались, кто-то ожидал найти в училище святых людей

и подвижников, а у кого-то реальность превзошла ожидания — и от учебного процесса, и от преподавателей, и от материальной базы. Анкетное исследование не выявило негативного разрыва между ожиданиями и реальностью, так что можно с уверенностью утверждать: полученное образование способствовало духовному созреванию студентов и воспринимается ими как полезное. Серьезным препятствием в деле его получения был, по общему мнению, недостаток времени: студент, помимо собственно учебы, обременен послушаниями (епархиальными или по училищу), а студент старшего курса — работой или семьей, не говоря уже о студентах, имеющих сан. Их служение само по себе не позволяет иметь достаточно свободного времени. Нельзя исключить из числа препятствий леность и неорганизованность, которые отметили некоторые опрошенные. Впрочем, эти недуги в той или иной степени поражают не только студента, но и каждого человека. Несмотря на дефицит времени и в некоторой степени прилежания, учеба пробуждала интерес. Среди предметов, вызвавших наибольшее любопытство, опрошенные старшекурсники назвали священную историю Ветхого и Нового Заветов, историю Церкви, литургику, сравнительное и догматическое богословие, каноническое право, апологетику христианства. Указанные дисциплины являются полезными в литургическом служении и нужными в миссионерской работе (стоит отметить, что такая «практикоориентированность» позволяет соседствовать с богословскими дисциплинами и физической культуре, которую один из респондентов указал в числе интересных предметов). Названные приоритеты, однако, не отменяют интереса и к другим дисциплинам из учебного плана. Он, по словам одного из опрошенных, прямо зависел от увлеченности преподавателя своим предметом. Близкое и детальное изучение вероучения в его теоретических и практических нюансах способствовало тому, что священники из числа студентов выпускного курса отчетливее увидели потенциал применения знаний в своем служении и лучше осознали всю ответственность за их правильное применение.

Выпускники-миряне также отдают себе отчет в том, как и где они могут применить полученные знания. Образование поможет священнику в деле окормления паствы и оградит от возможных ошибок, способных ввести прихожан в заблуждение и преградить путь к спасению, а мирянину пригодится в миссионерской работе или в деле практики веры, которая, как известно, мертва без дел. О том, насколько эти дела будут удачными и в какой мере им поспособствует полученное образование, покажет время, однако уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что в Омске православное духовное образование вполне состоялось на уровне епархиального училища и имеет все шансы развиваться на уровне семинарии.

Д. В. Попов
(г. Омск)

ГЕОПОЛИТИКА, БИОПОЛИТИКА, РЕЛИГИЯ

Политическое в современном мире предстает в формах геополитики и биополитики. Крайние формы биополитики приводят к дегуманизации социума и порабощению человека. Исторически религия традиционно обращалась к биополитическим технологиям. В настоящий момент религия способна помочь преодолеть негативные последствия чрезмерного применения биополитической технологии.

Ключевые слова: геополитика, биополитика, глобализация, религия.

D. V. Popov
(Omsk)

GEOPOLITICS, BIOPOLITICS, RELIGION

Politics in contemporary world develops in two directions — geopolitics and biopolitics. Biopolitics in it's extreme forms lead to dehumanization and slavery of human being. Nowadays religion have a possibility to help human civilization to overcome negative tendencies in biopolitics.

Key words: geopolitics, biopolitics, globalization, religion.

Политика — сфера борьбы за власть. Политическое оформилось одновременно как объединение и обособление людей. Объединение «своих» ради общих интересов. Обособление от «чужих» ради все тех же общих интересов. «Свой–чужой» — базовая политическая дихотомия, на что указывал К. Шмитт. Подобное дробление — основание политического. Как вновь и вновь воспроизводящий свою структуру фрактал, политическое тело — словно растение: корни, ствол, ветви, листья, детали листа — снова и снова копирует свою базовую биполярную оппозицию, возводя многочисленные перегородки внутри обособленных пространств. Так, «свои» разделяются на властвующих и подданных, «чужие» — на союзников и противников. Неоднородны, в свою очередь, ни властвующие, ни подданные, ни союзники, ни противники. Следует понять, что политическое пространство предстает не иначе как иерархическое, дискретное пространство, гетерогенное силовое поле.

Объединение в союз, имеющий общие цели, интересы, потребности, ценности, породило национальные государства. Сложные политические игры в «объединение — обособление», «включение — исключение», «дружбу — вражду» породили многочисленные неустойчивые межнациональные союзы, иногда доказывавшие свою эффективность. Одним из теоретических оформлений осознания стратегических преимуществ различного рода территориальных объединений стала геополитика. Воспринимая государство как территорию, геополитика оценила преимущества и недостатки того или иного локального обособления в глобальном контексте. Величина территории, местополо-

жение по отношению к морям и иным акваториям, рельеф, климат, отношение к стратегически важным торговым путям — все взвешено и измерено с точки зрения геополитической пригодности. Геополитический, территориальный дискурс политики злободневен, актуален, востребован и в настоящее время.

Геополитика не исчерпывает бытие политического в современном мире. М. Фуко в своих работах рассматривал государство не только как территорию, но и как население. Если политика в отношении территории выражается геополитикой, то политика в отношении населения связана с биополитикой. Биополитический дискурс устанавливает отношение «власть — население» с точки зрения управляемости и контроля населения со стороны власти. В конечном итоге, биополитика, по мнению М. Фуко, призвана формировать «послушные тела» в ходе применения многочисленных форм дисциплинарных практик. В XX в. биополитика приобрела кульминационные формы развития. Предельных форм биополитические технологии достигли в тоталитарных режимах Германии, Италии, СССР. Концентрационные лагеря, «истребительно-трудовые» (А. И. Солженицын) лагеря ГУЛАГа — апофеоз контроля над «голой жизнью» (по выражению Дж. Агамбена). Умеренные формы биополитического управления жизнью характерны для современности повсеместно. От грубых технологий «муштры» (М. Фуко) до утонченных форм дисциплинарного воздействия — разнообразный арсенал биополитики оказывает воздействие различной степени интенсивности на население и в наше время. Проблематика пересмотра семейных ценностей, отношений «родители — дети» (например, зарождающаяся мода на жизнь в стиле чайлдфри), широкая кампания по изменению моделей сексуального поведения — видимые грани биополитики. В скрытой форме биополитика «переформатирует» поведение человека и в рамках современных капиталистических отношений, и в образовательной среде, и в системе отношений «государство — гражданское общество».

Итак, геополитический дискурс рассматривает государство как территорию, биополитический — как население. В современной политике оба ракурса переплетаются вплоть до совпадения.

Религия не находилась и не находится в стороне от геополитики и биополитики. Геополитический дискурс выражался в религии, например, в концепции теократии. Различные версии фундаментализма формируют дискурс пространственного расширения — движения за вечно удаляющийся «фронтир». Биополитический аспект — управление жизнью человека — в религии традиционно проявляет себя в регламентации повседневной жизни верующего. Пост, молитва, участие в богослужениях имеют как духовный (преимущественный и внебиологический) аспект, так и аспект дисциплины тела. Негативные формы религиозной биополитики проявили себя, например, в инквизиции и «охоте на ведьм».

Вместе с тем религия может и должна способствовать преодолению чрезмерных форм биополитического давления на жизнь современного человека.

Религия отстаивает приоритет духовной жизни над жизнью биологической — «голой жизнью». Религия способна создать условия, в рамках которых нравственное размышление о человеке и человечестве выводит человека за рамки повседневной жизни, состоящей из многочисленных дисциплинарных практик, которые формируют «послушное тело». Приоритет духовного над биологическим позволяет религии внести нравственный элемент в перманентный общественный плебисцит (Ю. Хабермас) по поводу основ социального мироустройства. Если человечество не устраивает перспектива стать «глобальным человейником» (А. А. Зиновьев), в котором «человек человеку робот есть», то голос религиозных организаций должен звучать в полемике — голос, призывающий к миру, взаимной терпимости, согласованному преодолению глобальных проблем. Это тем более актуально, что развитие технологии в области вычислительной техники, связи, транспорта, медицины ставит на повестку дня проблематику нового уровня — влияние техники на жизнь человека велико. Необходимо говорить о том, что постепенно формируется технополитика — сфера политического и одновременно технологического переформатирования жизни человека. Роботизация человеческой цивилизации способна достичь отнюдь не метафорического уровня. Грядущая «сверхчеловеческая» цивилизация способна вытеснить человеческое из своей жизни.

А. Г. Филимонов
(г. Омск)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

На современном этапе российского общества Русская Православная Церковь играет существенную роль в решении многих вопросов, которые волнуют православных людей. Принятие основ социальной доктрины РПЦ позволяет церкви предметно определять свое отношении по ряду вопросов политики, проводимой государством.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, православие, христианство, социальная политика.

A. G. Filimonov
(Omsk)

THE SOCIO-POLITICAL DOCTRINE OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT

At the present stage of the Russian society the Russian Orthodox Church plays an essential role in the solution of many questions which concern orthodox people. Acceptance of bases of the social doctrine of ROC allows church to determine in detail the relation by a number of questions of policy carried out by the state.

Key words: Russian Orthodox Church, Orthodoxy, Christianity, social policy.

Одним из важных направлений анализа процесса церковно-государственных отношений сегодня является рассмотрение общественно-политической идеологии Русской Православной Церкви (далее — РПЦ). Именно в ней отражен общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества и мира в целом. Процесс формирования и выработки собственной общественно-политической идеологии для РПЦ был непростым и в первую очередь связан с положением церкви в государстве и степенью ее относительной и самостоятельной свободы.

Распад СССР привел к формированию новой российской конституционной и законодательной системы. Конституция РФ 1993 г. подтвердила и развила принципы Закона РСФСР 1990 г. «О свободе вероисповеданий» и Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. В Конституции провозглашалось, что Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. В Конституции РФ 1993 г. были сформулированы два основных принципа секуляризма: конституционный принцип (светский характер государства) и принцип религиозного плюрализма (отделение государства от религии, равенство их перед законом) и заложены новые принципы церковно-государственных отношений.

Для РПЦ положения Конституции РФ 1993 г. имели неоднозначное понимание. Во-первых, либеральные положения о светском характере государства, принцип религиозного плюрализма и невозможности официального закрепления статуса государственной религии вызывали в кругах РПЦ значительное недовольство. Во-вторых, новые положения Конституции РФ избавили РПЦ от контроля со стороны государства, сделали возможным развитие миссионерского и социального служения, дали широкий толчок церковному возрождению, что и определило дальнейшую церковную политику в отношениях с государством. При невозможности закрепления за РПЦ статуса государственной религии одной из основных задач РПЦ на новом этапе была выработка основных принципов церковно-государственных отношений и общественно-политической идеологии, которая отражала бы общецерковный взгляд на общественно значимые проблемы.

В начале 1990-х гг. происходило идеологическое оформление позиций РПЦ по отношению к власти и сотрудничеству с ней. Церковь, как и новое государство, активно осуждала коммунистическую идеологию и пыталась предложить свое видение национальной идеи и дальнейшего пути развития. Этот процесс для РПЦ был тяжелым, так как внутри церкви появились весьма радикальные и фундаменталистские группы, противостоявшие официальной позиции церкви, и этот процесс также усугублялся возникновением политических партий и общественных движений, использующих христианскую идеологию и символику.

Для обсуждения проблем и путей национального развития РПЦ выступила инициатором создания нового общественного форума — Всемирного Русского Народного Собора в 1993 г., который стал формой публичного поддержания контактов с различными политическими и общественными организациями. Церковь оказалась включенной в прямой институциональный канал сотрудничества с политическими силами, позволяющий ей излагать свои взгляды на пути развития государства и общества.

Наиболее полно высказанные общественно-политические взгляды РПЦ были отражены в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятых на Юбилейном Архиерейском Соборе РПЦ в 2000 г. Они стали первой полной идеологической доктриной РПЦ за более чем тысячелетнюю историю ее развития в России [*Основы* социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000].

В основе разделения компетенций государства и церкви лежит принцип светскости, понимаемый РПЦ не в его либеральной западной трактовке, как вытеснение религии из сферы общественной жизни и отстранения религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач и оценки действий властей, а как невмешательство двух институтов во внутренние дела друг друга. Отсюда выводятся исключительные сферы компетенции государства и церкви. К исключительной сфере первого отнесены противостояние греху насилием, использование мирских властных полномочий и функций, которые предполагают принуждение или ограничение. Государство также не может влиять, вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви (управление, вероучение, литургическую жизнь, духовную практику и т. д.).

РПЦ отразила те области, в которых священнослужители и канонические церковные учреждения не могут оказывать помощь государству и сотрудничать с ним. Этими областями являются: а) политическая борьба, предвыборная агитация, кампании в поддержку тех или иных политических партий, общественных и политических лидеров; б) ведение гражданской войны или агрессивной внешней войны; в) непосредственное участие в разведывательной и любой иной деятельности, требующей в соответствии с государственным законом сохранения тайны даже на исповеди и при докладе церковному священноначалию [Там же. С. 29].

Абстрагируясь от прямого участия в политической сфере, РПЦ рассматривает и характеризует возможности участия мирян в политике, но не высказывает никаких политических предпочтений. Церковь, заявляя, что политические организации мирян не нуждаются в благословении со стороны высшего церковного руководства, тем самым подчеркивает свою формальную непричастность к их деятельности [Там же. С. 41–48]. Церковь гарантирует свою лояльность государству и рассчитывает на его поддержку и «вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место

в формировании исторического, культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию» [Там же. С. 25–26].

В своем отношении к государству церковь полностью принимает его светский характер, очерчивает границы этого повиновения и определяет поле сотрудничества. Вопреки конституционным принципам РПЦ утверждает, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями должно учитывать количество последователей, их место в формировании исторического, культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию. В осуществлении своих социальных, благотворительных, образовательных и других общественно значимых программ РПЦ рассчитывает на помощь государства.

В Основах социальной концепции церковь заявляет о своем участии во всех сферах общественной жизни, и государство не только должно этому не препятствовать, но всячески содействовать этому процессу. В то же время она категорически отвергает участие государства во внутрицерковных делах, тем самым подчеркивая свою независимость и самостоятельность в управлении.

РПЦ утверждает, что государство в соответствии с этой концепцией не может обойтись без церкви, так как ему просто необходима ее помощь в решении не только социальных проблем, но и всего спектра государственной политики. Взамен за плодотворное сотрудничество РПЦ гарантирует государству свою лояльность, но эта лояльность ограниченная. Церковь ее обеспечивает до тех пор, пока интересы обоих институтов совпадают, а государство не начинает ущемлять права церкви и ее последователей.

Г. И. Шаймерден
(г. Костанай, Казахстан)

ИСТОКИ И СМЫСЛ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В КАЗАХСТАНЕ

Рассматриваются вопросы религиозного экстремизма в Казахстане. Анализируются причины и социальная природа религиозного экстремизма.

Ключевые слова: религия, ислам, экстремизм, толерантность, терроризм.

G. I. Shaimerden
(Kostanay, Kazakhstan)

THE ORIGINS AND MEANING OF RELIGIOUS EXTREMISM IN KAZAKHSTAN

This article focuses on the issues of religious extremism in Kazakhstan. The article analyzes the causes and the social nature of religious extremism.

Key words: religion, islam, extremism, tolerance, terrorism.

Религиозная сфера и ее значимость в обществе в Республике Казахстан до сих пор недооценивается. После серии терактов 2011 г., ровно через пять лет, в июне 2016 г., в стране вновь произошли трагические события в Актобе. Государство и общество оказались неподготовленными к тому, что религиозные фанатики и радикалы нанесут очередной удар, ставя под серьезную угрозу национальную безопасность Казахстана. В чем причины этого явления?

Возвращение религии в общество — объективная и необратимая тенденция. На протяжении последних 20 лет мы наблюдаем мусульманский ренессанс в Казахстане. Объяснить этот феномен можно только как реакцию нации на отсутствие массовой идеологии и национальной идеи в обществе. Образовался духовный и идеологический вакуум, который через некоторое время стал заполняться самыми разными, в том числе и радикальными, идеями и установками религиозного характера.

Радикальный ислам, а точнее, его искаженные формы в виде течений деструктивного характера, воплощающиеся в терроризме, — это закономерная реакция традиционного общества и фундаментального ислама на процесс модернизации. Это мусульманский контрмодерн. Последний представляет собой реакцию на западный модерн и сопровождающую его вестернизацию. По мнению С. Хантингтона, это закономерный процесс. Эпоха модерна заканчивается, мир движется к новому порядку мироустройства, основанному на принципах цивилизационности, где ключевую роль будет играть завуалированная или открытая теократия. Наступает эпоха религиозного ренессанса. Поэтому основными тенденциями в эволюции современного и будущего миропорядка будут модерн, контрмодерн и постмодерн [*Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ Т. Велимеева. М., 2007. С. 34]. В условиях глобализации эти процессы становятся актуальными и для Казахстана.

Существуют и другие факторы как объективного, так и субъективного характера. Так, последствием советского атеизма стало состояние религиозной безграмотности нашего общества. Существует опасность неправильного понимания многими членами общества законов духовной жизни. Значительное количество населения колеблется между верой и неверием, особенно в условиях современной социальной реальности, которая не гарантирует индивиду стабильности. Эти слои населения представляют собой благодатную почву для различных миссионеров.

Другая тревожная тенденция — увеличение количества молодых людей (учеников и студентов), посещающих религиозные учреждения, активизация молодежи в деятельности деструктивных течений. Элементарная религиозная безграмотность и инфантилизм современной молодежи, их нежелание приобщаться к религиозным традициям, которые требуют значительной работы над собой, приводят к тому, что молодые люди предпочитают реализовываться в рамках религий со схематическими, упрощенными системами

ценностей [*Жусипов Б. С.* Религиозная безопасность Республики Казахстан. Алматы, 2012. С. 22].

Существует также фактор внешнего воздействия — получение религиозного образования за рубежом, повлекшее за собой отрицание ханафизма. Отсюда рост радикализма и появление салафизма в Казахстане.

По данным Комитета по делам религий Республики Казахстан, количество священнослужителей Духовного управления мусульман Казахстана (далее — ДУМК) в настоящее время насчитывает 2127 человек, из них около 50% не имеют базового теологического образования, они закончили всего лишь 3-месячные курсы [*Омаров А. К.* Религиозная ситуация в Республике Казахстан: прогнозы и тенденции : метод. пособие. Астана, 2011. С. 19].

Рост популярности салафизма на нефтяном западе страны объясняется резким социальным контрастом между немногочисленной группой, имеющей доступ к нефтяным доходам, и огромной массой казахского населения, живущего за чертой бедности. В исламе, как и в любой другой конфессии, имеет место постоянное противостояние реформаторов и фундаменталистов. И те и другие правы, ибо обновление необходимо, но также необходимо сохранить основы, поскольку сила религиозного мировоззрения заключается в ее приверженности традициям и догматам, составляющим фундамент веры [*Косиченко А.* Государство и религия: реалии и перспективы сотрудничества // Актуальные вопросы государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан. Алматы, 2012. С. 37]. В современной науке бытует множество определений фундаментализма. Не вдаваясь в перипетии этих споров, следует согласиться с З. Г. Джалиловым, который утверждает, что фундаментализм можно рассматривать как символически действующий механизм, отражающий социально-экономические и политические изменения в обществе. Суть символа фундаментализма есть религиозная стимуляция, тесно связанная с социальным действием. Сама религия при этом представляет собой не пассивный фон, а активный контекст, который вмешивается в социальное действие и, более того, находит через него свое выражение [*Джалилов З. Г.* Ислам и общество в современном Казахстане. Алматы, 2006. С. 144].

На фоне социального неравенства в современном казахстанском обществе призывы возврата к основам ислама воспринимаются как единственно правильный путь. Следует также учитывать, что ислам является не только самой активной, но и самой социально ориентированной из всех мировых религий. Например, в исламских странах не может быть беспризорных и бездомных детей и бездомных, нищих мусульман. Практика ислама, которая требует от богатых платить налоги на содержание бедствующих членов уммы, воплощает принцип социальной справедливости. Поэтому в Казахстане количество людей, которые так или иначе ориентируют себя на радикальный и даже экстремистский тип ислама, будет расти.

В настоящее время государственная политика в религиозной сфере не всегда адекватно реагирует на новые тенденции, больше применяя репрессивные методы борьбы, а также делая ставку на ужесточение юридической ответственности за проявления экстремизма. По нашему мнению, силовые методы уже не приносят желаемого результата, а ресурсы запретительной политики государства практически исчерпаны. Всякая попытка силового решения проблем экстремизма приводит только к усиливающемуся противодействию.

Официальная структура ДУМК отличается бездействием и слабостью. Она не способна эффективно регулировать жизнь всей мусульманской общины. Официальные религиозные структуры и исламистские организации живут в «параллельных мирах». Все, что происходит в официальном религиозном мире, имеет весьма отдаленное отношение и воздействие на мир исламистов. У них свои структуры, свой мир, свои способы вербовки, воспитания и формирования адептов. Отсутствие мусульманских общественных институтов также стало причиной появления параллельного радикального мира, противодействие которому требует не только силовых мер.

Помимо всего, наблюдается конфликт между религиозной и национальной самоидентификацией. Принцип общности мусульман на основе веры в истории ислама оправдывал консолидацию этнически разрозненных групп населения. Поэтому национализм как идеология, утверждающая в качестве фундамента государственности национальное единство и рассматривающая религиозную общность не как приоритетную, а лишь наряду с общностью языковой, территориальной, экономической, культурной и т. д., кажется несовместимым с исламом.

Ислам и национализм теоретически прямо противоположны друг другу, конечная цель ислама — мировое государство, в котором будут ликвидированы расовые и национальные предрассудки и все человечество образует единую культурную и политическую систему. С точки зрения ислама национализм — групповая солидарность, сравнимая с лояльностью исключительно по отношению к своему племени, и пророк Мухаммед осудил этот принцип: «Тот, кто обращается к асабийя-национализму, не принадлежит к нашей общине». Современные исламские идеологи бросились из одной крайности в другую, от полного отрицания идеи нации они перешли к отождествлению ее с религиозной общностью.

Чем это чревато? На наш взгляд, подменой национальной идентичности, утратой собственных традиций, корней, собственной системы ценностей, своей истории и заменой их сугубо религиозным, в данном случае, исламским содержанием, причем, исторически не присущего казахскому народу, принявшему ислам в ханафитском варианте.

Не подвергая сомнению необходимость проведения силовых мероприятий, мы уверены, что для достижения лучших результатов на данном этапе

развития казахского общества назрела необходимость смены методов борьбы с экстремизмом. Думаем, что новой парадигмой в этом может стать политика замещения общественных ценностей, провоцирующих экстремизм, другими мировоззренческими установками, которые исключают всякое проявление экстремизма в социуме. Социально-идеологический момент заключается в создании общенациональной идеологии, способной сплотить все слои и этнические группы казахского общества. Проблемы социального неравенства следует решать в первую очередь. Иначе социальный протест может стать массовым и, что самое страшное, его могут возглавить религиозные радикалы [*Мамырайымов Т.* Протестный потенциал в Казахстане: риски и прогнозы. URL: http://cabar.asia/ru/protestnyj-potentsial-v-kazahstane-riski-i-prognozy/ (дата обращения: 08.06.2016)].

Проблему религиозного образования необходимо исправлять незамедлительно. Нужно создать свои духовные учебные заведения для подготовки профессиональных священнослужителей и отказаться от практики подготовки кадров мусульманского духовенства за рубежом. Кроме того, важно усилить неправительственный сектор, а именно оказывать всемерную поддержку общественным организациям, которые работают в религиозной среде, с религиозно ориентированными слоями населения.

Таким образом, только комплекс силовых, социально-экономических, идеологических инструментов и методов работы гражданского общества может дать желаемый эффект.

О. К. Шиманская
(г. Нижний Новгород)

ПРОБЛЕМА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ

Рассматривается проблемы этноконфессиональной безопасности в современной России в контексте социального конструктивизма. Анализируется эмпирический количественный материал: результаты социологического опроса студенческой молодежи по критериям этничности, отношению к этноконфессиональной безопасности и толерантности.

Ключевые слова: этнос, конфессия, студенты, ценности, безопасность.

O. K. Shimanskaya
(Nizhny Novgorod)

THE PROBLEM OF ETHNIC AND RELIGIOUS SECURITY IN MODERN RUSSIA: CHALLENGES AND RISKS

The article considers the formulation of the problem of ethno-confessional security in modern Russia in the context of social constructivism. The article analyzes the empirical

quantitative material: results of sociological survey of student youth according to the criteria of ethnicity, attitude towards ethnic and religious tolerance and security.
Key words: ethnos, confession, students, values, security.

Этноконфессиональная безопасность — вопрос этнокультурной и этноконфессиональной идентичности, поставивший проблему целостности и безопасности России. Она рассматривалась ранее в контексте военной угрозы и природных и техногенных катастроф. В настоящее время принято ее расширительное толкование, разработанное в духе теории секьюритизации Копенгагенской школой исследований безопасности (Б. Бузан, О. Вэвер). Через призму теории секьюритизации любой предмет, явление и процесс могут быть рассмотрены в контексте безопасности, когда политика в их отношении переводится в режим чрезвычайных мер [*Культура*. Религия. Толерантность : учеб. пособие / О. Н. Сенюткина [и др.]. Н. Новгород, 2013. С. 209]. Высшая степень политизации и экстраординарных политических действий часто характеризует в мире и России этноконфессиональные проблемы. Секьюритизация формирует представления о рисках и угрозах, т. е. задает контуры опасности, в которых формулируется определение безопасности. Поэтому этноконфессиональная безопасность может описываться через раскрытие угроз национальной безопасности в сфере этнического взаимодействия и межконфессионального диалога, а также через описание задач, выполнение которых будет способствовать укреплению национальной безопасности в этноконфессиональной сфере.

Этническая безопасность рассматривается как отсутствие конфликтов на этнической почве, основанное на признании ценности и свободы этнической самоидентификации личности. Этническая идентификация личности и людских общностей задает их культурную идентичность: язык, историческую память, традиции, принадлежность к определенной религии и родовым верованиям, нормам, обрядам, обычаям и пр. Глобализация не нивелирует этническую идентификацию, а напротив, в ряде регионов мира усиливает ее. Она становится полем политической борьбы, особенно проблемным и долговременным, когда этническая идентификация усиливается утверждением собственного религиозного самоопределения как выражения истинности предельных смыслов бытия человека и народа. Поэтому этническая безопасность связана с религиозной безопасностью, т. е. созданием механизмов защиты от конфликтов в сфере межрелигиозных отношений, неотделимой от соблюдения принципов свободы совести и ее целенаправленной защиты.

Этноконфессиональная безопасность включает в себя этническую и религиозную составляющие. На персональном уровне этноконфессиональная безопасность означает возможность сохранять свою идентичность, а также находится в бесконфликтной среде. На региональном, государственном и надгосударственном уровнях говорится о сохранении и защите коллек-

тивной идентичности и об отсутствии конфликтов в определенном регионе планеты. Этноконфессиональная безопасность — это состояние, благоприятное для развития любой малой и крупной социальной системы. Стратегия национальной безопасности России трактует безопасность в сфере этнического и конфессионального взаимодействия как фактор национальной безопасности [*Стратегия* национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. М., 2010. URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html (дата обращения: 20.04.2016)]. Этноконфессиональная безопасность требует превентивных мер в большей степени, чем ее операциональное разрешение по факту происшедших конфликтов. Понимание этноконфессиональной безопасности как профилактики ненасилия, толерантности и комплиментарности в сфере этноконфессиональных отношений требует социологического мониторинга для понимания ситуации, стратегии ее развития. В 2015 г. было проведено социологическое исследование среди студентов по анализу уровня конфликтности и степени толерантности в этноконфессиональных отношениях в Нижегородской области. Ставилась задача выявления влияния на этноконфессиональное состояние моноэтнической русской области интенсифицировавшихся миграционных процессов.

Приведем примеры выборки. Массив опроса составил 1127 студентов. Ответ на вопрос: «Ощущаете ли Вы свою принадлежность к какому-либо этносу?» показал наличие четкой этнической идентификации. Утвердительный ответ дали 43,9% респондентов; иногда ощущают свою этническую принадлежность — 34,1; не чувствуют потребности в этнической идентификации — 19,3; идентифицируют себя как представители сразу двух этносов — 2,4% опрошенных. Этничность — значимый фактор самоидентификации студентов.

При собственной определенности в этнической идентификации на вопрос: «Влияет ли национальность Ваших друзей (знакомых) на Ваши отношения?» ответы были получены следующие: «Это не главное» — 46,1%; «Не обращаю внимания» — 36,6; «Все зависит от того, к какой нации они относятся» — 10,4; «Является определяющей» — 3,0% респондентов. Цифры подчеркивают степень этнической открытости молодежи региона, доброжелательного отношения к представителям других этносов. Показатель этнической толерантности по Нижегородской области (во многом в силу исторических причин) согласно этому опросу высок и находится на уровне 82,7%, нетерпимость характерна для 3,0%, и для 10,0% этот вопрос является болезненным. Этническая принадлежность определена респондентами как: «Воспринимается как данность, о которой не задумываются» — 36,1%; «Воспринимается как предмет гордости» — 31,6; «Ощущают свою этническую принадлежность только в иноэтничной среде» — 12,7; «Испытывают неудобство от своей этнической принадлежности» — 2,0; «Считают этничность достоянием прошлого» — 5,1; полагают, что «в современном глобальном мире нет места этничности, все люди — граж-

дане мира» — 10,4% от числа опрошенных. Следовательно, несмотря на глобализацию, этничность — важный фактор самосознания и социального самоопределения. Для трети опрошенных этничность — фактор культурного самоопределения. Для другой трети — естественное состояние, что определяется моноэтничностью региона, отсутствием возможности постоянного сравнения с представителями других этносов; 15,5% респондентов отдают предпочтение ценностям глобальной культуры в противовес этнической принадлежности. В то же время для 2% их этническая принадлежность представляется определенной проблемой. Возможно, в этой группе оказались недавние мигранты, плохо знающие русский язык, ощущающие различие традиций.

Понятием «этническая безопасность» респонденты обозначили: «Безопасность общественной жизни, в которой нет межнациональной розни, нетерпимости по национальному признаку» — 42,0%; «Соблюдение принципов федерализма и национально-культурной автономии в многоэтничных государственных образованиях, основанных на региональном билингвизме (двуязычии), равных правах граждан всех национальностей, безопасности общественной жизни, осуждении национальной розни и нетерпимости» — 24,6; «Бережное сохранение языка и культуры малых народов» — 21,6; «Возможность каждого этноса создавать собственное государство и иметь собственных представителей в ООН» — 5,1; «Сильная вертикаль власти, проводящая жесткую политику по предотвращению экстремизма и терроризма» — 4,3% опрошенных. Приверженность принципам правового государства и федерализма характеризует нижегородских студентов.

Показательно и понимание толерантности в студенческой среде. Ответы на вопрос: «Что, по Вашему мнению, может обеспечить этноконфессиональную толерантность?» — распределились следующим образом: толерантность обеспечивается, по убеждению студентов, «Общей историей и деятельностью этносов» — 53,6%; «Призывами к гражданскому миру» — 51,0; «Общественно-просветительской деятельностью сообществ» — 48,4; «Строгим соблюдением властью Конституции РФ» — 34,4; «Четкой работой муниципальных органов власти» — 27,1; «Быстрым реагированием структур МВД и ФСБ» — 24,8; «Сильной вертикалью власти» — 21,8% их. Культурно-исторические и хозяйственные факторы совместной жизни разных народов на протяжении веков, которые необходимо поддерживать и укреплять культурными (в том числе образовательными, научными, просветительскими) практиками — вот что обеспечивает межэтнический и межконфессиональный мир в нашем обществе и способно работать на перспективу, по мнению нижегородских студентов. Оцениваются как важные и роль властных органов, какой ее видят студенты, развитие правосознания и соблюдение законодательства, четкая работа местных органов власти, ибо все этнические и конфессиональные конфликты зарождаются на местном уровне. Несмотря на

настороженное отношение к толерантности как теоретическому конструкту, студенты понимают необходимость ее воплощения и наличия для этого оснований на разных этапах истории страны.

В. В. Шишкин
(г. Омск)

ПРОПАГАНДА ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируется возможность противодействия религиозному экстремизму в России посредством пропаганды традиций русской православной культуры.

Ключевые слова: культура, Русская Православная Церковь, религиозный экстремизм.

V. V. Shishkin
(Omsk)

PROMOTION OF TRADITIONS OF RUSSIAN ORTHODOX CULTURE AS A FACTOR OF PREVENTING THE DEVELOPMENT OF RELIGIOUS EXTREMISM ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Analyzes the possibility of countering religious extremism in Russia by promoting the traditions of russian orthodox culture.

Key words: culture, Russian orthodox church, religious extremism.

Угроза распространения религиозного экстремизма нависла не только над Россией, но и над всем мировым сообществом. Экстремизм в начале третьего тысячелетия превратился в универсальный и мощный фактор деструктивного воздействия в мировой политике. По сути, угроза экстремизма играет одновременно дестабилизирующую и интегрирующую роль, совершенно на иных условиях реконструируя классическую политическую и правовую реальность, тем самым открывая новую эпоху, все чаще именуемую веком глобального экстремизма.

В таких условиях прежняя правовая политика, базирующаяся на локальных оценках проявления религиозного экстремизма, не отвечает реальной действительности, запросам практики. Локализовать и нейтрализовать экстремистскую деятельность — задача в сфере обеспечения жизнеспособности любой страны, и Россия в данной ситуации не является исключением.

Эффективность правовой политики зависит от доктринальной разработанности понятия «экстремизм», целостности и непротиворечивости законодательного обеспечения борьбы с ним, точного определения стратегических

и тактических направлений и оптимальных механизмов деятельности силовых структур по превенции экстремизма и терроризма.

Формирование основ правовой политики на современном этапе происходит в условиях возрастания общественной опасности экстремистской деятельности, высокого уровня ее организации, коммуникации и согласованности действий экстремистов, определенной неэффективности принимаемых решений, запоздалой управленческой реакции органов исполнительной власти отдельных субъектов Российской Федерации в разрешении политических и экономических проблем, локализации последствий вооруженных конфликтов. Преодоление данных проблем является долгосрочным приоритетом для России, так как в современном мире «...получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма» [*О Стратегии* национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20, ст. 2444].

Государство активно борется с развитием религиозного экстремизма в России, о чем свидетельствует принятие ряда законодательных актов, среди которых стоит отметить принятые федеральные законы от 25 июля 2002 г. № 14-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [*Рос.* газета. 2002. 30 июля], от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [Там же. 2006. 10 марта]. Принят также ряд региональных нормативных актов, направленных на противодействие данному явлению.

В настоящее время в России окончательно не сформировался механизм профилактики религиозного экстремизма. Его элементами являются правовые нормы разрозненных нормативных правовых актов Российской Федерации и ее субъектов, разрозненные мероприятия федеральных и региональных программ, которые не учитывают специфики и общественной опасности именно религиозного экстремизма.

Основу предупреждения развития религиозного экстремизма представляют административно-правовые меры. Базисом административного предупреждения является профилактика как административно-правовая мера. Исследуя данную проблему, мы сталкиваемся с рядом трудностей, обусловленных соотнесением учеными данных понятий. Наиболее полно проблема сопоставления предупреждения и профилактики решается в рамках криминологии. Так, часть исследователей за родовое, более общее понятие принимает предупреждение преступности [*Алексеев С. С.* Теория права. М., 1995. С. 120], другие считают профилактику и предупреждение синонимичными категориями и не разделяют их [*Криминология* / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М., 1998]. В рамках исследования мы придерживаемся

позиции, согласно которой предупреждение является более общим понятием, включающим в себя профилактику.

Профилактика включает воздействие на причины и условия, действующие на стадии формирования мотивов и целей религиозного экстремизма. К общим мерам мы относим профилактику религиозного экстремизма, которая означает предохранение людей, общества, государства от негативных его проявлений. В юридической литературе профилактика трактуется как меры по выявлению, устранению (нейтрализации, блокированию, ограничению сферы действия) причин, условий и других детерминант правонарушений [*Алексеев С. С.* Указ. соч. С. 120]. Полагаем, профилактика религиозного экстремизма должна представлять собой многоуровневую систему государственных и общественных мер, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию его причин.

К мерам, направленным на предупреждение развития религиозного экстремизма, можно отнести все меры реагирования на проявления экстремизма со стороны религиозных объединений. По нашему мнению, необходимо более активно привлекать для решения вопроса религиозной нетерпимости, выраженной в религиозном экстремизме, сами религиозные организации. Эта деятельность может реализовываться как в активной работе среди верующих по разъяснению пагубности деятельности религиозных экстремистов, так и в форме диалога представителей различных религиозных учений, находящихся на территории России.

Каждая религиозная организация, независимо от проповедуемого вероисповедания, должна противодействовать религиозному экстремизму. В этом вопросе мы придерживаемся позиции А. К. Захаровой, которая отмечает, что среди социальных мер профилактики особое внимание должно быть уделено подготовке высокообразованных имамов, богословов, преподавателей, обладающих широким спектром как религиозных, так и светских знаний, что может стать одним из основных средств, препятствующих распространению экстремистских и радикальных идей среди российских мусульман [*Захарова А. К.* Криминологические и уголовно-правовые меры предупреждения терроризма : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 26 с.].

Особо стоит отметить культурно-исторический потенциал мирного сосуществования народов, накопленный Русской Православной Церковью. Руководство церкви и религиозные деятели понимают всю важность толерантного сосуществования религий и активно борются с проявлениями религиозного экстремизма на территории России. Одним из ключевых направлений, реализуемых ими, является продвижение мирного сосуществования православия с другими религиями, распространенными в России.

Примеров противодействия религиозному экстремизму со стороны РПЦ множество. Так, Совместно с Синодальным отделом по взаимоотношениям Церкви и общества, возглавляемым протоиереем Всеволодом Чаплиным, Синодальным миссионерским отделом была проделана большая работа по подготовке концепции культурной миссии среди мигрантов для предотвращения религиозного экстремизма [*И*нтервью «Коммерсанту» председателя Синодального миссионерского отдела митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна. URL: http:// http://www.patriarchia.ru/db/text/3855143.html (дата обращения: 30.05.2016)].

Противодействие религиозному экстремизму со стороны РПЦ не ограничено географическими рамками Российской Федерации. Служители Православной Церкви понимают всю значимость борьбы с ним во всем мире и активно проводят политику противодействия такому явлению во всех регионах, где есть приходы РПЦ. При этом РПЦ уважает религиозные и культурные традиции граждан в странах, в которых ее служители проповедуют. В борьбе с экстремизмом церковь опирается на культурный потенциал развития России. Механизм этого противодействия хорошо описан управляющим делами Православной Церкви Казахстана епископом Каскеленским Геннадием, который отмечает, что одно из основных значений деятельности священнослужителей Русской Православной Церкви «заключается в распространении русской культуры в Казахстане. Церковная традиция самым тесным образом связана с культурной. Церковь питает культуру. Если вы приходите в храм, то можете услышать там произведения Чайковского и Рахманинова. Откройте литературные произведения любого русского классика, и вы удивитесь их укорененности в духовной традиции Святого Православия. Образы пушкинских и тургеневских женщин могли появиться только на православной почве. Убежден, что и Пушкин, и Достоевский, и Пастернак, и Ахматова дают молодым надежную прививку от всякого рода религиозного сектантства и экстремизма» [*Президент* России наградил медалью Пушкина управляющего делами Православной Церкви Казахстана. URL: http://eparchia.patriarchia.ru/db/text/3854993.html (дата обращения: 30.03.2016)].

По нашему мнению, важными и ответственными компонентами предупреждения религиозного экстремизма выступают вскрытие причин и условий, порождающих эти феномены, разработка политики государственного противодействия религиозному экстремизму как социально-политическому явлению, координация и согласованность усилий государственных органов и религиозных объединений. Примерами реализации этих компонентов является политика по противодействию религиозному экстремизму, проводимая РПЦ.

М. В. Штергер
(г. Омск)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ВЛАСТИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Освещен опыт взаимодействия муниципальных органов власти с религиозными объединениями на примере деятельности Администрации города Омска. Автором приводятся конкретные примеры конструктивного взаимодействия, которые могут быть применены в практической работе.

Ключевые слова: взаимодействие, муниципальные органы власти, религиозные объединения, диалог, традиционные ценности.

M. V. Shterger
(Omsk)

THE INTERACTION BETWEEN THE RELIGIOUS ASSOCIATIONS AND AUTHORITIES: FROM WORK EXPERIENCE

The article covers the experience of interaction between the municipal authorities and religious associations using the activities of Omsk administration as an example. The author gives specific examples of constructive interaction (cooperation) that can be used in practical work.

Key words: interaction, municipal authorities, religious associations, dialog, traditional values.

Администрация города Омска активно взаимодействует с различными некоммерческими организациями. Особо стоит отметить опыт сотрудничества с религиозными объединениями. Это участие в совещательных органах, в мероприятиях и проектах, направленных на популяризацию традиционных ценностей, профилактику экстремизма.

С 2005 г. действует Координационный общественный Совет при мэре города Омска. Со дня основания в состав указанного Совета входят представители религиозных объединений традиционных конфессий (православие, ислам, иудаизм, лютеранство). Работа Совета позволяет в форме прямого диалога обсуждать вопросы развития города, дает возможность Администрации города доносить до общественности планы и результаты своей работы, а омичам участвовать в решении общегородских вопросов, реализовать свои гражданские права и свободы.

Наряду со ставшей уже традиционной площадкой Координационного совета в октябре 2015 г. в Омской областной научной библиотеке им. А. С. Пушкина была организована межконфессиональная диалоговая площадка «Религиозная жизнь современного человека» в рамках II Всероссийской молодежной научно-практической конференции «Актуальная теология». В ее работе приняли участие представители 10 религиозных организаций, члены Экс-

пертного совета по делам национальностей и религии при Администрации города Омска, сотрудники центра по противодействию экстремизму УМВД России по Омской области, студенты омских вузов.

В ходе проведения мероприятия обсуждались вопросы, актуальные как для представителей органов власти, так и для представителей религиозных организаций: значение религии в жизни человека; традиционные духовно-нравственные ценности; современная религиозная ситуация в городе Омске; взаимодействие религиозных организаций с социальными институтами. Эта работа получила положительные отзывы. По словам ее участников, благодаря такой форме общения на «нейтральной территории» удалось наладить контакты для дальнейшего взаимодействия в решении социально значимых вопросов, определить точки соприкосновения и вектор развития социального партнерства религиозных организаций и органов власти.

Одним из примеров социального партнерства и новой формой взаимодействия является прошедший в феврале 2016 г. на базе Омской юридической академии третий форум по профилактике экстремизма среди молодежи «Все свои». В рамках форума работали 9 секций. Представители традиционных конфессий на протяжении трех лет принимают активное участие в этом форуме. Особый интерес у студентов вызывает диалоговая его часть о роли религии в жизни современного человека. Именно здесь у студентов в привычной для них обстановке и в непосредственном общении с представителями церкви есть возможность не просто узнать о традиционной культуре, но и понять ее ценность для жизни каждого, задать интересующие вопросы и получить компетентные ответы.

По итогам работы форума было получено много положительных отзывов от участников. По оценкам экспертов, особое внимание в профилактике проявлений экстремизма должно быть уделено молодежи. И этот форум является одной из продуктивных форм сотрудничества в работе со студенческой молодежью.

Кроме того, Администрация города Омска оказывает информационную поддержку деятельности религиозных объединений. Регулярно размещается информация о значимых событиях, мероприятиях и религиозных праздниках на официальном сайте Администрации города Омска. Это позволяет информировать жителей города о деятельности религиозных объединений, направленной на сохранение традиционных духовных ценностей, духовно-нравственное воспитание. С 2015 г. публикуются материалы проекта «Омск многоконфессиональный». В рамках проекта на сайте публикуются фоторепортажи о значимых событиях религиозной жизни представителей традиционных конфессий. Так, уже размещены фоторепортажи празднования Рождества Христова в лютеранской кирхе и православном храме, Крещения Го-

сподня, иудейского праздника Пурим, празднование Пасхи в католическом приходе, а также освящение колоколов храма Архангела Михаила.

Приведенные примеры взаимодействия муниципальной власти и религиозных объединений являются важной составляющей в деле сохранения и популяризации традиционных ценностей, формирования взаимоуважительных отношений в обществе и поддержании стабильных общественных отношений. Социальное партнерство религиозных и государственных институтов обусловлено как потребностью общества, так и потребностью государства в целях решения социально значимых задач, сохранения единства общества.

В. Б. Яшин
(Омск)

НЕОАРХАИКА В ЭПОХУ ПОСТОМОДЕРНА: РЕЛИГИОЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ШАМАНОВ «ВЕДАРА» (ГОРОД ОМСК)

Освещается деятельность организации шаманов «Ведара», созданной в г. Омске в 2014 г. Отмечается, что это объединение представляет собой типичный пример городского неошаманизма, ориентирующегося на парадигматику New Age. Вместе с тем «Ведара» выделяется тенденцией к гибридизации шаманских практик и мотивов славянского неоязычества.

Ключевые слова: неоархаика, неошаманизм, неоязычество, религиозная организация шаманов «Ведара».

V. B. Yashin
(Omsk)

NEOARCHAEAN IN THE ERA OF POSTMODERNISM: RELIGIOUS ORGANIZATION OF SHAMANS “VEDARA” (OMSK CITY)

The report covers the activities of the shamanic society “Vedara” created in Omsk in 2014. In General, this Association is a typical example of urban neoshamanism geared to paradigmatic New Age. However, “Vedara” highlighted the trend toward hybridization shamanic practices and motives of Slavic neopaganism.

Key words: neoarchaean, neoshamanism, neo-paganism, religious organization of shamans Vedara.

В июне 2016 г. на видеохостинге “You Tube” вышел ролик, информирующий о том, как 28 мая 2016 г. омское сообщество шаманов «Ведара» провело обряд «Весенний Тэйлган» на благополучие г. Омска и омичей [*Шаманский* обряд — Весенний Тэйлган на благополучие г. Омска и омичей (28.05.2016). URL: https://www.youtube.com/watch?v=bdmITjgEcEQ (дата обращения: 21.06.2016)]. «Сибирские шаманы обратились к богам, чтобы спасти Омск»; «Славу и процветание Омску пытаются вернуть шаманскими

обрядами»; «В РФ шаманы провели обряд на развитие индустрии Омска» — таковы некоторые заголовки постов с комментариями по этому поводу, появившихся на различных интернет-ресурсах. Общественный резонанс, вызванный указанной акцией, а также нарастание активности «Ведары» как в социальных сетях, так и в режиме off-line, делают актуальным специальный анализ деятельности данного объединения.

В качестве «местной религиозной организации шаманов» «Ведара» была официально зарегистрирована в июле 2014 г. Дата регистрации служит дополнительным подтверждением того, что, вопреки популярному мнению, согласно которому с середины 2000-х гг. россияне потеряли интерес к новым религиозным движениям в связи со стабилизацией общественно-политической ситуации в стране и возрождением так называемых традиционных конфессий, в современном российском обществе (и в частности, среди жителей Омского региона) уже укоренилась культовая среда, являющаяся «питательным бульоном» для появления новых маргинальных духовных течений и, соответственно, новых (пара-) конфессиональных сообществ. Другое дело, что за последнее десятилетие (не считая единичных и недолговечных исключений) не возникли новые массовые неорелигиозные движения. Та же «Ведара» служит тому примером: открытая группа этого религиозного объединения в социальной сети «ВКонтакте» по состоянию на июнь 2016 г. включала 74 участника [*Открытая* группа Религиозное общество шаманов «Ведара». URL: http://vk.com/club86448171 (дата обращения: 21.06.2016)], а ее публичные акции в Омске собирали порядка двух-трех десятков человек.

В «Ведаре» нет фиксированного состава последователей, нет регулярных собраний и регулярной культовой практики. Это, скорее, сетевое (во многих отношениях виртуальное) сообщество. Фактически «Ведара» представляет собой сочетание аудиторного и клиентурного культа, ориентированного на оказание спиритуальных услуг. Лидер его Елена Викторовна Комова, известна также под псевдонимом Елена Ведара. С 2006 г. ею проводятся тренинги и семинары по нумерологии, рунам, Таро, астрологии, целительству, а также индивидуальные консультации по темам, связанным с деньгами, карьерой, бизнесом, отношениями в семье и т. д. Кроме того, Е. В. Комовой зарегистрированы ООО «Три-эль» и ООО «Свет души», основным видом деятельности которых, согласно уставам, является физкультурно-оздоровительная деятельность.

Е. В. Комова позиционирует себя как единственного в Омске практикующего шамана. Сама она прошла соответствующее обучение и инициацию в бурятской религиозной организации шаманов «Тэнгэри», поддерживает контакты с шаманами из Бурятии, Москвы, Санкт-Петербурга и др. Помимо проведения шаманских обрядов с целительскими целями, а также организации «оккульт-туров» по «местам силы» в Омской области и на Байкале (в ходе которых также совершаются шаманские ритуалы), Елена Ведара время от вре-

мени набирает группы для обучения шаманскому мастерству. При этом в личной беседе Е. В. Комова подчеркивала сугубо индивидуальный характер такого обучения: по ее словам, сначала она определяет, есть ли у потенциального ученика необходимые способности, вызывает родовых духов — своих и клиента, — выясняет, используя магико-мистические техники, были ли среди его предков шаманы, и лишь после этого выбирает программу обучения и вариант посвящения.

Примечательно, что в рекламе участия в шаманских обрядах делается акцент на решении персональных проблем, личном самосовершенствовании и одновременно на практической выгоде: эти обряды якобы привлекают потоки «личной удачи, благополучия, здравия, вдохновения, мудрости, материального успеха и установления контакта с духами — хозяевами местности — для личностного роста и творческого самовыражения» [*Сакральный* тур-тренинг «Шаманская территория». URL: https://new.vk.com/event122271909 (дата обращения: 21.06.2016)].

Время от времени «Ведара» совершает шаманские ритуалы, направленные на общественную пользу. Помимо упомянутого выше Весеннего Тэйлгана на благо омичей, отметим совершение 11 июня 2016 г. в Омске обряда поклонения духу воды Лусууд Хану.

В целом «Ведара» соответствует определению городского шаманизма, предложенному В. И. Харитоновой, А. А. Ожигановой и Н. А. Купряшиной: «В российской ситуации… городских шаманов из общего круга интересующихся необычными экзотическими практиками выделяют:

1) установка на шаманские практики Сибири и Севера;

2) наличие контактов — вплоть до посвящений — с аборигенами-неошаманами;

3) использование шаманского бубна как основного инструмента.

Городские шаманы — это жители крупных городов, расположенных на территориях, не связанных с традиционными шаманскими верованиями. Изначально у них отсутствуют те признаки, которые обычно рассматриваются как ключевые: наличие шаманов в роду, наличие этнических и культурных связей с шаманскими регионами. Однако эти обстоятельства не явились препятствием на их “пути шамана”» [*Харитонова В. И., Ожиганова А. А., Купряшина Н. А.* В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2008. Вып. 207. С. 26].

Городской шаманизм органично включен в более сложный и комплексный феномен New Age. Это хорошо иллюстрируется примером «Ведары», которой присущи следующие характерные черты New Age:

— высокая степень толерантности и «всевместимости», стремление к «конечному синтезу» различных духовных учений и практик, которые расце-

ниваются как разные пути, ведущие к одной и той же сакральной цели (например, на Весеннем Тэйлгане 28 мая 2016 г. использовались как традиционные практики бурят-монгольского шаманизма, так и техники южноамериканских шаманов);

— сочетание фрагментов архаического мифоритуального комплекса и сциентизированных ментальных конструктов («тонкие энергии», «открытие портала» и т. п.);

— комбинирование элементов традиционного шаманизма с широким кругом заимствований из различных оккультных и магико-мистических систем (астрология, нумерология и др.);

— акцент на личном духовном опыте и личностном росте.

«Ведара» может быть охарактеризована как типичный (даже, скорее, серийный) продукт, сформированный на основе матрицы New Age. Но обращает на себя внимание один нестандартный аспект «Ведары»: сочетание фрагментов аутентичного бурят-монгольского шаманизма с элементами славянского неоязычества. Об этом свидетельствует уже название анализируемого сообщества: согласно определению, размещенному на неоязыческом «Славянском ведическом портале», Ведара представляет собой «религиозный славянский символ жрецов-хранителей нашей древней веры дальних предков, хранящих для потомков сияющую и светлую, древнюю мудрость. Человек, носящий символ «Ведара», является истинным хранителем божественных знаний. Символ «Ведара» содержит в себе такие элементы, как дар, вера, счастье и радость. Этот символ покровительствует ведической культуре» [*Символ* Ведара. URL: http://putisvaroga.ru/symbols/simvol-vedara (дата обращения: 21.06.2016)]. В постах открытой группы «Религиозное общество шаманов “Ведара”» в социальной сети «ВКонтакте» записи, посвященные традициям бурят-монгольского шаманизма, представлены в смешении с материалами о верованиях и культах древних славян, о древнеславянском сакральном календаре и т. п. Между тем для русских неоязычников Сибири живое автохтонное язычество — обско-угорское, самоедское, алтайское и т. д. — практически не востребовано. В этом отношении «Ведара» — весьма редкое, хотя не единственное исключение. Так, в Красноярском крае с 2009 г. действует община родноверов «Родуница», возглавляемая «жрецом славянской языческой традиции» Лютославом (А. Косович), который одновременно под именем Ах Пуур Дээр Хам является лидером Межрегионального братства шаманов и колдунов «Пуур Ээрен» («Дух Волка»), ориентирующегося на шаманскую архаику Хакасии и Тувы.

В заключение отметим, что омское религиозное объединение шаманов «Ведара» представляет собой одно из многочисленных проявлений запроса на архаику, актуализировавшегося на рубеже XX–XXI вв. Как и New Age в целом, деятельность «Ведары» строится на попытках взаимной адаптации архаической традиции и реалий современного мира.

РАЗДЕЛ III. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

С. Д. Бакулина, Н. В. Проданик
(г. Омск)

ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ: ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ К ПРЕПОДАВАНИЮ МОДУЛЬНОГО ШКОЛЬНОГО КУРСА

Рассматривается определение научно-методического базиса, который должен стать основой подготовки педагогических кадров для модульного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Намечая подступы к решению данной проблемы, авторы описывают культурологический подход и диалогические стратегии как основополагающие методические принципы в преподавании нового школьного предмета. Особый акцент делается на изучении дисциплины во взаимосвязи с этнической и конфессиональной спецификой региона.

Ключевые слова: религиозная культура, культурологические аспекты, профессиональные компетенции, регионализм.

S. D. Bakulina, N. V. Prodanik
(Omsk)

FUNDAMENTALS OF RELIGIOUS CULTURES AND SECULAR ETHICS: THE TRAINING OF TEACHERS TO TEACH THE MODULAR SCHOOL COURSE

The article is devoted to the definition of methodological and scientific basis of the principles that should be sought in the preparation of teachers for modular course “Fundamentals of religious cultures and secular ethics”. In outlining the approaches to solving this problem, the authors examine the cultural publication approach and dialogical strategies as a fundamental methodological principles in teaching the new school subject. Particular emphasis is placed on the study of the subject in relation to ethnic and confessional specifics of the region.

Key words: the religious culture, cultural aspects, the professional competence, the regional identity.

В заглавие публикации вынесена проблема, которая стала насущной при введении модульного курса «Основы религиозных культур и светской эти-

ки» (далее — ОРКСЭ) в расписание современных школ и гимназий. Как готовить учителей, кто должен вести этот предмет, каковы основные научно-методические проблемы? Мы не ставили своей целью только обозначить вопросы и проблемы, напротив, в статье предлагается опыт, уже наработанный кафедрой литературы и культурологии Омского педагогического университета. Сегодня в ОмГПУ сложилась система подготовки кадров, позволяющая качественно готовить выпускника к преподаванию многих дисциплин культурологического цикла, в том числе и ОРКСЭ.

Напомним, модульное построение нового учебного курса, предложенного школам, реализует право родителей и обучающихся на свободный выбор, отражает особенность России как полиэтнической и поликонфессиональной страны с богатыми и разнообразными духовными традициями. Статистика свидетельствует, что сегодня все больше школ в России из комплекса направлений ОРКСЭ выбирает светскую этику или синтетический модуль «Основы мировых религиозных культур», осознавая невозможность углубленного преподавания лишь одной из мировых религиозных культур в поликонфессиональных классах сибирских школ. На наш взгляд, обратиться к семиотически многообразному языку сразу нескольких конфессий может лишь специалист с культурологическим образованием, осознающий природу разворачивающегося в мировой культуре диалога религиозных идей. Диалоговые методики, безусловно, должны быть востребованы на уроках ОРКСЭ, но пока новая школьная дисциплина создается как площадка демонстрации и трансляции детям ценностной парадигмы той или иной конфессии, как пространство разговора о религиозных идеалах, прививаемых будущим поколениям. Казалось бы, в этом нет ничего порочного, тем более что планируется модульный курс как поликонфессиональный. Однако реализовать подход к преподаванию ОРКСЭ, где равноценными оказываются все мировые религии, в полной мере способен профессионально подготовленный учитель, получивший культурологическое образование и осознающий их *культурную уникальность*.

Культуролог стремится понять, как меняются представления людей, как трансформируются картины мира с ходом истории. В связи с этим *культурологический подход* подразумевает чтение и понимание языка искусства: живописи, литературы, архитектуры, музыки. Принципами отбора произведений, попадающих в поле зрения для анализа, служат смысловое богатство текстов, оригинальность авторской концепции, выявляющей специфику культурной эпохи. На занятиях культурологического цикла в ходе проблемного диалога ученик открывает замысел автора, а привлекая историко-культурный контекст, раскрывает «шифры» религиозных произведений искусства.

Еще одна важная задача модульного курса — его *региональная составляющая*. Выходящие в столичных издательствах учебники намечают региональный аспект, а реконструировать его и адаптировать для обучающихся

4–5 классов приходится каждому педагогу на месте. О необходимости поиска и наполнения учебного материала региональным содержанием свидетельствуют, например, данные опроса официального сайта дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики». Согласно полученным данным, большой интерес респондентов вызывает потребность в разработке *учебных комплексов, связанных с местом жительства обучающихся* (15%), при этом 37% из числа опрошенных нуждаются в дополнительном методическом руководстве [*Основы* религиозных культур и светской этики. URL: http://orkce.org/sites/default/files/poruchenie-medvedeva.pdf (дата обращения: 29.11.2015)]. В связи с этим уроки ОРКСЭ могут стать уникальным пространством диалога культур, позволяющим ученику и учителю открывать поликонфессиональное богатство современного мира и не забывать о региональной специфике. Региональный акцент при подготовке культурологов сделан в содержании таких дисциплина, как «Методика обучения и воспитания в области культурологического образования», «Актуальные проблемы этнокультурного образования», «ОРКСЭ как предмет культурологического цикла», «Теория и практика межкультурных коммуникаций». В содержании этих вузовских дисциплин подчеркивается, что важным фактором, определяющим *своеобразие территории*, являются этнокультурные особенности народов в сочетании с религиозными представлениями. Процесс последовательного присоединения Сибири к России привел к знакомству пришлых людей с территорией, населенной разноплеменными жителями, что позволило не только утвердиться новым этнокультурным группам на сибирских землях, но и поддержать самобытное наполнение, породившее со временем синкретичные способы религиозного самовыражения. С момента активного освоения сибирского пространства в южных регионах, как приграничных, в качестве доминирующих монотеистических религий утверждаются ислам и христианство, которые во взаимодействии с языческими верованиями коренных народов создают *синкретичные формы монотеизма.*

Актуальным механизмом поддержания межконфессионального диалога является внимание к истории взаимовлияния, породившего варианты религиозного синкретизма — особых форм народной религиозности в локальных культурных комплексах Сибири. Поэтому современное построение стратегических программ развития, трансляция ценностей региональной культуры с учетом истории регионов способны определить поле для межкультурного полилога. Научно-методическим ориентиром для педагогов могут стать учебные пособия, посвященные методике преподавания ОРКСЭ. В их числе работа «Основы религиозных культур и светской этики: методические принципы и региональный подход в преподавании учебного курса», адресованная бакалаврам и магистрантам, обучающимся по направлениям «Педагогическое образование», «Народная художественная культура», а также педагогам, об-

ласть учебных, научных и профессиональных интересов которых связана с вопросами культурологического и этноконфессионального образования [*Бакулина С. Д., Проданик Н. В.* Основы религиозных культур и светской этики: методические принципы и региональный подход в преподавании учебного курса : учеб. пособие. Омск, 2016. 94 с.].

Н. В. Воробьева
(г. Омск)

СВЯТОЙ ИОАНН ЗЛАТОУСТ КАК ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ ПАТРИАРХА НИКОНА

Рассматриваются аспекты самоотождествления Святейшего Патриарха Никона со Святителем Иоанном Златоустом: историографический аспект, обстоятельства низложения с патриаршего престола на основе «Возражения или Разорения».

Ключевые слова: патриарх Никон, святой Иоанн Златоуст, церковь.

N. V. Vorobyova
(Omsk)

ST JOHN CHRYSOSTOM AS IDENTIFICATION MODEL FOR PATRIARCH NIKON

This article discusses aspects of the self-identification of His Holiness Patriarch Nikon with St John Chrysostom: historiographical aspect, the circumstances of deposition from the patriarchal throne based on the text cited in the “A Refutation or Demolishment by the Most Humble Nikon, Patriarch by the Grace of God, of the Questions Which the Boyar Simeon Streshnev Addressed to Paisius Ligarid, Metropolitan of Gaza, and Paisius's Answers”.

Key words: patriarch Nikon, John Chrysostom, church.

В отечественной историографии закрепилась точка зрения С. М. Соловьева о том, что уход Святейшего Никона с патриаршего престола 10 июля 1658 г. был протестом против лишения его прежнего значения в государстве и средством давления на царя для удовлетворения честолюбия и гордости [*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Патриарх Никон: трагедия русского раскола. М., 2006. С. 11–95, 97–108, 115–163].

Впервые альтернативная трактовка событий 10 июля 1658 г. была высказана в работе «Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона с престола» П. Ф. Николаевского, который подверг сомнению правильность свидетельских показаний, на которых было основано обвинение Никона в уходе с отречением от патриаршества и клятвой не возвращаться на престол [*Николаевский П. Ф.* Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона с престола. СПб., 1883. С. 12]. Эта точка зрения была поддержана А. Стенли [*Stanley A. P.* Lectures on the History of the Eastern Church. 2d ed. Oxford, 1872.

Р. 450] и развита М. В. Зызыкиным [*Зызыкин М. В*. 1. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи : в 3 ч. Репринт. изд. 1931–1938 гг. М., 1995. Т. 1. С. 9–18, 154–159, 280, 283, 297, 306] и М. Ю. Люстровым [*Люстров М. Ю.* Уход патриарха Никона как подражание образцам (к вопросу о самосознании московского патриарха) // Герменевтика древнерусской литературы : сб. ст. № 10). М., 1989], которые видели в уходе патриарха Никона с престола не гордость, а редкий дух исповедничества. М. Ю. Люстров доказал, что уход патриарха Никона был подражанием не только евангельскому образцу, но и Иоанну Златоусту.

В результате вмешательства светского правительства в церковные дела, интриг со стороны части бояр и духовенства, имевших влияние на царя и враждебно настроенных к патриарху Никону, произошло охлаждение отношений между царем и патриархом. Никон в качестве безмолвного протеста был вынужден оставить кафедру 10 июля 1658 г.: не отказавшись от предстоятельства Русской Православной Церкви, он удалился на шесть лет в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, который (наряду с Крестным и Иверским монастырями) сам основал в 1656 г. и имел в своей личной собственности.

Основным источником информации о событиях в Успенском соборе являются свидетельские показания присутствовавших на службе Крутицкого митрополита Питирима, архиепископа Иоасафа, игумена Иосифа, протопопа Успенского собора Михаила, причетника Гавриила и дьяка Ивана Щепотки. После литургии патриарх Никон читал 29-ю беседу Иоанна Златоуста и нравоучение «Какову достоит быти учителю», как пишет биограф патриарха И. К. Шушерин [*Шушерин И.* Житие святейшаго патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком. СПб., 1784. С. 182]. Заявив после службы в Успенском соборе 10 июля 1658 г. фразу, вошедшую в сказки духовных и мирских лиц, предъявленных на Соборе 1660 г., об оставлении патриархом Никоном святительского престола: «Бью-де челом великому государю, чтоб государь пожаловал мне житии в пустыни у Воскресенского монастыря… Патриархом быть не хочу, иду в пустыню» [*Гиббенет Н. А*. Историческое исследование дела патриарха Никона : в 2 ч. СПб., 1884. Ч. 2. С. 316].

В показаниях подьяка Федора Трофимова: «Егда патриарх Никон оставил патриаршество, тогда в учении говорил так: я сам окоростовел и вас от короста не избшил, волну имал, а о овцах не радел… отселе вам несть патриарх…» [Там же. С. 47]. Зафиксированные свидетелем слова патриарха напоминают библейскую цитату (Иез. 34, 2–4) из указанного нравоучения Иоанна Златоуста. В сказке митрополита Питирима зафиксировано следующее высказывание: «...ленив я был учит вас; не стало меня на это; от лени я окоростовел, и вы, видя мое к вам неучение, окоростовели… От сего времени не буду вам патриархом» [*Дело* о патриархе Никоне. М., 1897. С. 45].

Таким образом, проповедь патриарха Никона воспринималась свидетелями и как собственная речь-отречение, и как части текста святого Иоанна Златоуста. Причетник Гаврилка: «...как святейший патриарх Никон служил божественную литургию и поучал народное христианство во апостольских… толком ***Иоанна Златоуста*** во нравоучениях; и како пришел до строки "кормило згнило и корабль опровержеся", и во всю великую церковь молвил: к тому не буду патриархом вам...» [Там же]. Другой свидетель, подьячий Петр Федоров, не присутствовал при произнесении всей речи патриарха. Однако услышанное им практически дословно повторяет показания причетника: «...а что слышал на исходе поучения от патриарха: взял-де на себя корабль великий, правил… не возмог, у корабля кормило згнило и корабль опровержеся». Из этих свидетельств следует, что указанная метафора появляется из нравоучения и читалась патриархом Никоном.

Ошибки свидетелей сам патриарх Никон объясняет их злым умыслом, желанием оклеветать невиновного. Так, в послании к газскому митрополиту Паисию 1662 г. Никон пишет: «Сам ли ты был и слышал наше отрекание или инии тебе сказывали, аще сам ты тут не был, почто нудишися не своих си ведети? Аз же тебе возвещу и всем слышащим, яко не просто засвидетельствовах во Святеи Божии Церкви о отшествии своем пред Богом и святыми его аггелы, якоже и на избрании нашего патриаршества, не в слове ласкания приях ом или любовию столп патриаршескии, но со многим прошением царского величества и всего священнаго собора… И елико он, великии государь царь, поелико возможно пребывал в своем обещании, повинуяся Святей Церкви, и мы терпели, егда же он, *великии государь изменился от своего обещания и на нас гнев положил неправедно*, якоже весть Господь, и мы, помня свое обещание о хранении заповедей Божиих, како обещалися на избрании поставления патриаршескаго с подписанием, и июля в 10 день вшед во святую великую церковь на память пренесения во царствующии град Москву святыя и многоцелебныя ризы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, претерпевшаго нас ради поношение и поругание, оплевание, заушение, одеяние хламидою, осуждение неправедное, распятие и крест и смерть, и совершив святую Божественную литоргию и засвидетелствовав пред Богом и Господем нашим Иисусом Христом и пред Святою Богородицею и всеми святыми аггелы и всеми святыми и всеми святыми священными вещми о напрасном государеве гневе. И поминая заповедь Божию, глаголющую: егда убо гонят вас во граде сем, глаголю вам, не имате скончати грады израилевы, дондеже сын человеческии приидет. И егда изшед из града, поминая заповедь Господню, глаголющую: и иже аще не приимет вас, ниже послушает словес ваших, исходяще из дому или из града того, отрясите прах ног ваших. И прочее. И сотворив по заповеди Господни, отрясши прах ног наших, и пребываю, водворяясь в пустыни» [*Российский* государственный архив древних актов. Ф. 27. Оп. 1.

Д. 20. Ч. 7, Д. 22, 23, 26, 68, 69, 75, 134, 140. Ч. 1–9, Д. 140а, 140б, 530, 531; Ф. 153. Оп. 1. Д. 15–20, 22–45. Л. 31–33].

Таким образом, патриарх Никон шел по пути византийских ревнителей канонов. Он требовал, чтобы православное государство признавало права Церкви, которые вытекают из ее природы. Формы национального русского благочестия как критерий истинности были им отвергнуты. Он восстановил забытую святоотеческую традицию независимости церкви от государства. Все изменения патриарха Никона — не придуманная комбинация реформ, а воплощение традиции святых Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита. Церковь как учреждение, не стоящее юридически и канонически выше или ниже его, взаимодействует с ним на принципах симфонии и теории патриарха Никона, основанной на святых отцах Церкви.

С. Ф. Денисов, Л. В. Денисова
(г. Омск)

РЕЛИГИЯ В ВЕЛИКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ АНТИУТОПИИ

Анализируются характерные признаки светской религии, подвергаемой критике создателями классических антиутопий. Делается вывод о наличии компонентов, присущих мировым религиям, в строении светской религии и ее антигуманной сущности.

Ключевые слова: религия, антиутопия, Е. Замятин, О. Хаксли, Дж. Оруэлл.

S. F. Denisov, L. V. Denisova
(Omsk)

RELIGION IN GREAT CLASSIC DYSTOPIA

The article analyzed the characteristics of a secular religion, criticized the creators of a classic dystopia. It is concluded that there are components that are inherent in world religions, in the structure of secular religion and its inhumane nature.

Key words: religion, dystopia, Y. Zamyatin, O. Huxley, G. Orwell.

Антиутопия в узком смысле слова представляет собой произведение искусства (музыки, художественной литературы, изобразительного искусства, кинематографа), в котором как антитеза утопии представлен опасный для человека и общества образ будущего. В широком смысле слова под антиутопией можно понимать любые дискурсы, в которых разворачиваются негативные для человека сценарии будущего через критическое осмысление утопии. Если в утопии представлены спасительные пути достижения совершенного бытия, то в антиутопии демонстрируется общество, на самом деле являющееся не просто несовершенным, но опасным.

Поскольку в культуре представлены многочисленные антиутопии, то встает проблема их классификации. Как представляется, наиболее эвристич-

ным является деление антиутопий по признаку критики в них соответствующих типов утопий. В этом плане можно вести речь о классической антиутопии, которая направлена против механистических утопий; неклассической антиутопии, представляющей собой критику кибернетических утопий, и постнеклассическую антиутопию. Классическая антиутопия представлена великой классической антиутопией [*Воробьева А. Н.* Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. С. 194], а наиболее яркие ее примеры — романы Е. Замятина «Мы», Дж. Оруэлла «1984» и О. Хаксли «О дивный новый мир».

Великая классическая антиутопия направлена против утопий, опирающихся на идеи механистического сциентизма и усматривающих спасение в этом мировоззрении. С позиции классической антиутопии механицизм является не спасительной, а губительной силой. Отсюда одной из задач, которые ставили для себя авторы великой классической антиутопии, выступала демонстрация механицизма как формы религии, которая декларирует себя религией спасения, но на самом деле была религией гибели.

Губительная религия в антиутопии представляла собой не искажение классических религий спасения (христианства и ислама), а вид светской религии, которая широко распространяется в век массового индустриального производства. «На его необъятном рынке рождается массовая культура и массовые формы потребления. Один за другим на подмостках общества появляются коллективный служащий, коллективный интеллектуал, коллективный потребитель: стандартизованными становятся мысли и чувства. Все эти “циклотроны”, эти социальные ускорители низводят индивидов до уровня все уменьшающихся частиц» [*Московичи С.* Век толп. URL: http://www.razlib.ru/psihologija/vek_tolp/index.php (дата обращения: 22.06.2016)]. И становится человек «элементарной частицей», который думает только о сексе [*Уэльбек М.* Элементарные частицы. М., 2006. 527 с.]. «Для человека экономического, который холит и лелеет свои базовые потребности… потребление, удовольствие — его религия, и секс в этом контексте становится вещью едва ли не сакральной» [*Андреев А. Н.* Девять. Утопический роман об антиутопии. Москва–Берлин, 2014. С. 344]. Главной целью жизни человека должно стать потребление. Светская религия в великой классической антиутопии имеет все атрибуты классических религий спасения.

В механистическом обществе появляется священный текст, своя библия. В романе Е. Замятина «Мы» таким «священным писанием» оказывается «Часовая Скрижаль», которая «каждого из нас наяву превращает в стального шестиколесного героя великой поэмы. Каждое утро, с шестиколесной точностью, в один и тот же час, в одну и ту же минуту, — мы, миллионы, встаем как один. В один и тот же час, единомиллионны, начинаем работу — единомиллионно кончаем. И сливаясь в единое, миллионное тело, в одну и ту же, на-

значенную Скрижалью, секунду, — мы подносим ложки ко рту, — и в одну и ту же секунду выходим на прогулку и идем в аудиториум, в зал Тэйлоровских экзерсисов, отходим ко сну» [*Замятин Е.* Мы // Избранное. М., 1989. С. 14].

В религии механистического общества происходит сакрализация личностей, которые в глазах их почитателей приобретают статус богов. В романе Е. Замятина таким богом выступает Ф. Тэйлор. В романе О. Хаксли — Г. Форд: «дату выпуска первой модели Т Господом нашим Фордом… избрали начальной датой Новой Эры» [*Хаксли О.* О дивный новый мир. Москва–Владимир, 2010. С. 63]. В языке появляются выражения: «При Господе нашем Форде», «ей-форду» — аналог принятого в современном разговорном русском языке выражения «ей-богу», «Это форд знает что…» и т. п. Как восторженно восклицает один из главноуправителей: «Теперь у нас Мировое государство. И мы ежегодно празднуем День Форда, мы устраиваем вечера песнопения и сходки единения» [Там же. С. 64].

Для светской религии характерны храмы — места, в которых осуществляется богослужение. В эпоху Форда раз в две недели проходят мероприятия по единению в громадном дворце. «В нижнем этаже дворца — громадный актовый зал для празднования Дня Форда и других массовых фордослужений. А над залом — по сотне на этаже — семь тысяч помещений, где группы единения проводят дважды в месяц свои сходки» [Там же. С. 91].

Совершенное общество — это общество, которое функционирует как единый механизм, как машина. Машиной должен кто-нибудь управлять, поэтому раз в год избирается главный «машинист» — Благодетель, который строго следит за порядком. Подобно Папе Римскому следит за своей паствой Мустафа Монд, постоянный Главноуправитель Западной Европы. Как в любой религии, существуют идеалы и нормы, на которые человек обязан ориентироваться. Отклонение от таких норм рассматривается как грех, иногда — грех смертный, и человек за такого рода грехи несет наказание. Партия в романе Дж. Оруэлла «1984» является новой светской церковью, при этом к члену Партии предъявляются очень строгие требования — член Партии не должен совершать грехов. «У члена Партии должны быть не только правильное мнение, но и правильные инстинкты» [*Оруэлл Дж.* 1984 : роман. Пермь, 1992. С. 155]. «Члену Партии не положено иметь личных чувств, он всегда должен быть готов выражать энтузиазм. Он должен всегда захлебываться от ненависти к внешним врагам и внутренним предателям, ликовать по поводу одержанных побед и преклоняться перед могуществом и мудростью Партии» [Там же. С. 156].

Таким образом, светские религии строятся в великой классической антиутопии по аналогии с религиями спасения. Однако сам текст великой антиутопии развенчивает спасительное предназначение светской религии, утверждая убежденность в том, что на самом деле светские религии оказываются религиями, имеющими губительную природу, и антигуманны по своей сути.

С. В. Ефимова
(г. Омск)

ЮРОДИВЫЕ — ОТРАЖЕНИЕ ИДЕАЛА ХРИСТИАНИНА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Периодически появляющийся интерес к юродивым, их позиционирование как спасителей душ и отечества ставит вопросы о том, меняется ли образ юродивого и как изменяется его восприятие верующими, какую роль видит в юродивых РПЦ. Автор предлагает рассматривать юродивых как носителей духовно-нравственного идеала, выполняющих серьезную воспитательную функцию в рамках православия.

Ключевые слова: юродивый Христа ради, канонизация, мистика, катарсис, ругание миру.

S. V. Efimova
(Omsk)

FOOLISHNESS AS A REFLECTION OF THE IDEAL OF CHRISTIAN RUSSIAN CULTURE

Interest in the personality of the Holy fool appears periodically, their position as saviors of the Fatherland and shower. In this situation, is the question of whether changing the image of the Holy fool, the role sees the fools of the Russian Orthodox Church. The author proposes to consider fools as bearers of spiritual and moral perfection, performing a serious educational function within Orthodoxy.

Key words: fool for Christ's sake, canonization, mystery, catharsis, swearing world.

Юродивые, согласно исследователю А. М. Панченко, стоят самыми последними в списках святых, что обусловило и особый характер их канонизации [*Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко И. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 73]. При этом на определенном историческом этапе их роль в жизни русского общества весьма значительна.

Отмечаемое с середины XVI в. усиление светских тенденций в обществе и понижение духовной (церковной) жизни сказалось на юродстве весьма ощутимо. В XVII в. юродивые встречаются реже. Власть, как государственная, так и церковная, начинает подозрительно относиться к блаженным. Некритичность в отношении к юродивым предшествующего периода уступает место сомнению, и власть замечает присутствие среди них лжеюродивых, натурально безумных или обманщиков. Синод вообще перестает канонизовать юродивых, начинается процесс вырождения юродства. Но традиция почитания юродивых сохраняется и в более позднее время, с учетом духовно-аскетического подвига церковь канонизирует юродивых (например, Ксения Петербургская).

На наш взгляд, возвращение к канонизации могло быть свидетельством как отпадения некоторых характеристик от подвига юродивого (в частности,

«ругание» правителей), так и усиления тенденций возрождения союза государства и РПЦ, что связано с периодом правления Николая II.

Отделение церкви от государства, их противостояние начиная с 1917 г. и до изменения государственно-церковных отношений перестроечного периода привело к тому, что насущной необходимостью для церкви являлась канонизация лиц за мученичество и подвиг во имя веры. Уже в 80–90-е гг. XX в. вновь появляются канонизированные Христа ради юродивые: блж. Паисий (Яроцкий) Киево-Печерский, блж. Феофил (Горенковский) Китаевский, Киевский, блж. Матрона Белякова Анемнясевская Касимовская, Прав. Матрона Никонова, Даниловская Московская [URL: http://azbyka.ru/kanonizaciya-svyatyx-v-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi#5_kanonizatsija_svjatykh_v_1894_1917_gg (дата обращения: 21.04.2016)]. Эти канонизации указывают на смещение акцентов в рассмотрении образа юродивого Христа ради в культуре светского государства. Мистические пророчества и обращение к правителям перестают быть основополагающими образа юродивого, все более они ориентируют верующих на соблюдение христианских нравственных правил, будь-то правитель или простой смертный, ради сохранения христианской души.

И. А. Ильин пишет о том, что человеческая душа «должна пережить некий аффект, потрясающий бессознательное, нарушающий его привычный, но духовно неверный уклад и заставляющий его обновить свою интенцию, переоценить свои жизненные содержания и перестроить или по крайней мере исправить свой акт. Необходимо некое, достаточно глубокое “ранение чувствилища”, которое “вытолкнуло” бы душу из “наезженных” ею “рельс”» [*Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта. Исследование : в 2 т. М., 1993. С. 253], и только тогда произойдет освобождение от неправедности. Рассудочный путь не годится. Катарсис, рассматриваемый И. А. Ильиным, и есть то откровение, после которого существовать как прежде уже невозможно. Образ юродивого как раз направлен на то, чтобы указать, как достигается истинное слияние с христианским пониманием духовного творения.

А. М. Панченко различает в юродстве две стороны — «аскетическое самоуничижение» (пассивная сторона) и «ругание миру» (активная сторона), т. е. обличение пороков мира [*Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко И. В.* Указ. соч. С. 79]. Пассивная сторона связана с умерщвлением плоти, при этом особенностью юродивого является нагота. «Гол да наг перед Богом прав», «С нагольной правдой в люди не кажись» гласит народная мудрость. Юродивые как раз и несли эту «нагольную правду».

В иконографической традиции естественная нагота изображается весьма редко, чаще тело прикрывается посередине, в иконографических образах канонизированных юродивых более позднего времени они могут быть одеты, в то же время некоторые детали указывают на эту наготу: прядь волос, выби-

вающаяся из-под платка у Ксении Петербургской, или босые ноги Матроны Московской.

В православной традиции всегда различалось юродство природное и добровольное. Ссылаясь на «Четьи Минеи» Дмитрия Ростовского, А. М. Панченко поясняет, что юродство — это «самопроизвольное мученичество, является извне», что им «мудре покрывается добродетель своя пред человеки». Следует обратить внимание на то, что юродивые могли как до, так и после подвига юродства обретать монашеский чин. Это указывает на сопоставимость монашеского подвига и юродства. Однако юродство находится на грани культуры и антикультуры по причине того, что, во-первых, «юродство — добровольно принимаемый христианский подвиг из разряда так называемых "сверхзаконных", не предусмотренных иноческими уставами». Во-вторых, активной стороной юродства становится обязанность «ругаться миру», т. е. разрушать те знаковые системы мира, которые провозглашаются церковью и государством, но не реализуются в реальном мире. Авторы «ругания» исходят из того, что существуют два мира: в первом, настоящем господствуют благополучие и упорядоченность знаковой системы, во втором — нищета, голод, пьянство и полная спутанность всех значений. Люди во втором — босы, наги либо одеты в берестяные шлемы и лыковую обувь-лапти, рогоженные одежды, увенчаны соломенными венцами, не имеют общественного устойчивого положения и вообще какой-либо устойчивости, «мятутся меж двор», кабак заменяет им церковь, тюремный двор — монастырь, пьянство — аскетические подвиги и т. д. Все знаки означают нечто противоположное тому, что они значат в «нормальном» мире.

Именно «аскетическое самоуничижение» юродивого дает ему моральное право «ругаться горделивому и суетному миру». Но при этом он не призывает к переменам, он обличает людей, а не обстоятельства. Как отмечает А. М. Панченко, юродство меняет свою роль в зависимости от состояния общества: оно расцветает при Иване Грозном, когда церковь утратила всякую самостоятельность, а затем в эпоху раскола. На наш взгляд, феномен юродства «оживает» в той системе общественных отношений, когда оно раскалывается в ходе изменения ценностных парадигм.

Классическим юродивым считается протестующий одиночка, что было характерно для средневековой культуры, для медленно изменяющегося общества. При более динамичном развитии общественных отношений юродивый, примкнув к консервативному течению, превращается в «человека партии». В России ни один юродивый не принял церковной реформы, они объединились вокруг протопопа Аввакума и его сторонников. Их одиночество не было абсолютным: в хоромах боярыни Морозовой жила маленькая община юродивых. В результате функцию обличения государства и власти взяла на себя оппозиционная старообрядческая «партия».

По мнению О. А. Туминской, возвышение юродства связано с угасанием княжеской святости [*Туминская О. А.* Типология образа «юродивый во Христе» в русском иконописании // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Искусство. Искусствоведение. 2012. № 151. С. 183–188]. Видимо, тогда активизируется такая сторона образа юродивого, как «ругание миру». Подвижничество юродивых — это показатель необходимости сохранения и поддержания духовно-нравственного христианского идеала.

К таким же выводам приходит Н. Н. Ростова, указывая на то, что основные причины юродства лежат внутри личности, а не определяются внешними факторами, именно поэтому юродивому не нужна публика, перед которой он будет играть, даже наедине с самим собой он остается юродивым. Н. Н. Ростова толкует юродивого в терминах богословия (на иконе — «человек обратной перспективы», а его поведение — «умозрение в поступках»), она подчеркивает, что юродство олицетворяет собой соборное начало, поэтому оно немыслимо вне христианской церкви [*Ростова Н. Н.* Человек обратной перспективы: философско-антропологическое исследование феномена юродства Христа ради : дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. С. 11].

Для рассмотрения места юродивого в системе воспитания христианина становится показательной и находка Г. Л. Тульчинского, который различает самозванство и святость. «Святой стыдится любой чести в свой адрес… Святой не знает чести, он сокрыт для нее, сокровенен, бежит ее» [*Тульчинский Г. Л.* Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб., 1996. С. 47–48]. Можно по-разному относиться к этому, но, на наш взгляд, главное в том, что у святого всегда проявляется мистически полученное предназначение. Именно этот водораздел и относит юродивого к святым, он же является критерием определения — настоящий это юродивый или самозванец.

Следовательно, юродивые в системе христианской православной традиции и культуры — персонажи периодически исчезающие и появляющиеся в зависимости от вызовов, оголяющих проблемы исчезновения или искажения духовно-нравственных ориентиров в ходе преобразований в социальной и духовной сферах общества.

Ю. Ю. Зверева
(г. Омск)

ИСЛАМ И РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются социокультурные аспекты концепции всеединства в сравнении с близкими по смыслу идеями ислама. Универсальность ценностного и смыслового содержания позволяет рассматривать их как альтернативные западному глобализму модели глобализации.

Ключевые слова: глобализация, ислам, русская религиозная философия, всеединство.

Y. Y. Zvereva
(Omsk)

ISLAM AND RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY AS ALTERNATIVES WAYS OF GLOBALIZATION

In article considers the socio-cultural aspects of the concept of vseedinstvo in comparison with similar within the meaning of the ideas of Islam. The universality of values and semantic content can be considered as an alternative to Western globalism globalization model.

Key words: globalization, islam, russian religion philosophy, vseedinstvo.

Современный международный социально-политический кризис заставил пересмотреть тенденции становления мировой истории XX и XXI вв. Проект глобализма как идеологии западного общества, долго казавшийся не просто магистральной, но и безальтернативной линией развития глобализации, терпит крах под натиском международного терроризма и миграционных процессов. Ислам предлагает глобализационный проект, в основе которого лежат принципы и ценности, альтернативные западному глобализму и созвучные проекту русских религиозных философов.

Русская самобытная философская мысль сформировалась на основе решения вопроса о будущем мировой цивилизации и роли России во всемирно-историческом процессе. Русские философы задумались над тем, что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба. Славянофилы всегда подчеркивали важность идеи избранности русского народа, его мессианской роли в мировой истории.

Для многих классиков русской религиозной философии (В. С. Соловьев, П. А. Флоренский и др.), как и для великих арабо-мусульманских мыслителей (Ибн Рушд, Аль-Фараби и др.), была крайне важна идея единства религиозного, научного и философского способов осмысления мира. Идея цельного знания — одна из двух важнейших идей главного проекта всей классической русской философии — всеединства. И. В. Киреевский пишет: «Внутреннее сознание, что есть в глубине души живое общее сосредоточие для всех отдельных сил разума и одно достойное постигать высшую истину — такое сознание постоянно возвышает самый образ мышления человека: смиряя его рассудочное самомнение, оно не стесняет свободы естественных законов его мышления; напротив, укрепляет его самобытность и вместе с тем добровольно подчиняет его вере» [*Киреевский И. В.* О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 319].

Наряду с гносеологическим аспектом, всеединство мыслится и в онтологическом ключе — в идее соборности, под которой принято понимать «свободное духовное единение людей как в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви» [*Соборность* // Новая философская энциклопедия. URL: http://iph.ras.ru/elib/2777.html (дата обращения: 10.06.2016)]. Всеединство, согласно В. С. Соловьеву, есть идеальный строй мира, предполагающий воссоединенность, примиренность и гармонизированность всех эмпирических несогласованных, конфликтных элементов бытия. «Я называю истинным или положительным всеединство такое, — писал В. С. Соловьев, — в каком единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы, само оказывается таким образом пустотою; истинное единство сохраняет и усиливает эти элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» [*Соловьев В. С.* Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В. С. Литературная критика. М., 1990. С. 63].

В контексте современных международных конфликтов подобные идеи актуализируются как призыв к мирному диалогическому взаимодействию на основе универсальных человеческих ценностей. С точки зрения таких ценностей, диалогический потенциал этой модели сопоставим с исламской моделью.

В современной ситуации, когда религия эксплуатируется как средство информационной и физической войны, крайне важно понимание факта, что никакой противоположности между исламом и христианством не существует. В Коране и других священных текстах ислама содержатся идеи мира, любви, естественных прав человека, взаимного уважения культур, равенства всех людей перед Богом. Вот лишь несколько подтверждений этих идей, неоднократно упоминаемых в тексте Священного Корана:

— идея исключительности человека как лучшего божественного творения [*Коран* / пер. И. Ю. Крачковского. М., 1963. 17:70];

— идея равенства перед Богом всех людей и поддержания мира во всем мире [Там же. 4:1];

— крайне важная сегодня идея о дружественности представителей всех авраамических религий, подтверждающая, что никакого конфликта между иудеями, христианами и мусульманами с точки зрения веры и праведности не существует [Там же. 3:3–4; 4:136; 5:5];

— идея, выражающая категорический императив взаимопомощи ближнему и дальнему [Там же. 4:36];

— идея активной, деятельной защиты всех слабых и угнетаемых от несправедливости и беззакония [Там же. 4:75];

— идея о категорическом запрете стяжательства, незаконной наживы и неоправданного преднамеренного убийства под страхом гнева Божьего [Там же. 4:29-30];

— идея справедливости как надличностный и сверхсубъективный императив принятия решений [Там же. 4:105, 135];

— идея исключительного права Божьего суда, предельной абсолютности божественной воли в принятии решений о жизни и смерти, справедливости и несправедливости, прощении и наказании [Там же. 24:80, 116];

— идея общественного просвещения, необходимости распространения религиозных ценностей и праведного образа жизни [Там же. 3:104].

Эти идеи исламского проекта являются важнейшими условиями реализации межкультурного диалога в условиях глобализации. Модель ислама, так же как и модель русской религиозной философии, — это проекты мирного развития и процветания общества на основе сакрального ценностного отношения к материальной и духовной сферам жизни человека. Обе эти модели подтверждают актуальный принцип многополярного поликультурного мира, взаимоотношения субъектов которого возможны на основе диалога.

Е. Ф. Казаков
(г. Кемерово)

ПРОБЛЕМА ТЕОДИЦЕИ И АНТРОПОДИЦЕИ В НАШИ ДНИ

Рассматривается эпистемный потенциал категорий «теодицея» и «антроподицея». Анализируются сложившееся в истории мысли дефиниции данных понятий. Проблема «оправдания» Бога решается через «оправдание» Его творений. «Оправдание» человека — в том, что он способен преодолеть, превзойти себя, стремясь к сверхпознанию и сверхбытию, превращаясь в богочеловека. Через преображение человека происходит преображение мира Богом.

Ключевые слова: теодицея, антроподицея, Бог, мир, человек.

E. F. Kazakov
(Kemerovo)

THE PROBLEM OF THEODICY AND ANTROPODICY IN OUR DAYS

The article discusses the potential epistemic the category of “theodicy” and “anthropedia”. The authors consider the history of thought, the definitions of these terms. The problem of “justification” God decided, through the “justification” of His creations. “Justification” of man is that he is able to overcome, to surpass themselves, striving to corposana and the superbeing, becoming the God-man. Through the transformation of man is transformation of the world by God.

Key words: theodicy, anthropodicy, God, world, man.

Исследование проблемы теодицеи и антроподицеи имеет непреходящее значение на протяжении всей истории человеческой мысли, так как представляет собой осмысление соотношения совершенства и несовершенства, смысла и бессмысленности, зла и свободы, ответственности и оправдания. Осо-

бенно это важно в наиболее трудные, полные войн и бедствий исторические периоды, какими, безусловно, явились XX – начало XXI вв. [*Давыдова М. В.* Проблема теодицеи в Книге Иова и культуре Нового Времени : автореф. дис. ... канд. культурол. наук. М., 2007. С. 3–4]. Категория *«теодицея»* — «оправдание Бога» (от греч. *θεός* — Бог и *δίκη* — справедливость) — введена Г. В. Лейбницем («Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла», 1710) [*Лейбниц Г. В.* Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла : в 4 т. М., 1989. 432 с.]. Имеется в виду «оправдание» благого Бога-Творца за существующее в тварном мире зло [*Geyer C.-F.* Die Theodizee. Diskurs, Dokumentation, Transformation. Stuttgart, 1992. P. 128].

Категория *«антроподицея»* — «оправдание человека» (от греч. ἀνθρωπος — человек и δίκη — справедливость) — используется для объяснения противоречия между боготворением, богоподобием человека и наличием несовершенства, зла в нем и от него. Если зло — не от Бога, а от человека, то надо объяснить происхождение способности человека ко злу и «оправдать» делание им зла некими будущими событиями или высшими смыслами.

Бог — всесовершенен. Бог — творец. Всесовершенный Бог творит мир. Всесовершенный Бог не может не творить совершенный мир. Творение не может не быть проще, «меньше» Творца (Боговое «меньше» Бога; ведь Бог не создает «второго» Бога, «Другого Себя»; если творение человека может быть «больше» его за счет богодухновенности, то творение Бога — *всегда* «меньше» Его). *Творец — всесовершенен, мир — невсесовершенен* (что и является, по Г. Лейбницу, условием «метафизического зла»).

Невсесовершенство — внутренний момент всесовершенства (обусловливающий его многообразие и динамику, самоотрицание и самораскрытие). *Человек — особое творение,* в котором сохраняется всесовершенство, но не в его божественной беспредельности и не в его природной ограниченности. В человеке есть «образ Бога», включающий и то, чего в мире-природе нет (свобода, творчество, справедливость, совесть, разум), и в то же время далеко не включающий все, что есть в Боге (всеведение, всемогущество, всеблагость, вездесущесть). *Человек — единство всесовершенного и невсесовершенного* (неразумие, несправедливость, неискренность, эгоизм, тщеславие), являющегося относительно всесовершенного несовершенным. Отсюда внутренняя разнопорядковость, противоречивость, метания, раздирающие человека, вызывающие его сомнения, бросающие ему вызов, приводящие к тупикам и прозрениям; рождающие драматические переживания, дающие возможность развитию и обусловливающие его необходимость.

Проблема «оправдания Бога» содержит в себе в латентном виде проблему «оправдания» зла (ведь *за всем*, *над всем* происходящим в мире стоит Он), а «оправдать» зло невозможно, во зле нет правды. «Оправдание» зла — это оправдание расчеловечивания, обезбоживания, расхристанности. «Оправ-

дание» зла превращается в его дозволенность и далее — во вседозволенность. *Бог лишь «попускает» зло в мире,* маркируя «красную линию», переступать за которую гибельно. Но так как нет силы, способной противостоять Богу, то род человеческий не может расчеловечиться (в отличие от отдельных людей и их общностей). *«Оправдание» Бога* — в том, что Он «зла не создавал» (обвинение Его — «не по адресу»). *«Оправдание» человека* в том, что он способен превосходить себя. *Через преображение человека происходит преображение мира Богом. Человек перманентно «расбоживает-обоживает» Бога — то есть себя, мир, историю* — то приближаясь к Первообразу то отдаляясь от Него. «Оправдание» человека — в превращении «ничто» во «все» (т. е. оно в том же, в чем и «оправдание» Бога): мертвого — в живое, незнания — в истину, несправедливого — в справедливое, иллюзорного — в подлинное [*Казаков Е. Ф.* Человек между «все» и «ничто» // Вестник КемГУ. 2015. № 4(64), т. 2. С. 162]. Оправдание Творца — в перманентности божественной устремленности Его творений.

«Оправдание» Бога (и, одновременно, свидетельство Его присутствия) — то, что на протяжении человеческой истории, несмотря на все ее несправедливости, жестокости и беды, зло не уничтожило добро, истину и красоту; из родовой человеческой души не исчезли совесть, милосердие и благородство; несмотря на все катаклизмы истории, человечество не расчеловечилось. Один человек или общность людей могут стать бессовестными, бесстыдными, но человечество в целом «образ Божий» не теряет (и не потеряет) никогда. «Оправдание» Бога — в том, что вложенный Им в родовую душу человечества «образ» никто и ничто изъять не в состоянии. «Образ Бога» навечно «впечатан» в душу человечества, а это и есть свидетельство перманентного пребывания в ней Бога. Если добро, возникнув, не может исчезнуть из человеческой истории, значит, борьба добра и зла не может не проходить внутри добра, как двигатель его саморазвития. Мир — не «рассыпается», не гибнет, сохраняя свою определенность и соразмерность, возможность рождать, сохранять и развивать жизнь и сверхжизнь, а это — свидетельство перманентного пребывания в мире Бога. В «оправдании» тварного мира и заключается «оправдание» Творца.

«Антроподицея» — не столько оппозиция «теодицеи», сколько ее выражение и актуализация. Проблема «оправдания» Бога и человека — скорее не эпистемическая (так как логически решить ее невозможно) [*Кант И.* О неудаче всех философских попыток теодицеи // Трактаты и письма. М., 1980. С. 112], а онтическая. Она решается тем образом, что, несмотря на все беды, войны, несчастья и несраведливости, мир не погибает, человеческое (богочеловеческое) в человеке не исчезает. Вопреки всему (всему злу) человек стремится к истине, добру, красоте и любви. Вопреки всему Бог продолжает пребывать в природе, в светлых мыслях и высоких чувствах.

О. М. Кордас, Ю. А. Николаева
(г. Омск)

ОТНОШЕНИЕ К ТАЙНЕ В РЕЛИГИОЗНОМ И ФИЛОСОФСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ

Рассматривается отношение к феномену тайны в религиозном и философском мировоззрении. Раскрывается проблема соотношения тайны и непостижимого, сакрального в религиозном мировоззрении, феномен тайны в философско-гносеологическом аспекте.

Ключевые слова: тайна, религия, философия, непостижимое, познание.

O. M. Kordas, J. A. Nikolaeva
(Omsk)

THE ATTITUDE TO THE PHENOMENON OF MYSTERY IN THE RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL WORLDVIEW

The article deals with the attitude to the phenomenon of mystery in the religious and philosophical worldview. It reveals some points relationship of mystery and inscrutable, sacred in the religious worldview, the phenomenon of mystery in the philosophical and epistemological aspect.

Key words: mystery, religion, philosophy, incomprehensible, knowledge.

Тайна — это то, что недоступно познанию, то, что скрывается от других: «в самом широком ее толковании тайна — это сфера объективной реальности, скрытая от нашего восприятия либо понимания» [*Фатьянова А. А.* Тайна как социальное и правовое явление. Ее виды // Гос-во и право. 1998. № 6. С. 5]; это что-то непознанное, не открытое, не совсем осознанное. На одном уровне с этим словом мы употребляем слова-синонимы: секрет, таинство, мистерия, загадка. Но тайну отличает именно семантика, связанная с непроницаемостью, недоступностью для осознания. Причем наблюдается двойственное отношение к тайне: с одной стороны, желание ее открыть, постичь, с другой — невозможность, недопустимость или опасность ее раскрытия.

В философии, религии и науке сложилось несколько подходов к пониманию тайны и к возможности познания таинственного:

1) тайна как непознанное, т. е. являющееся предметом возможных будущих исследований для прогрессивно развивающейся науки;

2) тайна как непознаваемое — то, что принципиально находится за пределами возможностей человеческого познания, превосходит потенциал человеческого разума в силу чрезмерной сложности, принципиальной абсурдности либо отделенности непреодолимыми препятствиями;

3) тайна как сокрытое, т. е. кому-то известное, но сознательно скрытое, засекреченное, зашифрованное [*Фрумкин К. Г.* Тайна // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 952].

Научное мировоззрение коррелирует с первым подходом. Наука относится к тайне как к еще не разрешенной проблеме, она стремится раскрыть тайны Вселенной и закономерности развития природы и человека.

Если рассматривать понятие тайны в аспекте религиозного мировоззрения, оно соотносится со вторым подходом. Ценность тайны в ее закрытости. Сверхъестественное, или Бог, принципиально непознаваемы, непостижимы. Р. Отто писал о священном как о тайне, перед которой человек испытывает благоговейный страх и трепет и которая вдохновляет, восхищает и влечет к себе [*Ommo P.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008. URL: http://predanie.ru/otto-rudolf-rudolf-otto/book/216242-svyaschennoe/ (дата обращения: 03.05.2016)]. Священное сопряжено с истинным знанием, но знанием тайным, выходящим за пределы человеческого понимания.

В той или иной степени в философском мировоззрении наблюдаются все три аспекта отношения к тайне. Проблема тайны не выходит на первый план, она всегда стоит в тени проблемы истины, которую надо открыть. Но истинное знание должно оставаться в тайне, открываться лишь избранным. Против доступности тайной мудрости был Гераклит, которого называли Темным потому, что сохранившиеся фрагменты его трудов написаны иносказательно и завуалированно. Гераклит говорил: «Тайная гармония лучше явной», и современники Гераклита были с ним солидарны в понимании закрытости истинного знания.

Ю. А. Разинов анализирует греческое понятие истины, которое принадлежит к сфере сокрытого, таинственного. С одной стороны, истина выступает как *не*-сокрытость, *не*-потаенность — алетейа (ἀλήθεια), а с другой — это то, что страдает от разутаивания, разоблачения. Все неистинное и ложное должно быть вынесено за границы алетейи. Но без отнесенности к сфере ложного истина остается без почвы [*Разинов Ю. А.* Истина и тайна: четыре аспекта греческой алетейи // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Вып. 2, т. 12. С. 30]. В древнегреческой философии появилась необходимость раскрытия истины и тайны, слово «алетейа» означает «делать ясным, выносить на поверхность». Тем не менее, полная тайна мира остается сокрытой — к ней можно только стремиться, любить мудрость. Тот же, кто считает себя уже мудрым, открывшим все тайны мира, не может называться истинным философом. Тайна — не секрет, который разгадывают, чтобы овладеть им для себя, она может приоткрываться только человеку, способному к интеллектуальному и духовному напряжению.

Философия начинается как необходимость познания, прояснения, она проходит эволюцию от эзотерического, тайного знания к науке. Тайна — возможное знание, но знание, к которому еще не найден ключ, язык понимания. Но в отличие от науки, философия не претендует на окончательное овладе-

ние истиной, ее полное обнажение. В этом смысле философия сближается с религиозным отношением к тайне, осознавая неисчерпаемость тайны Бытия.

С. Л. Франк писал, что существует мнение о противоположном отношении религии и философии к тайне Бытия и Бога. Религия предполагает «в живом отношении к Богу момент *тайны, непостижимости,* неадекватности человеческому разуму, тогда как задача философии именно в том и состоит, чтобы до конца *понять и объяснить* первооснову бытия» [*Франк С. Л.* Философия и религия. URL: http://www.vehi.net/frank/filosofia.html (дата обращения: 03.05.2016)]. Но с точки зрения С. Л. Франка, это мнение ошибочно, «истинная философия не только не отрицает сознание тайны, неисчерпаемой глубинности и безмерной полноты бытия, но, напротив, всецело опирается на это сознание и исходит из него как из самоочевидной и первой основополагающей истины. В этом сознании состоит вообще конститутивный признак всякого истинного знания, в отличие от знания мнимого, претендующего на всеведение» [Там же].

Философия не стремится к познанию как к разоблачению тайны, расколдовыванию мира: «религиозное чувство тайны и глубинности бытия есть первое и необходимое условие развития философии, тогда как самомнение атеизма в корне убивает самый инстинкт философствования и есть в такой же мере отрицание философии, как и религии» [Там же].

Тайной невозможно овладеть через знание, к ней можно только приблизиться на иррациональном уровне постижения, а в целом онтологическая неисчерпаемость тайны делает сам процесс ее постижения самоценным и бесконечным.

Е. В. Кузьмина
(г. Омск)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ

Много было проектов построения теологического факультета в российском университете. В начале XX в. эти процессы были остановлены революционными событиями. Сейчас построение российской теологии перешло на уровень специальности ВАК. В паспорте «Теология» 26.00.01. прописаны также сравнительно-теологические исследования. Если основываться на отечественной традиции изучения религии, каким образом будет выглядеть типология и методология изучения религии?

Ключевые слова: сравнительная теология, преемство, методология теологии, межрелигиозный диалог.

E. V. Kuzmina
(Omsk)

COMPARATIVE THEOLOGY

Was much projects of creation of theological faculty at the Russian university. At the beginning of the 20th century these processes have been stopped by revolutionary events.

Now creation of the Russian theology has moved to a specialty VAK level. In the passport of "theology" 26.00.01. also comparative and theological researches are registered. If to be based on domestic tradition of studying of religion how the typology and methodology of studying of religion will look?

Key words: comparative theology, succession, theology methodology, interreligious dialogue.

Осенью 2015 г. в России появилась новая научная специальность 26.00.01 «Теология». Споры вокруг самой возможности научной теологии получили второе дыхание. В паспорте научной специальности «Теология» написано, что теология должна выявлять, анализировать и интерпретировать значимые аспекты религиозной жизни в их соотнесении с нормами конкретной религиозной традиции. В важные области предметного поля, наряду с историей и современным состоянием, внесено отношение религиозной организации к другим конфессиональным учениям и организациям. Область исследования № 8 так и звучит — «сравнительно-теологические исследования».

Исследованиями богословов и религиоведов была выстроена основная линия истории изучения религии в России: дореволюционный этап становления духовно-академической и университетской традиции; советский период изучения религии, который в силу своей атеистической специфики и продолжительности в 70 лет не мог не повлиять на современное положение вещей в этой области; постсоветский период — самый непродолжительный, но тем более интересный, потому что сейчас заявляются практически все теоретические возможности изучения религии. Большее значение приобретают зарубежные модели построения теологии, философии религии и религиоведения.

Начала науки носят парадигмальный характер. Какой научный контекст инициировал этот процесс? В литературе указывается на вторичный характер российской науки, вслед за европейской она обращается к уже сформулированной предметной области. Сегодня тоже много говорится о практическом значении изучения религии в такой поликонфессиональной стране, как Россия. Но хочется акцентировать «академичность» изучения религии «изнутри» (так обычно обозначают специфику теологического подхода). Мы не будем приводить здесь аналитику основных претензий в адрес теологии со стороны других научных специальностей, т. е. заниматься «апологией теологии» в прямом смысле. Наша задача — на основе анализа основных «конфессиональных» диссертаций магистров и докторов богословия и философии (и историков Церкви) в дореволюционной России и теологических построений философов постсоветской России осуществить генерализацию предметного поля теологии.

Прежде всего важно указать на появление исследовательского комплекса, от философии религии до истории религии. Пик защит и публикаций приходится на начало XX столетия. В силу специфики изучения философии в

России, с акцентом на античную философию, отечественные исследователи религии, прежде всего богословы и религиозные философы, начинают с изучения античного религиозного мировоззрения (античные религиозные концепты, платонизм). Особенно актуальным становится рассмотрение вопросов позднеантичной истории и культуры и перехода к христианской эпохе. Также интересуются представители духовно-академической науки восточными религиозными идеями, т. е. в силу отсутствия теологии в университетах (за редким исключением «инославных» университетов), русские православные богословы переформатируют апологетический подход.

Религиозные процессы в постсоветской России носят динамичный характер. Возможность изучать религию в теологическом и религиоведческом формате дает свои первые результаты. Большую роль сыграли классики отечественного религиоведения, такие, как Ю. А. Кимелев, А. Н. Красников, Д. В. Пивоваров, М. М. Шахнович, И. А. Яблоков и др. В настоящее время активно обсуждается проект философской теологии и (или) естественной теологии как формы научно-академического присутствия теологии в российских университетах. И здесь образ античной философской теологии (Ю. А. Кимелев) продолжает играть методологическую роль. Большой интерес представляет «сравнительная теология» В. К. Шохина.

Один из классиков мирового религиоведения Г. Фрик в своей работе «Сравнительное религиоведение» писал, что с точки зрения метода можно выделить три направления в изучении религии: теологически-философское (главная фигура Ф. Д. Шлейермахер), филологическое (М. Мюллер) и этнологическое (Э. Б. Тайлор). Первое направление изучает сущность религии, второе применяет историко-филологический метод, третье использует антропологическо-этнологический, трансформирующийся в культурно-исторический подход. По замыслу автора, сравнительное религиоведение, или типология, должно отталкиваться от эмпирики. Самому Г. Фрику импонировал феноменологический подход Р. Отто, он указывал на недостатки предшествующих типологий и, соответственно, эвристических результатов их применения, так как они вытекали не из самого «религиозного акта», а из отношения религиозного акта «к чему-то иному». Г. Фрик предлагал подчеркивать индивидуальность религии, тем самым сохранять ее идентичное ядро. Другими словами, мы видим критику концепта «естественной религии». Г. Фрик хочет рассматривать религии как живые организмы, с их физиономией, обликом, «конфессиональными аксессуарами». В этом он продолжает линию М. Мюллера, с его идеей «сравнительной теологии». Изучение религии должно обнаруживать некие закономерности, и Г. Фрик предлагает выделять стадии религий. В его работах много новых концептов, таких как аналогия и гомология, морфологическая эквивалентность. Г. Фрик был и религиовед, и теолог, принадлежавший своей конфессии.

Процесс моделирования христианской (православной) теологии в России начался исследованиями русских духовно-академических теистов, таких как А. И. Введенский, С. С. Глаголев, П. А. Флоренский и др. Теизм не органичен многим религиям, например, буддизму. Но для христианства это естественная форма философствования об основах веры. М. Мюллер писал о третьей способности человека «понимать бесконечность», которая и создает религию. Русские теисты формулируют концепт «естественного откровения» и говорят о врожденной идее ума о бесконечном, о религиозном чувстве. Отсюда корреляция с психологией религии и религиозной антропологией. Поэтому личный религиозный опыт не противоречит магистральной линии истории религии. Возвращение чудесного оказывается основанием построения новой типологии религии. «Зеркало культуры» (Ю. А. Кимелев) показывает лики современных религий. Построение межрелигиозного диалога возможно через академические теологические исследования.

А. А. Морозов
(г. Омск)

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ НОРМЫ: ОТ ОТКРОВЕНИЯ К ТРАДИЦИИ

Автор анализирует процесс формирования религиозной нормы как переход от откровения к традиции. Идеалы священных книг трансформируются в четко артикулируемые религиозные нормы в результате их усвоения конкретным историческим сообществом.

Ключевые слова: религиозная норма, идеал, традиция.

A. A. Morozov
(Omsk)

THE FORMATION OF RELIGIOUS NORMS: FROM REVELATION TO TRADITION

Author analyzes a process of formation of religious norms as transition from revelation to tradition. Ideal of holy books are transformed in religious norms in the result of the assimilation of the historical community.

Key words: religious norm, ideal, tradition.

Характер и интенсивность влияния религии на общественные процессы, образ жизни и действия людей существенно отличаются в зависимости от исторического контекста, культурного тренда, социально-экономических условий и политических обстоятельств. Многообразие факторов, определяющих человеческую жизнь, опосредует воздействие религии на человека и коммуникативные структуры. Религия — сложная, динамичная структура.

Исходной точкой ее развития выступает божественное откровение, передаваемое людям учителем, пророком, просветленным, Богочеловеком. Оно может существовать в устном предании или записанном тексте и, как правило, в истории религии мы видим переход от первого ко второму, но этот переход вовсе не обязателен.

Божественное откровение в религии содержит всю полноту возможностей ее развития. Богооткровенные тексты даже при их кажущейся простоте чрезвычайно насыщенны и многослойны, что порождает разночтения и сложную практику экзегезы. Вместе с тем откровение, как правило, дидактично. Оно учит человека правильной (праведной) жизни, направляет на путь спасения, запрещает неправильные действия, предостерегает от пагубного выбора. При этом откровение практически не содержит религиозных норм в их завершенном виде. Оно предлагает идеал, образующий верхнюю границу нормы. В Нагорной проповеди Христос говорит: «Будьте совершенны как Отец ваш небесный», поднимая уровень человеческих возможностей на максимальную высоту. Две главные заповеди о любви к Богу и к ближнему, открывающие путь к спасению, при их формальной простоте оказываются чрезвычайно сложными для выполнения в мире повседневности. Сложность в данном случае не означает недостижимости идеала. Недостижимый идеал не имеет ни малейшего смысла. Он изначально существует как пустое фразерство, набор бесполезных правил. Новый Завет, Коран, Типитака, Танах предлагают идеалы, предназначенные для воплощения в жизни человека. В христианстве и исламе достижимость идеала подтверждается в образе святого, в буддизме — бодхисатвы… Но быть христианином, мусульманином или буддистом вовсе не означает быть святым. Очевидно, существует нижняя граница нормы, определенный минимум, позволяющий оставаться на пути спасения, но при этом находящийся достаточно далеко от идеала.

Формирование религиозной нормы, содержащей меру, позволяющую сохранять религиозную идентичность, происходит в процессе перехода от откровения к религиозной традиции. Религиозная традиция начинает формироваться уже в момент презентации откровения. В силу разных обстоятельств традиция закрепляет определенное понимание откровения и, в конечном итоге, именно она определяет основное содержание религии. Общеизвестно, что в средневековой католической Европе простой верующий никогда не читал и не мог прочитать Священное Писание. Его знание откровения было опосредовано традицией. В православии откровение представлено верующему в предании: в учении отцов церкви и церковной догматике. И даже в протестантизме, ориентирующем верующего на самостоятельное прочтение Библии, значительное влияние имеют выступления авторитетных проповедников, сочинения известных миссионеров и писателей, основателей тех или иных об-

щин. В исламе влияние авторитетных ученых (улемов, мулл) весьма значительно. Содержание религиозных предписаний, преподанных в Коране, получает особое толкование, на основе которых формируются отдельные школы.

Французский историк Жак Ле Гофф исследовал формирование в католическом вероучении положения о чистилище. Он прослеживает этот процесс на протяжении практически одиннадцати веков, с III в. по XIII в., относя рождение чистилища как четко выделяемого и осознаваемого места в географии потустороннего мира ко второй половине XII в. [*Ле Гофф Ж.* Рождение чистилища. Екатеринбург–Москва, 2009. 544 с.].

Процесс становления чистилища в католической традиции сопровождался формированием ряда религиозных норм, следование которым приобретало свойство обязательности. В частности, это относится к заступничеству за умерших. Чистилище — это время, дающее надежду на спасение тем, кто не совершил смертных грехов и может надеяться на спасение. Это время, наполненное страданиями. Грешники, попавшие в чистилище, могут надеяться только на помощь живых. А значит, для последних такое заступничество становится моральным долгом, игнорирование которого может иметь неблагоприятные последствия как для умерших, так и для живых. Как отмечает Ле Гофф, «сюда стремится внедриться расчет, бухгалтерия соотношения количества совершенных на земле грехов, количества заступничеств во искупление этих грехов и продолжительности проведенного в чистилище времени» [Там же. С. 435]. В проповедях XIII в. звучит мысль о том, что кары чистилища предельно тяжелы, поэтому забота об умерших родственниках становится долгом верующего. Заступничество родных наиболее эффективно в этом. Появляются рассказы о карах, которые постигают живых, игнорирующих свой долг по отношению к своим умершим родственникам. Человека может даже настичь смерть в случае, если он не исполнил волю умершего, высказанную ради спасения души. А отрицание подобного рода долга, самого чистилища и эффективности заступничества становится признаком ереси.

Все эти процессы в конечном итоге привели к появлению не только определенных представлений о системе потустороннего мира, но и сформировали значительный объем церковной практики, ставшей элементом повседневной жизни верующих на протяжении многих столетий.

Исследование формирования религиозных норм в контексте конкретных исторических, культурных, богословских традиций позволяет расширить эвристические возможности гуманитарного знания в изучении религии. Кроме того, оно предостерегает от формирования стереотипных форм мышления относительно различных религий и верований.

Л. К. Нефёдова
(Омск)

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПЛЕКС: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В тезисах рассматриваются методологический и воспитательный потенциал понятия религиозного комплекса в процессе обучения студентов религиоведению и философии религии. Обозначены проблемные точки в плане формирования знания и мировоззрения.

Ключевые слова: религиозный комплекс, мировоззрение, религиозная жизнь региона.

L. K. Nefedova
(Omsk)

RELIGIOUS COMPLEX: METHODOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS

The thesis discusses methodological and educational potential of the concept of the religious complex in the learning process of students of religious studies and philosophy of religion. Marked trouble spots in terms of formation of knowledge and ideology.

Key words: religious complex, the worldview, religious life of the region.

Осмысление проблем, связанных с пониманием места и роли религии в современной действительности, включает не только вопросы ее институализации в социальной реальности и специфики развития религиозных феноменов в современных условиях в глобальном мире, но и сугубо профессиональные проблемы ознакомления студентов с основами религиозной культуры. Религия в любых ее проявлениях представляет собой культурно-социальный феномен, который определяется через понятие религиозного комплекса, включающего мировоззрение, деятельность, организационно-социальные структуры. В связи с этим подчеркнем, что понятие религиозного комплекса является опорным в формировании представлений, знаний и отношения студентов к религиозным феноменам. Оно обладает высоким методологическим потенциалом, позволяя видеть целостность структуры и содержания каждого религии, выявляя в ней уровни религиозного сознания, религиозной деятельности и религиозной организации.

В последние десятилетия актуальна полемика о введении основ религиозной культуры в общеобразовательную школу, в то же время проблемы преподавания религиоведческих дисциплин в высшей школе редко становятся предметом пристального анализа. Возможно, это связано отчасти с тем, что в академическом высшем образовании вопрос о необходимости изучения основ религиозной культуры не вызывает полемики, в частности, при подготовке специалистов социально-гуманитарного профиля: историков, культу-

рологов, филологов, юристов и т. д. При этом в вузах, как правило, нет крена в сторону приоритетного изучения какой-либо одной религии, в то время как общеобразовательная школа подчас рассматривается адептами той или иной конфессии как место ее популяризации. Курсы религиоведческих дисциплин в высшей школе разработаны глубоко, объективно представляют многообразие религиозной культуры, в ее синхронном и диахронном аспектах, охватывая все стороны религиозного комплекса. К сожалению, на эти курсы отводится крайне малое количество часов, в то время как их значимость в формировании мировоззренческих структур не нуждается в доказательствах. Изучение религии в системе философского образования обнаруживает целый ряд проблем, связанных со всеми элементами религиозного комплекса. Остановимся на них в обозначенной последовательности.

Преподавание религиоведения и философии религии при подготовке специалистов по философии культуры и философской антропологии на факультете истории, философии и права в ОмГПУ является одним из генеральных направлений, позволяющих формировать мировоззрение студента-бакалавра. Курс религиоведения невелик: 36 аудиторных часов на дневном отделении. Положение обстоит несколько лучше с курсом философии религии. Данный предмет предполагает углубление в онтологию, гносеологию, антропологию, аксиологию религии, требует напряженной работы с источниками, нацелен не просто на репродуктивное усвоение знаний, но и на развитие способности философского анализа религиозных феноменов, что вызывает немалые трудности у студентов. В связи с этим возникает много проблем с методикой преподавания курсов религиоведения и философии религии. Остановимся на некоторых проблемах, опираясь на сложившийся в методике подход к предмету обучения, позволяющий выстраивать рефлексию проблем и результатов обучения на основе трех вопросов: чему учить, как учить, почему так, а не иначе...

На вопрос: «Чему учить?» — ответ, казалось бы, обозначен программно-методическим обеспечением. Однако не стоит забывать, что комплекс религиоведческих дисциплин в вузах России имеет сравнительно новую историю [*Никитин В. Н.* Религиоведение или богословие. URL: vevivi.ru (дата обращения: 28.04.2016)], и сегодня полемика о специфике религиоведения как предмета обучения в вузе, похоже, еще не исчерпала себя. Вопросы по-прежнему остаются. Чему же все-таки учим? Религии? Атеизму? Углубляемся ли в конкретную конфессию в связи со спецификой региона и пристрастиями преподавателя (увы, и такое бывает!)? Какое мировоззрение, миропонимание, мирочувствование стремимся формировать, когда раскрываем глубинные смыслы развития связи субъекта с трансцендентным, которая лежит в основе религии?

На вопрос: «Как учить?» история методики давно дала ряд ответов.

Так, К. Д. Ушинский дифференцировал методику в зависимости от возраста обучаемых. Если методика первоначального обучения занимает целые тома, то для высшей школы достаточно позиции знания предмета и его ясного изложения [*Ушинский К. Д.* Избранные педагогические сочинения. М., 1943. С. 461–492]. И. Кант отводил большую роль организации занятий: дисциплине, расписанию [*Кант И.* О педагогике // Собр. соч. : в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 399–462]. Ж. Ж. Руссо указал на эффективность принципов поэтапности и природосообразности [*Руссо Ж. Ж.* Эмиль // Педагогические соч. : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 25]. Классическая методика, разумеется, оправдывает себя, но не снимает всех проблем.

Знание предмета и ясное его изложение предполагают авторские учебники, пособия, статьи вузовских преподавателей, т. е. активную научно-исследовательскую работу. Дисциплина и расписание (по И. Канту) сегодня выливается в работу над программами, учебно-методическими комплексами, электронными журналами и т. д. Поэтапность и природосообразность предполагают учет возможностей и особенностей культурной и религиозной жизни региона, где осуществляется обучение, что приводит к выходу из рамок академической лекционно-практической сферы в сферы реальных практик религиозной жизни, в знакомство с реалиями религиозной жизни региона. А это знакомство необходимо очень корректно выстроить как в отношении субъектов различных религиозных практик, так и в отношении студентов, которым лютеранский пастор с увлечением рассказывает о М. Лютере, баптистский пастор — о том, как интересно отмечает праздники молодежь в молельном доме; мулла под медитативное начитывание Корана говорит о михрабе, направленном на Каабу, а православный священник проводит ритуал крещения, где живой смех и плач младенца эхом звучат в храме. Все это — яркий наглядный материал в лицах, ситуациях, интерьерах и архитектурных комплексах, в звучании, свете и цвете, который интегрирован в лекционный и практический курс по истории, социологии, психологи религии. А наглядность действует непосредственно на чувственную сферу, что может привести к результатам неожиданным и непредсказуемым.

Таким образом, вопрос: «Как учить?» вызывает особые трудности, когда речь идет об изучении религиоведческих дисциплин. Здесь все время необходимо чувствовать тонкую грань, дифференцирующую предмет рефлексии, прежде всего, Бога и идею Бога в ее историко-философском развитии. Сложности есть и в работе с источниками (работы Л. Фейербаха, И. Канта, М. Элиаде, М. Вебера, Н. Бердяева, А. Лосского, С. Булгакова и т. д.). Это связано с тем, что большинство трудов представляют объемные философские концепции, для понимания которых необходимо знание онтологии, гносеологии, истории культуры, антропологии, этнографии, искусства.

На вопрос: «Почему так, а не иначе?» ответ дает гносеология: способ раскрытия предмета и овладения им заложены в самом предмете изучения, т. е. в самом религиозном феномене. И здесь снова возникает необходимость дифференциации знания предмета и отношения к нему, ибо в самом предмете заложено его познание как приятие транслируемого данным предметом миропонимания на всех уровнях религиозного комплекса. Таким образом, методологическая функция понятия религиозного комплекса актуализируется при углублении в природу предмета, позволяя сохранять необходимую меру философского скепсиса.

С. К. Носов
(г. Горно-Алтайск)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ СИМВОЛОВ И ОБРАЗОВ В СВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Рассматриваются особенности использования религиозных символов и образов в светской культуре. Выявлены возможные варианты их позитивного использования.

Ключевые слова: религия, культура, искусство, религиозные символы, религиозные образы.

S. K. Nosov
(Gorno-Altaisk)

FEATURES OF USE OF RELIGIOUS SYMBOLS AND IMAGES IN SECULAR CULTURE

In article features of use of religious symbols and images in secular culture are considered. Possible options of their positive use are revealed.

Key words: religion, culture, art, religious symbols, religious images.

Религиозные символы и образы, в силу своей узнаваемости, информационной значимости и проверенной временем популярности, всегда привлекательны для творческого сознания светских авторов.

Иногда, по причинам различного характера, они подвергаются оригинальным интерпретациям, не соответствующим их религиозно-догматическому пониманию. В таких случаях возникает конфликтная ситуация между приверженцами конфессии, «владеющей» символом или образом, и автором новой интерпретации. Как правило, конфликтующие стороны занимают две противоположные позиции. Одна сторона заявляет о своем праве на «свободу творчества», другая выражает негодование и обиды по поводу «шедевров» творчества своих оппонентов.

Стороннему наблюдателю остается лишь быть солидарным с одной из сторон. Чаще всего эта солидарность носит эмоциональный, нежели рацио-

нальный характер. Попробуем разобраться, что же происходит на самом деле. В социальном и духовно-нравственном значении использование религиозных символов и образов нерелигиозными организациями или авторами различных работ может носить позитивный или негативный характер. Безусловно, позитивным является использование религиозных символов и образов в качестве объекта религиозного почитания верующими людьми. Позитивное использование символа происходит тогда, когда автор, базируясь на уважительном отношении к представленной символом религии, рефлектирует свое субъективное философско-религиозное мировоззрение и выражает его в продуктах своего творчества. Негативное использование символа происходит в случаях, когда автор изображает его в извращенном для религиозного понимания значении или пытается изменить сложившийся в религиозном сознании общепринятый стереотип восприятия символа в угоду своим политическим интересам или антиконфессиональным чувствам.

В любом случае возможно неприятие «нестандартного» символа со стороны верующих людей. В первом случае происходит нарушение догматических норм религии. Во втором — неправильное или «карикатурное» изображение религиозного символа порождает ответную — негативную реакцию со стороны верующих людей.

Однако самой главной причиной, вызывающей негативную реакцию верующих на факты использования религиозного символа в светской культуре или представителями иной конфессии, является его неизбежная десакрализация при использовании в ином культурном пространстве. В таких случаях даже слабо разбирающийся в догматах и канонах собственной религии верующий человек начинает интуитивно понимать: «здесь что-то неладно».

Подобное происходит и с использованием религиозных образов. Однако глубина противоречий здесь намного больше. Религиозный образ, как правило, является гармоничной частью религиозной картины мира, воспринимаемой верующими как духовная реальность. Поэтому любое неканоническое изображение образа, а тем более не соответствующее религиозным догматам, вызывает справедливое неприятие такого изображения. Следовательно, каждый автор, используя религиозные символы и образы, призван учитывать такое отношение к собственному произведению и сделать свободный выбор в способах и средствах творческого самовыражения.

Во все времена критерием творческой свободы являлась нравственная обусловленность творчества. Автор вправе изображать что угодно, но если его произведение оскорбляет чувства многих людей — оно безнравственно. Следовательно, автор не свободен. В таком случае он уподобляется «рабу» своей «порочной природы» и недобрых творческих амбиций. Сказанное вовсе не означает, что нужно отказаться от использования религиозных символов и образов в создании различного рода светских произведений. Просто их

новая интерпретация не должна носить негативный — десакрализующий характер, нарушать, а тем более разрушать сложившуюся религиозную картину мира.

Таким образом, во избежание конфликтных ситуаций, связанных с использованием религиозных символов и образов в светской культуре и гармонизации межконфессиональных отношений в обществе, важно не допускать следующих случаев. Во-первых, вольных интерпретаций символов и образов, не соответствующих догматическому учению или канонам породивших их религий. Во-вторых, уничижительных или карикатурных изображений почитаемых религиозных символов и образов. В-третьих, порчи или надругательства над изображениями из хулиганских побуждений.

На наш взгляд, в любых других случаях использование религиозных символов и образов в светской культуре не только правомерно, но и полезно для духовно-нравственного и общекультурного развития общества.

А. Ш. Руди
(г. Омск)

РЕЛИГИЯ И НАУКА В ПОЗНАНИИ МИРА

Представлена позиция рассмотрения религиозного и научного видов познания мира как автономных и дополнительных. Конфронтация между ними обусловлена социальными факторами и не имеет конструктивных перспектив.

Ключевые слова: религиозное познание, научное познание.

A. Sh. Rudi
(Omsk)

RELIGION AND SCIENCE IN THE KNOWLEDGE OF THE WORLD

Submitted by considering the position of religious and scientific knowledge of the world as a species of self and other. The confrontation between the two is due to social factors and has no structural prospects.

Key words: religious knowledge, scientific knowledge.

В противопоставлении религии науке, осуществляемом различными дискурсами, одним из важнейших оснований служит гносеологический фактор. Его использование позволяет как религиозным, так и научным адептам обосновывать познавательную успешность разделяемой ими мировоззренческой парадигмы и, соответственно, подчеркивать несостоятельность оппозиционной парадигмы в объяснении мира. Из гносеологического основания может быть выведена в различных контекстах общая оценка рассматриваемых форм общественного сознания. Все разнообразие позиций в этом вопросе укладывается в итоге между двумя крайними полюсами [*Денисов С. Ф.* Исто-

рия и философия науки : учеб. пособие : в 2 ч. Омск, 2010. Ч. 2 : Наука — религия — философия — искусство. 278 с.].

Согласно одной категоричной установке, религия представляет собой примитивный тип мировоззрения, неспособный обеспечить общество достаточными для его эффективного технического, экономического, политического развития схемами объяснения мира. Религиозные знания о мире находятся в зависимости от архаичной веры в сверхъестественное, вследствие чего они замутнены вымыслами, мифами, искажающими восприятие действительности, в которой приходится выживать человеку. Приверженцы данной позиции склонны обвинять религиозные социальные институты в сознательном умножении заблуждения людей по поводу устройства мира в целях манипуляции общественным сознанием и укрепления политико-экономического статуса духовенства.

Противоположная позиция заключается в том, что наука изначально очертила для себя узкий диапазон действия, отказавшись от познания мира как такового, в разнообразии его проявлений и их сущностных предпосылок. Цель науки — успешная предметная ориентация в непосредственной эмпирии. Отсюда — индифферентность науки в вопросах добра и зла, перекосы технократического отношения к социуму и природе, бездуховность порожденного научно-техническим прогрессом расчетливого капиталистического уклада жизни. Достижения науки непосредственно сопряжены с культурно-историческими особенностями эпохи, а потому не обладают вневременным характером, имеют значимость до тех пор, пока не будут низвергнуты последующими достижениями.

Ни одну из возможных точек зрения о соотношении религии и науки вообще, а также их познавательной ценности в частности, нельзя назвать необоснованной. История человечества снабдила всех полемистов достаточным количеством аргументов. Кроме того, многовековая конфронтация религии и науки не дает оснований судить о действительной слабости (а значит, естественном изживании себя или гибели в неравной борьбе с противоположной гносеологической и идеологической позицией) какой-либо формы постижения мира. Инквизиция и догматизм позднего средневековья не подавили ростки интеллектуального свободомыслия. Десятилетия воинствующего атеизма в странах социалистического лагеря XX в. не истребили там на корню религиозное миропонимание. Более того, очевидна прямая взаимосвязь сил действия и противодействия: чем настойчивее попытки экспансии религии либо науки в частную жизнь человека, чем громче претензии на владение истиной и определение хода общественных процессов, тем меньше доверия соответственно религия или наука вызывают.

Резонно обратить внимание на перспективы неизбежного сосуществования научной рациональности и религиозного миропостижения [*Чадов Б. Ф.* Идея творца в религии и науке // Эко-потенциал. 2013. № 1–2. С. 134–156].

Исследователи находят под этими перспективами серьезные основания, начиная с актуализации феномена зарождения науки в религиозной социокультурной среде. Так, исторически в религиозных храмах всех трех мировых религий сосредоточивались наиболее значительные интеллектуальные ресурсы эпохи, формировалась культура познания мира с целью достижения высшего, подлинного знания, не в угоду преходящим целям и прикладным жизненным задачам человека. Ученость — это ценность, сформированная в средневековой христианской Европе и на средневековом арабо-мусульманском Востоке, в период возникновения исторически новых социальных заведений — университетов (ставших храмами науки). Религиозная догматика выработала представление о необходимости рационального постижения замысла Творца и интеллектуальной интерпретации данного Им в Писании откровения, что определило впоследствии традицию комментирования и понятийного истолкования в науке фактов. В эпоху Нового Времени Декарт (чьи отношения с христианской церковью сложились не самым приятным образом) решает проблему познаваемости мира мыслью о том, что гарантом постижимости сложного миропорядка служит замысел единого Творца, создавшего разум человека и природу и обеспечившего тем самым адекватность логики мышления познающего логике существования природного мира.

Современная наука наращивает антропную ориентированность и понимает мир как «многослойное» образование, требующее для своего познания принципиально разных подходов, не взаимозаменяемых, а дополняемых друг другом. Соответственно, наука обнаруживает в себе потенциал содействия с другими сферами духовной жизни человека и общества. Применительно к взаимосвязи науки и религии в познании мира справедливо отмечается, что ныне «ученые ищут в религии более широкий контекст для своих исследований; теологи нуждаются в научных аргументах для модернизации своих взглядов» [*Маркова Л. А.* Наука и религия: о возможности их междисциплинарного общения // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIV, № 2. С. 236]. Наука и религия (как и философия, и искусство) имеют общий исток — они порождены человеком, и общий объект восприятия — мир, столь сложно организованный, что в его познании разуму и чувствам всех человеческих поколений всегда будет открыта его непостижимость.

В пересечениях современной науки и религии является значимым аспект их автономности, восходящий еще к теории двойственной истины Д. Скотта и У. Оккама. Неоправданным и опасным представляется не только обострение конфронтации гносеологических позиций науки и религии, но и попытки их ситуационного слияния (например, стремления богословия к научному статусу). Так же, как математическое измерение музыкальной гармонии неспособно ни объяснить, ни передать красоту последней, внедрение богословов в научную деятельность чревато обеднением обеих практик миропознания.

О. В. Хлебникова
(г. Омск)

ДЕКОНСТРУКЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Мышление современного человека характеризуется тремя интенциями: к представлению о естественности человеческих прав, к опоре на информацию, а не на знание, а также к максимальной мыслительной простоте. В силу этого можно говорить об упрощении религиозных переживаний в современном массовом обществе, об их деконструкции.

Ключевые слова: религиозное сознание, деконструкция, мышление, современность.

O. V. Khlebnikova
(Omsk)

DECONSTRUCTION OF THE MODERN RELIGIOUS CONSCIOUSNESS

The intellection of modern man has three intentions: to the idea of natural human rights, to reliance on information but not on knowledge and also to maximize the simplicity of thought. In view of this, we can talk about simplifying the religious experience in modern mass society, about their deconstruction.

Key words: religious consciousness, deconstruction, intellection, modernity.

В силу действия различных исторических и культурных обстоятельств в современном обществе сложился особый тип человеческого мышления. Речь идет о мышлении так называемого обывателя, «среднего» человека, чья «усредненность» претендует одновременно и на «нормальность», и на «нормативность». Очевидно, что во все времена подобные персонажи периодически заявляли о своем существовании в культурном пространстве, однако только информационные технологии и механизмы массового общества сделали их заявления и претензии значимыми, а порой фатально значимыми феноменами.

К основным характеристикам современного обывательского мышления можно отнести следующие свойства:

1) ориентация на представление о естественности человеческих прав. Данное качество связано с тем наглядным фактом, что мы живем внутри исторической эпохи, наследующей Просвещению, заявившему, что каждый человек от рождения обладает определенным набором прав и свобод. Современный человек апеллирует к безусловности своих врожденных прав совершенно непринужденно, постоянно и зачастую даже неосознанно. Эта апелляция редко становится предметом личностного критического (по И. Канту) осмысления. Автоматизм самой ее возможности приводит к актуализации распространенного сейчас представления о тотальном равенстве людей, том равенстве «слабых», о котором сокрушался Ф. Ницше [*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Соч. : в 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 62–63] и внутри которого отныне не существует различия между «аристократом духа» и ничтожеством, тру-

сом и храбрецом, человеком и пародией на него. Оборотной стороной данного представления является опасная социальная иллюзия всемогущества индивидуального планирования: современный человек на уровне коллективного бессознательного убежден, что потенциально всем подвластно все, что любой из нас при должных усилиях способен полюбить как Ромео или совершенно адекватно понять то, о чем писал, например, Р. Декарт;

2) ориентация на информацию, а не на знание. Современная культурная ситуация, с ее высоким жизненным ритмом, гипермобильностью и техническим изобилием делает практически невозможным существование некоторого устойчивого объема знаний, который по умолчанию должен быть известен всем. В частности, именно поэтому (хотя и не только поэтому) современное образование вообще опирается не на передачу знаний учащимся, а на формирование умений и навыков работы со специфическими массивами информации. Однако различение знания и информации обладает не только количественной, но и качественной размерностью. Знание — это тот материал, с которым имеет дело мыслящий Разум и к обладанию которым влечет нас, по словам Аристотеля [*Аристотель*. Метафизика // Соч. : в 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 63], сама человеческая природа. Существом информации же выступает простая осведомленность, которая в силу этой своей простоты практически неотличима от невежества. Доступность информации (в отличие от подлинного знания) создает в людях иллюзию компетентности и затемняет понимание того факта, что компетентен не тот, кто в любой момент может (и знает как) найти уже готовое решение той или иной проблемы, а тот, кто может в отсутствие готовых рецептов решить эту проблему сам, опираясь исключительно на возможности своего собственного разума;

3) ориентация на простоту. Современность, при всей ее инфраструктурной сложности, отвергает идею любого личностного усилия, не вписывающегося в рамки необходимой социализации. Вообще, как писал Ж. Бодрийяр, современный человек существует в условиях, когда нужно именно социализироваться, а не становиться кем-то [*Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000. 390 с.], или, как говорил Э. Фромм, иметь, а не быть [*Фромм Э.* Иметь или быть. М., 2007. 320 с.]. В силу этого современность обесценивает любые «сложные» мысли и чувства: обыватели не любят, а строят отношения, не работают над собой, а делают карьеру, не учатся, а «выбивают» отметки из учителей и т. д. Оборотной стороной этой всеобщей «простоты» является, таким образом, торжество посредственности. В современном мире не стыдно быть «среднестатистическим» человеком, быть частью массы, которая поглощает и уничтожает любые экономически и социально нерентабельные душевные порывы.

На наш взгляд, человек, мыслящий подобным образом, по определению только ограниченно способен к переживаниям, «завязанным» на необходи-

мости глубокого осмысления оснований собственного бытия. К переживаниям подобного рода, безусловно, относятся и религиозные переживания. При этом не имеют значения ни конкретная религиозная принадлежность переживающего, ни его возможный атеизм. Не играет роли то, как человек называет своего бога — Христос, Аллах, Будда или Любовь к мудрости. Не имеет значения, если некий профессиональный мыслитель вдруг предлагает рассматривать Бога всего лишь как онтологический адрес, выступающий оправданием человеческого стремления измерять, соотносить с эталонными образцами, доверять традициям (в том числе и в контексте фрейдистских рассуждений о культурном феномене отцовства), порицать, наказывать и т. д., либо как фундаментальную презумпцию разума (без которой он вообще не может работать в своем природном качестве машины упорядочивания и самозащиты), допускающего наличие вовне самого себя глобального Первоначала, вопрос о происхождении которого автоматически носил бы характер логической избыточности. В любом случае религиозные переживания коррелируют со стремлением человека выйти за рамки обыденности, абсурдной повседневности, фундаментальной бессмысленности рутины и страха перед лицом неизбежной смерти.

Таким образом, только человек (если бы он вдруг возник в современном культурном пространстве), обладающий, как сказал бы Ф. Ницше, волей к власти, а также развитым мышлением и способностью все-таки не быть массой, мог бы считаться подлинным субъектом религиозной веры, ее рыцарем. Современность, следовательно, создает все условия для упрощения и уплощения самой идеи религиозного чувства, низводя его до уровня инструмента манипулирования массовым сознанием, средства давления и механизма перекладывания ответственности на общепризнанные авторитеты. В определенном смысле для характеристики данных обстоятельств в наибольшей степени подходит постмодернистский термин «деконструкция». Можно сказать, что вообще современное религиозное сознание пребывает в деконструкции, т. е. постепенно утрачивает собственную предметность, актуализируясь в форме неналичия.

В. М. Шкарупа
(г. Омск)

ИММАНЕНТНАЯ ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Нетолерантность религиозного сознания оказывается внутренне присущей любому вероисповеданию в силу заложенного в нем изначально стремления во что бы то ни стало утвердить исключительное право на владение божественной истины, которой непогрешимо владеют лишь представители данной конфессии, что демонстрирует нам банальную логическую ошибку pars pro toto.

Ключевые слова: толерантность, религиозное сознание, конфессия.

V. M. Shkarupa
(Omsk)

IMMANENT INTOLERANCE OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS

Intolerance of religious consciousness turns out to be inherent in any religion in effect pledged it initially desire by all means adopt the exclusive right to the possession of divine truth, which infallibly own only representatives of this denomination, that shows us the banal pars pro toto logical error.

Key words: tolerance, religious consciousness, religion.

Религиозное сознание конституируется из обломков сознания мифологического, представляющего собой идеологию первобытного общества. Идеология цивилизованного общества возвышается над первым, с тем чтобы преодолеть слишком пестрое разнообразие проторелигиозных верований, преднаучных знаний, узкоплеменных ценностей и внутриродового понимания окружающего мира, которое естественным образом вырастало из тотемизма, анимизма и фетишизма.

Выплавленный из мифологического синкретизма единый религиозный взгляд на суть сверхъестественного источника всякого живого мира, на всякую живую тварь и живую душу тленного мира, а также самого его порождения не приводит автоматически к такому религиозному сознанию, которое естественным образом в лоне своем объединило бы всех верующих как таковых, исключая пассионариев, которые всегда и при любых обстоятельствах будут выпадать из общего стройного хора единомышленников и единоверцев.

Религиозное сознание, следовательно, настолько тесно, интимно связано своими глубинными интенциями с породившим его мифологическим лоном, что локальная привязка к географическому месту и этносу, его населяющему, все еще остается настолько сильной, что никакие экуменические движения абсолютно не в силах совладать с мифологическим разнообразием и этнической принадлежностью носителей веры той или иной конфессии. Любая конфессия, имеющая своей материальной базой тот или иной этнос, народ или коллектив этносов и народов, стремится идеологию этой базы, этой конфессии распространить на весь мир, почти без учета (а часто и невзирая) культурного многообразия других наций и цивилизаций.

Про навязшую в зубах «оголтелую агрессивность» исламистского фундаментализма можно было бы и не упоминать, если бы не одна любопытная параллель между «мирным» современным христианством и «агрессивным» исламом: вспомним, каким было христианство в том «подростковом» религиозном возрасте, в котором сейчас пребывает ислам? Да-да, таким же оголтело агрессивным, и прежде всего по отношению к тому же исламу,— то было время «славных» крестовых походов. Справедливости ради надо сказать, что по

отношению к политическому поведению данной религии, стремящейся к своему внешнему утверждению, применимо известное ленинское изречение — любая революция, если она хочет выжить, должна уметь защитить себя. А лучшая оборона, как известно, это нападение. Вот и нападают представители различных конфессий друг на друга при всяком удобном случае, не гнушаясь подчас и примитивной физической расправой. Особенно яростная борьба между конфессиями разворачивается в сфере привлечения в лоно своей веры неофитов из числа неверующих (в частности, язычников, но и атеистами также не гнушаются). Но особый шик, надо признать, достигается, когда удается перетянуть в свой стан верующего из противоположного лагеря (этим якобы особенно убедительно демонстрируется истинность своего вероисповедания). Не менее яростная борьба идет и за внешний духу мир, с его материальными богатствами и физической, военной силой, ведь часто пистолет оказывается намного эффективнее всех духовных доводов данной конфессии вместе взятых.

Я не обращаюсь к конкретике, ибо любое священное писание буквально кишит подтверждающими примерами, достаточно полистать страницы Ветхого или Нового Завета. Впрочем, от одного примера, точнее, указания на него, все же не удержусь. Это история, случившаяся с Павлом (бывшим Савлом, который уверовал в Иисуса-мессию и потому принял имя Павла) и его гонителями-иудеями, желавшими его скорой смерти из-за поклонения Христу (Деян. 21 слл.). Весьма показательна благоразумная позиция язычника правителя Кесарии Порция Феста наперекор облыжно обвинявшим Павла иудеям: «Ибо мне кажется, не рассудительно послать узника и не показать обвинений на него» (Деян. 25:27).

Из соображений, высказанных выше, мы можем сделать однозначный вывод об имманентной присущности религиозному сознанию такой его сущностной характеристики, как нетолерантность. По сути, любое религиозное сознание не просто нетолерантно, а скорее враждебно к сознанию нерелигиозному, а больше всего — к инорелигиозному сознанию. Нетолерантность эта кроется в самой основе религиозного сознания — в представлении о *едином* божестве как сакральном средостении любой религии, а потому всякая конфессия претендует исключительно лишь на монопольное владение божественной истиной, олицетворением которой данная конфессия и выступает.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И РЕЛИГИЯ
Бучакова М. А. Конституционно-правовые основы религиозных отношений в Российской Федерации ... 3
Векленко П. В. Сервильное право vs светское государство ... 6
Грязнова Т. Е. Учение о свободе совести Б. Н. Чичерина ... 8
Денисенко С. В. Религиозная толерантность и правоохранительные органы ... 11
Исаев А. А. Реализация гарантии свободы совести в сфере деятельности органов внутренних дел ... 13
Куцая М. А. Государственно-конфессиональные отношения: проблемы определения понятия и содержания ... 17
Лапунова Ю. А., Малахов А. С. О совершенствовании законодательства в религии ... 20
Шарапова М. А. Правовое регулирование деятельности религиозных организаций в России: вопросы без ответов ... 22

РАЗДЕЛ II. РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО
Бубнов Е. С. Инквизиция в XXI веке ... 26
Быков Р. А., Филькин К. Н. Экономический подход и теории управления в исследованиях религиозной сферы ... 29
Грачёв А. В. Этнические автостереотипы и ценностные ориентации омской молодежи ... 32
Грошева И. А., Грошев И. Л. Экстремизм в России: защита веры любой ценой ... 35
Добросоцкая А. В., Садовская Е. Ю. Роль религии в духовном становлении русского воина ... 38
Жигунова М. А. Современное население Западной Сибири: межрелигиозный аспект ... 40
Колотова О. И., Овчинникова Т. М. Этническая идентичность молодежи в полиэтничном образовательном пространстве ... 43
Котова Е. Н. Этноконфессиональные проблемы современной России ... 47

Лапунова Ю. А., Баширова Л. С., Подшивалов А. П. Профилактика совершения правонарушений в отношении молодежи религиозными сообществами криминальной направленности 50
Мельцов В. М. Противодействие органов внутренних дел деятельности религиозных экстремистских объединений (на материалах ГУ МВД России по Нижегородской области) 53
Назарова С. В., Шевченко Л. Я. Терроризм как реальная угроза безопасности государства 56
Петров А. В. Православное образование в Омске: от училища — к семинарии 58
Попов Д. В. Геополитика, биополитика, религия 62
Филимонов А. Г. Социально-политическая доктрина Русской Православной Церкви на современном этапе развития 64
Шаймерден Г. И. Истоки и смысл религиозного экстремизма в Казахстане 67
Шиманская О. К. Проблема этноконфессиональной безопасности в современной России: вызовы и риски 71
Шишкин В. В. Пропаганда традиций русской православной культуры как фактор предупреждения развития религиозного экстремизма на территории Российской Федерации 75
Штергер М. В. Взаимодействие религиозных объединений и власти: из опыта работы 79
Яшин В. Б. Неоархаика в эпоху постомодерна: религиозная организация шаманов «Ведара» (город Омск) 81

РАЗДЕЛ III. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ
Бакулина С. Д., Проданик Н. В. Основы религиозных культур и светской этики: подготовка учителей к преподаванию модульного школьного курса 85
Воробьева Н. В. Святой Иоанн Златоуст как идентификационная модель для патриарха Никона 88
Денисов С. Ф., Денисова Л. В. Религия в великой классической антиутопии 91
Ефимова С. В. Юродивые — отражение идеала христианина в русской культуре 94
Зверева Ю. Ю. Ислам и русская религиозная философия как альтернативные проекты глобализации 97
Казаков Е. Ф. Проблема теодицеи и антроподицеи в наши дни 100
Кордас О. М., Николаева Ю. А. Отношение к тайне в религиозном и философском мировоззрении 103
Кузьмина Е. В. Сравнительная теология 105
Морозов А. А. Формирование религиозной нормы: от откровения к традиции 108

Нефёдова Л. К. Религиозный комплекс: методологический и педагогический аспекты 111
Носов С. К. Особенности использования религиозных символов и образов в светской культуре 114
Руди А. Ш. Религия и наука в познании мира 116
Хлебникова О. В. Деконструкция современного религиозного сознания 119
Шкарупа В. М. Имманентная интолерантность религиозного сознания 121

Научное издание

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Тезисы докладов и сообщений Пятой всероссийской научно-практической конференции

Редактор А. Н. Великих
Корректор Л. И. Замулло
Технический редактор Л. А. Янцен
ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.
Подписано в печать 28.09.2016. Формат 60x84/16. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 7,4. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 100 экз. Заказ № 518.

Редакционно-издательский отдел
Группа полиграфической и оперативной печати
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7